

Карельский научный центр
Российской академии наук

**ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ**
Карельский научный центр РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

6-7 октября 2021 года

г. Петрозаводск

VII

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
Институт экономики Карельского научного центра РАН

**Перспективы социально-экономического развития
приграничных регионов:**
материалы VII международной научно-практической конференции
6-7 октября 2021 г.
г. Петрозаводск

Москва
2021

УДК 332.1(063)
ББК 65.049
П27

П27 Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: материалы VII международной научно-практической конференции [6-7 октября 2021 г., г. Петрозаводск] / Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт экономики КарНЦ РАН; [отв.ред.: Т.В. Морозова, Н.Г. Колесников]. – Москва: Первое экономическое издательство, 2021.

ISBN: 978-5-91292-423-1
DOI: 10.18334/9785912924231

Материалы VII международной научно-практической конференции «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов» (6-7 октября 2021 года) включают избранные статьи участников конференции. Материалы посвящены многоаспектным актуальным и дискуссионным вопросам современного положения и развития приграничных регионов России и зарубежных стран. Адресуется специалистам экономических, социальных, экологических, политологических, исторических и культурологических научных направлений, а также представителям федеральных, региональных и муниципальных органов власти, преподавателям и студентам высшей школы, и, безусловно, всем, кто интересуется вопросами приграничного сотрудничества РФ и ее регионов. Материалы представлены в авторской редакции, статьи отражают позицию их авторов.

ISBN: 978-5-91292-423-1

© ФИЦ «Карельский научный центр РАН», 2021
© Институт экономики КарНЦ РАН, 2021
© Первое экономическое издательство, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Акулов В. Б. Роль долгового финансирования в экономическом развитии.....	6
Белов В. И. Особенности региональной экономической интеграции национальных государств в трансформационном экономическом пространстве	11
Богачев В. Ф., Микуленок А. С. Формирование механизма управления экономикой Арктической зоной Российской Федерации	17
Бухвальд Е. М. Проблемы совершенствования Стратегии пространственного развития Российской Федерации	24
Быкова А. Н. Проблемы занятости и трудоустройства людей с интеллектуальными нарушениями	30
Влезкова В. И., Хмелева Г. А. К вопросу о конвертации потенциала приграничного региона в его конкурентные преимущества.....	34
Герасимова И. А., Герасимова Е. В. Сравнительный анализ социально-экономического положения населения приграничных регионов Республики Карелия	39
Гневашева В. А. Постковидный синдром приграничных территорий	45
Казаков С. Г., Казакова Т. А. Урбанизация Центрального Черноземья как фактор освоения приграничного пространства: историко-географический обзор.....	49
Кириенко В. В. Интеграция национальных образовательных систем высшего технического образования Беларуси и Российской Федерации как условие формирования эффективной интегрированной экономики Белорусско - Российского союзного государства	54
Краснопольский Б. Х. Тихоокеанская Арктика: трансграничный регион на перекрестке двух океанов и континентов.....	58
Курило А. Е. Трансформация рынка труда Республики Карелия: статистические индикаторы.....	64
Логинов В. Г. Арктическая зона Российской Федерации: особенности обоснования сухопутной границы	70
Лукьянова Н. Ю., Ткаченко Д. А., Шаркова А. А. Особенности создания и развития онлайн-бизнеса с социальной направленностью в Калининградской области.....	76
Махновский Д. Е. Приграничные регионы Европы и Нового Света: тенденции социально-экономического развития в начале XXI в.	81
Морошкина М. В. Пространственная неоднородность приграничных регионов	87
Пахомова А. А., Сидорова Е. В., Федорчук В. Е., Нардина А. А., Тишков С. В., Шандор Халас Влияние NBIC технологий на экономическую интеграцию	93
Румянцев А. А. Перспективные формы реализации научных исследований в регионе	98
Самарина В. П. Сравнительный анализ экологических целей и задач российских арктических регионов	101
Сапрыка В. А., Кулакова Н. И., Солоха В. В. Развитие общественной дипломатии приграничных регионов.....	107

Сачук Т. В. Новые вызовы и возможности социально-экономического развития приграничных территорий	112
Снежкова И. А., Шалыгина Н. В. Представление о России и Беларуси с точки зрения студентов двух стран (на материалах социологических исследований 2019 - 2020 гг.)	118
Соколов А. А., Руднева О. С. Выявление современных структурно-отраслевых вызовов в аспекте устойчивого развития в российско-казахстанском трансграничном регионе	124
Трофимова Я. В. Влияние статуса приграничной территории на пополняемость местного бюджета.....	130
Хмелева Г. А., Курникова М. В., Влезкова В. И. Современное состояние приграничного сотрудничества России и Казахстана: пора познакомиться поближе	134
Хужахметова Г. Н. Трансакционные издержки строительства трансконтинентальной дороги через Республику Башкортостан.....	140
Чайка Е. А. Рокадное взаимодействие Арктических регионов: локальный и глобальный аспекты	144
Черномаз П. А. Барьерность российско-украинской границы: возможности преодоления.....	147
Шендрик А. В., Лачининский С. С. Развитие портового хозяйства России в 2009–2020 годах	152
Шлямин В. А., Гладких Е. Г. Проблемы стратегирования, координации и повышения взаимного доверия в приграничном экономическом сотрудничестве России и Финляндии	156

РОЛЬ ДОЛГОВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Акулов Владимир Борисович

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

akulov_vb@mail.ru

Аннотация. Все функциональные экономические субъекты и государство привлекают чужие средства для повышения собственной эффективности. Это увеличивает их возможности по производству благ и услуг. При этом растет равновесный и фактический ВВП страны. Эмпирические данные по США, Китаю, Японии и России за 2011-2020 гг. дают возможность проверить гипотезу о том, что долговое финансирование государства, предприятий и домохозяйств способствует возрастанию макроэкономической эффективности. Для решения заявленной проблемы используются показатели величины долга, цены привлечения чужих средств, рассчитываются долговые мультипликаторы. На основании полученных данных делаются выводы об эффективности / неэффективности долгового финансирования субъектов экономики в США, Китае, Японии, России за 2011-2020 гг.

Ключевые слова: макроэкономическая эффективность, долговое финансирование, величина долга, чистая ставка процента, долговые мультипликаторы

THE ROLE OF DEBT FINANCING IN ECONOMIC DEVELOPMENT

Akulov, Vladimir

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

akulov_vb@mail.ru

Abstract. All functional economic entities and the state attract other people's funds to increase their own efficiency. This increases their ability to produce goods and services. At the same time, the equilibrium and actual GDP of the country is growing. Empirical data on the USA, China, Japan and Russia for 2011-2020 make it possible to test the hypothesis that debt financing of the state, enterprises and households contributes to the increase in macroeconomic efficiency. To solve the stated problem, indicators of the amount of debt, the cost of attracting other people's funds are used, debt multipliers are calculated. Based on the data obtained, conclusions are drawn about the effectiveness /inefficiency of debt financing of economic entities in the USA, China, Japan, Russia for 2011-2020.

Keywords: macroeconomic efficiency, debt financing, debt size, net interest rate, debt multipliers

Известно, что в хозяйственной деятельности функциональных экономических субъектов и государства важная роль отводится решению вопроса о рациировании источников финансирования такой деятельности. В принципиальном плане этот вопрос решен Ф. Модильяни и М. Миллером [1]. Проиллюстрируем возможность применения долгового финансирования для повышения собственной эффективности функционирования следующим рисунком (рис. 1).

Видно, что *величина долга* (площадь треугольника) во втором случае больше, чем в первом, но также очевидно, что и эффективность долгового финансирования (долговая устойчивость) во втором случае выше. Причина в различии угла наклона сторон треугольников – *процентной ставки*, по которой происходит обслуживание долга в стране 1 и стране 2. Во второй стране эта ставка ниже. Понятно, что страна 2 имеет гораздо большие возможности использования долгового финансирования.

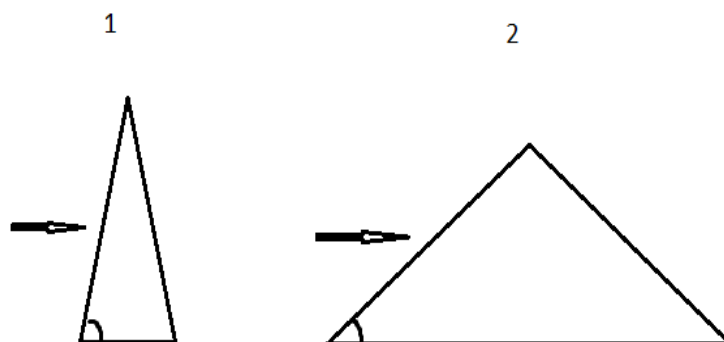

Рисунок 1. Эффективность долгового финансирования

Таким образом, для того, чтобы понять, когда долговое финансирование ведет к росту макроэкономической эффективности, мы должны рассмотреть не только данные о *величине долгов* экономических субъектов, но и определить чистые, за вычетом инфляции, *ставки, по которым обслуживают долги* производители, потребители и государство. В данной работе в качестве объектов исследования мы будем сравнивать экономики США, Китая, Японии и России. Данные будут рассматриваться, и сопоставляться в периоде 2011-2020 гг. Он вполне соответствует одному экономическому циклу. Это позволит получить более обоснованные выводы. Полученные данные представлены в таблицах 1-3 и на рисунке 2.

Таблица 1

Отношение долга к ВВП по США, Китаю, Японии, России за 2011-2020 гг.

Доля соответствующего долга в совокупном (% ВВП)

	Государственный долг			Нефинансовый корпоративный долг		
	2011	2015	2020	2011	2015	2020
США	95,8	100,1	107,6	57	60	84
Китай	31,8	41,5	66,8	107	149	161
Япония	221,9	231,3	266,2	100	98	115
Россия	9,5	13,6	18,0	60	80	92
	Долг домохозяйств			Совокупный долг		
	2011	2015	2020	2011	2015	2020
США	88	77	78,5	240,8	237,1	270,1
Китай	28	38	62	166,8	228,5	289,8
Япония	59	57	65,5	380,9	386,3	446,7
Россия	11	16	22	80,5	109,6	132,0

Рассчитано по: [2, 3, 4].

Таблица 2

Средняя реальная ставка процента и min – max производителей и потребителей за 2011-2020 гг. по США, Китаю, Японии и России (%)

Годы	США	Китай	Япония	Россия*
2011 – 2020 гг. средняя	2,035	2,64	0,61	3,25
Min – max за период	1,2 – 3,5	(-1,0) – 4,5	(-0,9) – 3,2	(-2,01) – 9,48

*- 2012-2019 гг. Рассчитано автором по: [5, 6, 7].

Теперь определим чистую ставку заимствования государством. Начнем с США.

Рисунок 2. Номинальная и реальная доходность 10-летних американских облигаций [2]

Таблица 3

Сравнительная доходность (ставка заимствования) 10-летних облигаций Китая, Японии и России (%)

Год	Китай		Чистая доходность	Япония		Чистая доходность	Россия		Чистая доходность
	Доходность max-min	Инфляция		Доходность max-min	Инфляция		Доходность max-min	Инфляция	
2011 7-12	4,15-3,5	5,4	<0	1,1-1,0	-0,27	>0	9,25-8,0	6,1	>0
2012	3,6-3,3	2,65	>0	1,1-0,7	-0,05	>0	9,25-6,8	6,6	>0
2013	4,7-3,4	2,62	>0	0,7-0,55	0,35	>0	8,0-6,5	6,5	>0
2014	4,6-3,6	1,99	>0	0,75-0,25	2,76	<0	14,2-8,4	11,4	=0
2015	3,7-2,8	1,44	>0	0,5-0,25	0,79	<0	14,0-9,7	12,9	=0
2016	3,1-2,65	2,0	>0	0,25-(-0,25)	-0,12	>0	10,6-8,0	5,4	>0
2017	4,0-2,8	1,56	>0	0,1-0	0,47	<0	8,5-7,0	2,5	>0
2018	4,1-3,1	2,11	>0	0,15-0	0,98	<0	9,2-6,9	4,3	>0
2019	3,4-3,1	2,9	>0	0-(-0,25)	0,48	<0	8,5-6,0	3,1	>0
2020	3,4-2,5	2,5	>0	0,1-(-0,15)	-0,02	=0	7,8-5,5	4,9	>0
2021 1-6	3,25-2,83	1,2	>0	0,15-0	0,14	=0	7,3-5,8	6,5	=0

Жирным выделены ситуации, когда чистая ставка заимствования либо равна, либо меньше 0, т. е. здесь кредитор фактически не получает дохода от вложения средств в государственный долг конкретной страны. Следовательно, доход получает заемщик.

Рассчитано по: [3, 4, 5, 6, 7].

На основании представленных данных можно сделать некоторые выводы.

Начнем с *Соединенных Штатов*. Американское **государство** активно использует чужие средства и, несмотря на превышение психологической «красной черты» (100% ВВП) делает это достаточно эффективно за счет чистой отрицательной ставки процента привлечения данных средств.

Потребители США смогли сделать выводы из ситуации финансового кризиса 2008-2009 гг. и в настоящее время, последние 10 лет демонстрируют ответственное отношение к использованию чужих средств при финансировании своего функционирования (некоторое снижение доли заимствований домохозяйств в ВВП и низкая чистая ставка процента доказывают эффективное использование чужих средств).

Наиболее проблемной с долговым финансированием складывается ситуация в **американском бизнесе**. Низкая реальная ставка процента обслуживания долгов не компенсирует резкое возрастание таких долгов по отношению к ВВП. Правда, крупный американский бизнес пытается извлечь выгоды для себя и из этого положения. Резкий рост капитализации крупнейших американских компаний, особенно в последние годы, позволяет существенно минимизировать цену привлечения средств, в том числе и за счет продажи пакетов собственных акций по существенно возросшей цене.

Китай. Китайское **государство** имеет еще достаточный потенциал роста долгового финансирования, правда здесь все-таки необходимо учитывать и специфику китайской экономики. Это проблема долгов уровней китайского государства. Тревожным является рост задолженностей провинций и местных органов государственной власти. Но в рамках данной работы мы не касались проблемы структуры долга государства и других экономических субъектов. Эта тема другой работы.

Китайские **потребители** в целом демонстрируют достаточно ответственное отношение к использованию чужих средств. Потенциал роста долгового финансирования пока не использован полностью. Реальная ставка процента приемлема.

Самая серьезная проблема – это долговое финансирование **предпринимателей**. Очевидно надувание долгового пузыря китайских корпораций и предприятий. Надежды на государственные гарантии не оправдывается, и в Китае уже начинается волна банкротств предприятий. Не оправдывается надежда на беспроблемный рост долгового финансирования, отрицательные последствия которого может нивелировать быстрый рост экономики в целом и предпринимательской активности, в частности.

Япония. Самый большой совокупный долг по отношению к ВВП объясняется долгом **государства**. **Функциональные субъекты** японской экономики демонстрируют вполне эффективное использование долгового финансирования. Этому, безусловно, способствует практически нулевая реальная процентная ставка (самая низкая в группе рассматриваемых стран).

Что же касается государства, то эта проблема практически «снимается» институциональными и ментальными особенностями Японии. Отсюда следует, может быть, неожиданный вывод, особенно с учетом объективных данных, приведенных в данной статье. Японская экономика в целом достаточно эффективно использует долговое финансирование.

И, наконец, *Россия*. Формально у нашей страны самые хорошие статистические данные о размерах долгового финансирования (в анализируемой группе стран). Это особенно касается **государства** и **потребителей**. Да и данные по задолженности **производителей** хуже только американских. Но здесь все не так просто, если мы используем все факты, связанные с задолженностью российских экономических субъектов.

Конечно, российское государство имеет значительный потенциал роста долгового финансирования, даже с учетом самой высокой реальной ставки процента привлечения таких средств. Тем не менее, санкционное давление Запада направлено, прежде всего, именно на *ограничение и удорожание* долгового финансирования российского государства. С этим нельзя не считаться. Альтернативой может быть только создание эффективного механизма превращения внутренних сбережений в инвестиции в национальную экономику.

Российские потребители, несмотря на высокую ставку процента, не исчерпали возможностей дополнительного привлечения чужих средств для решения экономических проблем своих домохозяйств.

Тревожным является ситуация с долговым финансированием у наших производителей, особенно с учетом высокой реальной ставки процента. Задолженность, приближающаяся к 100% ВВП, означает надувание финансового пузыря. Для того, чтобы он не взорвался, необходимы более высокие темпы роста ВВП. Тогда задолженность в размерах чуть меньше величины ВВП может быть признана достаточно комфортной для российского бизнеса. Не стоит также забывать и о санкционном давлении, особенно на предприятия, принадлежащие российскому государству, и предприятия, где государственный пакет достаточно большой.

Литература

1. Modigliani F., Miller M. The cost of Capital, Corporation Finance and The Theory of Investment // Amer. Econ. Rev. 1958, June. P. 261-297
2. Longtermtrends.net. Долгосрочные экономические тренды [Электронный ресурс]. Яз. Англ. – (03.08.2021)
3. Tradingeconomics.com. Торговая экономика [Электронный ресурс]. – Яз. Англ. – (01.08.2021)
4. Яндекс. Дзен. [Электронный ресурс] – Яз. Русский. – (01.08.2021)
5. Macrotrends.net/countries. Макроэкономические тренды. [Электронный ресурс]. –Яз. Англ. – (28.07.2021)
6. Worldbank.org. Всемирный банк. [Электронный ресурс]. – Яз. Англ. – (30.07.2021)
7. Statista.com. Статистика [Электронный ресурс]. – URL: Яз. Англ. – (21.07.2021)

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ТРАНСФОРМАЦИОННОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Белов Валерий Игоревич

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС, ЛГУ им. А.С. Пушкина, Россия,
г. Санкт-Петербург
v.i.belov@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются определенные цели при взаимодействии государств, осуществляющих экономическую интеграцию. Описываются причины, а также последствия внешнеэкономической политики отдельных государств, ведущие к развязыванию торговых войн. Характеризуется внешнеторговый оборот в странах Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: экономическая интеграция, гравитационная модель международной торговли, внешнеторговый оборот, внешняя торговля, взаимная торговля, экономическое пространство

FEATURES OF REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION OF NATIONAL STATES IN THE TRANSFORMATIONAL ECONOMIC SPACE

Belov, Valeriy

*The North-West Institute of Management, branch of RANEPA, Pushkin Leningrad State
University, Russia, Saint Petersburg
v.i.belov@bk.ru*

Abstract. The article discusses some goals in the interaction of states engaged in economic integration. The reasons and consequences of the foreign economic policy of individual states leading to the outbreak of trade wars are described. The foreign trade turnover in the countries of the Eurasian Economic Union is characterized.

Keywords: economic integration, gravity model of international trade, foreign trade turnover, foreign trade, mutual trade, economic space

Становление национальных государств на европейском континенте (стран Западной, Восточной, Южной, Северной частей Европы) относится к первой четверти XX века, когда после Первой мировой войны распались четыре империи (Австро-Венгерская, Германская, Российская, Османская) и в последующем произошло возникновение независимых государств. Одной из причин «подтолкнувших» народные массы к получению свободы и независимости, был уход от авторитарных режимов, неконтролируемой власти, обострившихся социально-экономических противоречий в сторону формирования своей либерально-демократической идеологии и суверенного государства.

После реализации национальными государствами самостоятельной политики жизнедеятельности общества последующие несколько десятилетий выявили новые, часто схожие в отдельных государствах проблемы в социальной и экономической сферах. Для их разрешения потребовалось проведение единой консолидированной

политики в отношении независимых государств, что стало прологом на пути к экономической интеграции.

Процесс экономической интеграции суверенных государств получил свое активное развитие после Второй мировой войны и распада колониальной системы и представлял собой закономерное проявление получившей широкое распространение экономической глобализации. Экономическая интеграция понимается как процесс либерализации условий хозяйствования (свободного перемещения ресурсов и факторов производства: труда, капитала, технологий, знаний и проч.) информирования общего рынка посредством объединения экономик стран, что приводит к унификации экономической политики, как в отдельных отраслях экономики, так и в интегрируемых государствах в целом.

Экономическая интеграция применялась сначала в Европе в 50-х годах XX столетия, а затем в 1960-х годах стала распространяться и на другие регионы мира. К 2000-м годам в мире уже было зарегистрировано свыше 200 региональных соглашений интеграционного типа, а к концу 2020 года по данным Всемирной торговой организации насчитывалось около 400 интеграционных соглашений различной формы сотрудничества и взаимодействия между странами-участниками [2].

Еще некоторое время назад одной из главных причин экономической интеграции было стремление различных государств повысить экономическую эффективность национального производства посредством реализации системы международного разделения труда и международного производственного кооперирования [3]. Сегодняшнее положение дел несколько меняет целевые установки при взаимодействии государств и их последующем экономическом слиянии. На первый план выходят вопросы сотрудничества, связанные: во-первых, с повышением конкурентоспособности национальных экономик на международном рынке товаров и услуг, во-вторых, с включением страны в международные логистические цепочки поставок и с формированием определенной доли на рынках сбыта готовой продукции. Наглядная иллюстрация процесса экономической интеграции представлена на рисунке 1.

Реализация концепции однополярного мира со стороны отдельных государств и предпринимаемые ими действия (политическое давление, экономические санкции) к несогласным с такой постановкой вопроса другим государствам приводят к конфронтации в отношениях между странами, ранее не считавшимися угрозой или врагом друг другу. Одной из причин столь агрессивной политики и развязывания торговых войн по отношению к деловым партнерам (Китай-США, США-Россия, Франция-Австралия-США и др.) является, с одной стороны, обострившаяся конкуренция на рынках сырья и готовой продукции между различными странами, накопившими за последние десятилетия свой производственно-хозяйственный и научно-технологический потенциал. С другой стороны, это стремление удержать всеми возможными средствами (вплоть до военных действий) свою нисходящую, но все еще доминирующую позицию на глобальных рынках как главного и разводящего игрока.

Подобные действия стран-узурпаторов приводят не только к объединению и интеграции противостоящих им международных факторов в региональные торгово-экономические союзы и блоки для повышения своей конкурентоспособности, но и к размежеванию общих границ свободной торговли некогда единого мирового экономического пространства, создавая «нарезку» из нескольких региональных группировок на каждом континенте.

В настоящее время происходит трансформация мирового экономического пространства, определяются новые границы «безболезненной» свободной международной торговли и сотрудничества. Блоковая торговля между странами-

союзниками, а также региональные интеграционные объединения видоизменяют сегодняшнее экономическое пространство, «разрезая» его на несколько частей и создавая в каждой его части свои «правила игры» странами-участницами. Всемирная торговая организация, созданная более полувека назад с целью либерализации международной торговли и выработки для всех государств-членов единых правил торговых отношений, постепенно утрачивает свою роль на мировой арене ввиду несостоятельности в разрешении спорных торгово-экономических вопросов. Поэтому возникают либо новые торговые союзы, либо усиливается торгово-экономическая деятельность в существующих региональных интеграционных объединениях, которые оказываются способными реализовывать единую внешнеэкономическую политику государств без ущемления национальных интересов стран-участниц и без ангажированности принимаемых ответственными лицами политико-экономических решений.

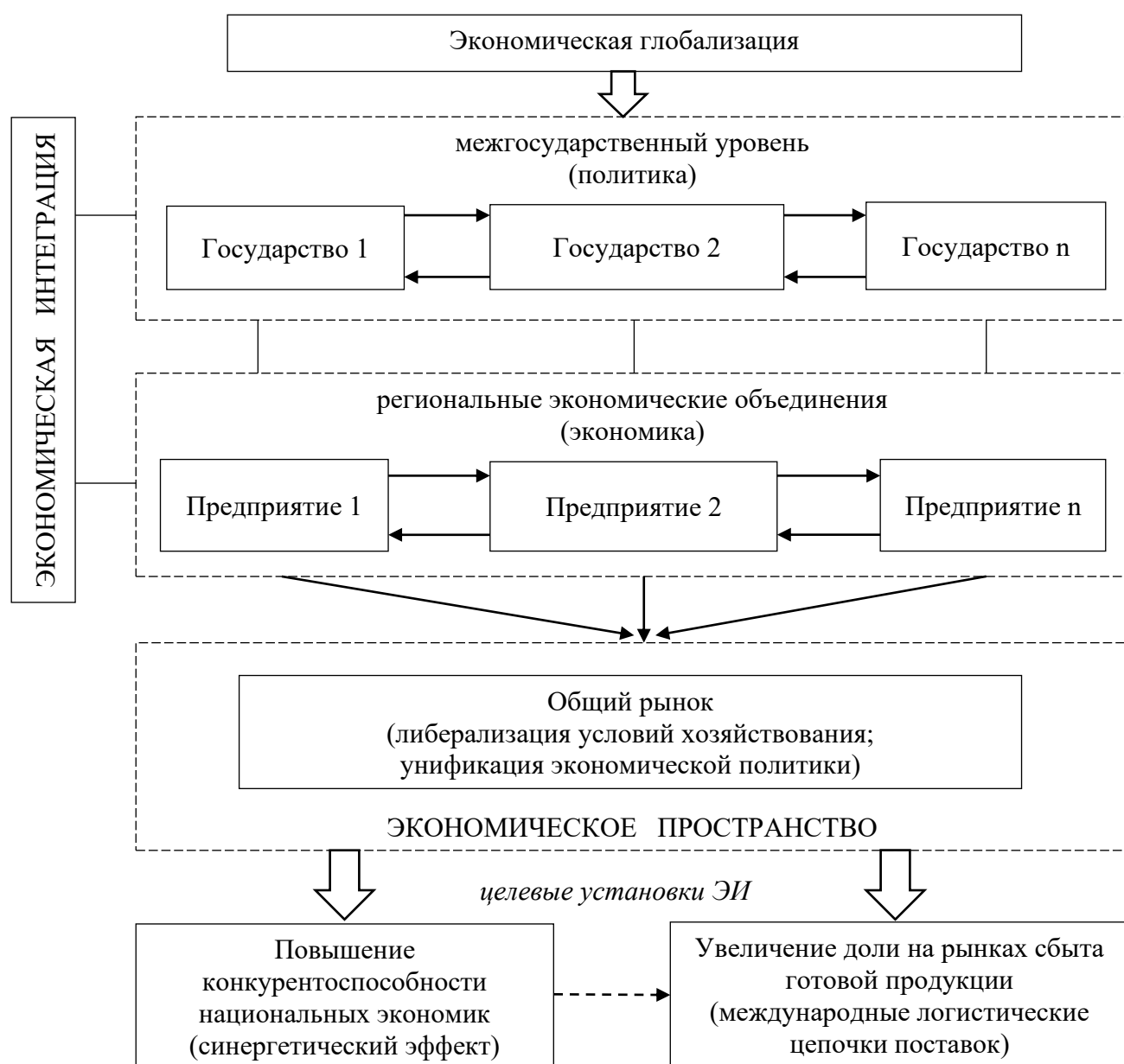

Рисунок 1. Целевые установки экономической интеграции в трансформационном экономическом пространстве

На формирующемся постсовременном разрозненном экономическом пространстве «вход» на рынки сбыта продукции и свободная без обременений торговля между союзническими странами позволяют в размежеванных границах с определенными торговыми партнерами наращивать свой экспортный потенциал посредством взаимовыгодной торговли для каждой из сторон.

За последние десять лет в разных странах мира наблюдалась активизация деятельности по объединению ресурсно-производственного потенциала различных компаний. Имело место и создание стратегических альянсов в целых отраслях экономики. Например, франко-японское партнерство в области развития машиностроения (Renault–Nissan–Mitsubishi Alliance) привело в 2017 году альянс к лидерству (впервые в истории) на мировом рынке автопроизводителей по количеству реализованных автотранспортных средств[1].

Одной из особенностей региональной экономической интеграции в настоящее время является организация взаимодействия и сотрудничества между близко расположенными странами-участницами. Согласно гравитационной модели международной торговли, в которой основные факторы больше связаны с пространством, географическое расположение стран влияет на объемы совершаемых внешнеторговых сделок: с увеличением расстояния между странами торговля имеет тенденцию к сокращению. Другой особенностью региональной экономической интеграции является возможность осуществлять внутриотраслевую торговлю между предприятиями и организациями участвующих стран на внутреннем рынке с несовершенной конкуренцией. Такое становится возможным благодаря так называемому «взаимному демпингу», когда хозяйствующие субъекты в целях расширения своих рынков сбыта, готовы торговать с другими странами не дифференцированной продукцией, то есть продукцией, которая не обладает сравнительным преимуществом ввиду отсутствия необходимой специализации [4, с. 224–250].

Рассмотрим в качестве примера объемы внешней и взаимной торговли товарами между государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого эти особенности можно наблюдать. В ЕАЭС входят пять государств: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия (без государств-наблюдателей), на их долю приходится 2,4 % глобальной торговли (экспорт товаров и услуг)¹. Между данными государствами имеется или общая граница (Беларусь-РФ, РФ-Казахстан, Казахстан-Кыргызстан), или территориальная близость (Армения-РФ, Армения-Казахстан).

При рассмотрении такого показателя, как «Внешнеторговый оборот товарами с третьими странами», государства-члены ЕАЭС с 2016 г. по 2019 г. в целом демонстрируют положительную динамику (см. таблицу 1).

Некоторое сокращение товарооборота с Российской Федерацией в 2019 г. в основном объясняется сокращением средних цен на экспортируемую продукцию. В 2020 году значения показателя по всем странам снизилось, что объясняется принимаемыми многими государствами мерами по самоизоляции страны и ограничению внешнеэкономической деятельности в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19). Основным партнером в экспортно-импортных операциях остается Китай, на долю которого приходится ~ 20% от всего внешнеторгового оборота ЕАЭС.

¹ Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2019 год: Статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. — Москва: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2020. — 714 с.: ил.

Примечательным остается тот факт, что в 2019 году при массивном давлении со стороны западных стран и одно государство, входящее в Евразийский экономический союз, не сократило объемы взаимной торговли между членами ЕАЭС (см. рисунок 2).

Таблица 1

Внешнеторговый оборот товарами с третьими странами

Внешнеторговый оборот товарами с третьими странами, млрд долл. США						
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Армения	3,4	3,6	4,5	5,2	5,7	4,8
Беларусь	28,8	24,4	30,1	35,7	35,7	31,1
Казахстан	60,2	48,3	60,3	74,6	76,1	65,3
Кыргызстан	3,1	3,5	3,8	4,3	4,2	3,2
Россия	483,8	429,6	535,4	634,0	614,1	518,4
ЕАЭС	579,3	509,4	634,1	753,8	735,8	622,8

Составлено автором по данным¹

Рисунок 2. Торговый оборот в ЕАЭС за период 2016-2020 гг.

(составлено автором по данным²)

В качестве вывода можно обозначить следующее. Во-первых, повышение конкурентоспособности национальных экономик на глобальных рынках становится

¹Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2019 год: Статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. — Москва: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2021. — Режим доступа: [Ext_2020.pdf \(eurasiancommission.org\)](https://eurasiancommission.org/Ext_2020.pdf)

²Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2019 год: Статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. — Москва: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2021. — Режим доступа: [Int_2020.pdf \(eurasiancommission.org\)](https://eurasiancommission.org/Int_2020.pdf)

возможным посредством создания региональных интеграционных союзов (или активизации действий в уже существующих). Во-вторых, ограничение по количеству торговых партнеров вне рамок интеграционных союзов может привести не только в увеличение взаимной торговли между странами-членами того или иного объединения, но и в целом будет способствовать развитию экономики национальных государств ввиду проявления синергетического эффекта и отсутствия экономических санкций со стороны некоторых государств, ведущих к недополучению прибыли.

Литература

1. A GLOBALAUTOMOTIVE ALLIANCE [Электр. ресурс], 2021. – Режим доступа: <https://www.alliance-2022.com/>
2. WTODOCUMENTSONLINE [Электр. ресурс], 2021. – Режим доступа: <https://www.wto.org/index.htm>
3. Шумилов А.В., Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 2. С. 224–250.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Богачев Виктор Фомич

Институт проблем региональной экономики РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
vic-bogachev@mail.ru

Микуленок Алексей Сергеевич

Институт проблем региональной экономики РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
amik88@list.ru

Аннотация. В статье описываются принципы и методы межрегионального управления экономикой регионов, входящих в состав Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). Для достижения поставленных в Стратеги развития АЗРФ до 2035 года целей необходимо решить комплекс задач, связанных с обоснованием структурных изменений в экономике арктических регионов и определением содержания соответствующих им методов управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; формированием партнерских отношений между бизнесом и властью; созданием эффективной межотраслевой системы управления региональными ресурсами. В качестве методологии организации данного процесса авторами предлагается идея формирования региональных систем управления на основе стандартов качества. Внедрение международных стандартов качества в практику межрегиональной интеграции требует реформирования организационных структур управления на основе системных и сетевых принципов. Этот процесс носит многоаспектный характер и включает целый комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на существенные изменения в структурах управления региональной экономикой на основе международных стандартов систем менеджмента качества, процессного подхода и информационных технологий. Это отвечает требованиям региональной интеграции при решении общих проблем, характерных для регионов. Кроме того, такая интеграция позволяет шире привлекать инвестиции, развивать информационно-коммуникационные технологии, активизировать инновационную деятельность и добиваться синергетического эффекта на оперативном, тактическом и стратегическом уровнях.

Ключевые слова: межрегиональное управление в АЗРФ, социально-экономическое развитие АЗРФ, организационная структура управления, стратегия инновационного развития, формирование сетевых систем, стандарты управления ISO.

CREATION OF MANAGEMENT MECHANISM IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Bogachev, Victor

Institute for Regional Economic Studies RAS, St. Petersburg, Russia
vic-bogachev@mail.ru

Mikulenok, Alexey

Institute for Regional Economic Studies RAS, St. Petersburg, Russia
amik88@list.ru

Abstract: The article describes the principles and methods of interregional economic management of the Arctic regions that are part of the Arctic zone of the Russian Federation (Russian Arctic). To achieve the goals set by the Development Strategy for the Russian Arctic till 2020, it is necessary to

solve a set of tasks related to: substantiating structural changes in the economy of the Arctic regions and determining the content of the corresponding management methods at the federal, regional and municipal levels; creation of partnerships between businesses and government; creation of an effective regional resources management inter-sectoral system. As a methodology for organizing this process, the authors propose the idea of creating regional management systems based on the use of quality management standards. The introduction of international quality standards to the practice of interregional integration requires the reform of organizational management structures based on system and network principles. This process is multidimensional in nature and includes a whole range of interrelated activities aimed at significant changes in the regional economy management structures based on international management systems quality standards, process approach and information technologies. This meets the requirements of regional integration in solving common problems characteristic of these regions. In addition, such integration allows attracting investments, developing information and communication technologies, enhancing innovation, developing partnerships and achieving synergistic effects at the operational, tactical and strategic levels.

Keywords: interregional management in the Russian Arctic, socio-economic development of the Russian Arctic, management organizational structure, strategy of innovation development, creation of network systems, ISO management standards.

Введение

В стратегии развития АЗРФ на период до 2035 года отмечается, что решение поставленных задач «требуется согласованных действий федеральных и региональных органов государственной власти и муниципальных образований, расположенных в АЗРФ, институтов гражданского общества, крупных ресурсных корпораций, других организаций и учреждений, работающих в макрорегионе, в интересах обеспечения максимально эффективного использования производственно-технического потенциала, природных и человеческих ресурсов» [8]. В многочисленных публикациях авторов, исследующих проблемы АЗРФ (А.Н. Виноградов, Н.В. Зубаревич, Ю.Ф. Лукин, В.Н. Лаженцев, Ф.Д. Ларичкин, В.С. Селин, Т.П. Скуфына, и др.), анализируются проблемы управления различными отраслями экономики и обосновываются основные факторы и пути экономического развития регионов АЗРФ. Однако, остается практически вне поля зрения специалистов проблема усиления интеграционных процессов в управлении регионами АЗРФ «по горизонтали», ИТ способствующих формированию интеграционных процессов, основанных на принципах взаимовыгодного сотрудничества. В качестве одной из плодотворных попыток проанализировать и обосновать необходимость межрегиональной интеграции следует упомянуть ряд публикаций Ю.Ф. Лукина, где он раскрывает недостатки традиционных методов регионального управления [7].

В 2017 году Правительством РФ была доработана и принята новая редакция государственной программы социально-экономического развития Арктической зоны. В ней отмечается, что основным механизмом развития арктического региона станет укрепление интеграционных процессов, которые предусматривают развитие территории как целостного проекта на основе координации отраслевых мероприятий на этапах целеполагания, планирования, финансирования и реализации. В этой связи определяющая роль в Стратегии развития АЗРФ отводится интеграционным процессам, которые предполагают создание современных научных и геоинформационных основ управления арктическими территориями [5]. Достижение поставленной цели обуславливает решение комплекса задач, связанных с обоснованием принципов межрегиональной интеграции; структуры и содержания соответствующего механизма управления экономикой; созданием эффективной межотраслевой системы управления региональными ресурсами; формированием единых стандартов управления, как на отраслевом, так и межотраслевом уровнях.

Постановка задачи

В Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» ключевым моментом определялось создание экономических опорных зон, которые, по определению авторов этого термина, должны стать территориями, привлекательными для инвестиций, способными стать своеобразными точками роста уровня жизни населения, разработки и реализации производственных, экономических, научных и социальных региональных проектов [3]. Данное определение, на наш взгляд, недостаточно информативно и является лишь формой предоставления финансовых ресурсов для реализации государственных проектов. Арктическая зона имеет стратегическое значение для функционирования российской экономики в условиях санкций и выделяется как особый объект (мегарегион) государственного управления.

К общим объективным проблемам регионов АЗРФ можно отнести следующие:

- сравнительно низкое качество социально-экономических услуг (образование, медицинское обслуживание, обеспеченность детскими и школьными учреждениями, физическая культура и спорт);
- неудовлетворенность большей части молодого поколения возможностью профессионального роста и повышения квалификации;
- возрастающие темпы оттока и миграции населения и ухудшающиеся в связи с этим демографическая ситуация и природно-климатические условия жизни;
- экологические риски при организации производства на крупных предприятиях и в структурах малого и среднего бизнеса;
- неравномерная плотность населения, когда большая часть сосредоточена в крупных региональных городах;
- недостаточно развитая логистическая инфраструктура информационные связи между регионами и в конкретных отраслях.

Необходимо отметить, что «обозначенные проблемы свойственны как конкретным регионам, так и экономике АЗРФ в целом, так как основой стратегии развития российской Арктики является сбалансированное развитие науки, промышленности и информационных ресурсов [2]. Поэтому исследование региональных проблем управления ресурсами в процессе хозяйственной деятельности «играет ключевую роль при реализации основных задач Стратегии развития АЗРФ ориентированной на качественные изменения социально-экономических условий жизнеобеспечения всего населения Арктики» [10].

Методология

Методологической основой исследования системы регионального управления социально-экономическим развитием являются основные положения теории региональной экономики и современные парадигмы и концепции представления региона в качестве пространственной структуры. Исследования данного объекта базируется на научных основах различных отраслей знаний: системном анализе, теории пространственного развития, региональной экономике, организации и управлении. Речь идет о понятии «региональное экономическое пространство», которое определяется как «насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети» [6].

Применение системного и сетевого подходов при организации экономической деятельности регионов АЗРФ отвечает требованиям региональной интеграции при решении общих проблем, характерных для регионов [1]. В этих рамках осуществляется принцип взаимодействия и взаимосвязи на основе сходства стратегических и функциональных целей и необходимости государственной поддержки. Кроме того,

такая интеграция позволяет осуществлять привлечение инвестиций, развивать информационно-коммуникационные технологии, активизировать инновационную деятельность, развивать партнерские отношения и добиваться синергетического эффекта на оперативном и конечном уровнях.

Обсуждение

Экономическая система (ЭС) реализует поставленные цели для удовлетворения потребностей заинтересованных сторон, что достигается за счет формирования эффективной системы управления. В данном случае мы используем термин «система управления» как совокупность элементов, каждый из которых несет конкретную целевую функцию, но определяющим моментом их поведения является достижение глобальной цели системы.

Конкретные ЭС реализуют определенные цели и решают соответствующие задачи с учетом избранной стратегии и сталкиваются с различной сложности оперативными ситуациями. Исходя из этого, при интеграции, в частности, региональных систем управления в общую горизонталь управления, требуется применение общего стандарта формирования структуры управления. ЭС планирует деятельность с учетом внешних и внутренних проблем; реализует заложенные в план мероприятия; контролирует результаты и вносит соответствующие коррективы.

При выборе наиболее эффективного варианта функционирования ЭС важно анализировать внешнюю среду с целью укрепления своих конкурентных преимуществ. И здесь важно концентрировать имеющиеся производственные, экономические и финансовые ресурсы, а также человеческий капитал (человеческие и интеллектуальные ресурсы) в единую целостную функциональную систему управления. Такая система должна быть обеспечена объективной и достаточной информацией по всем видам ресурсов, а также конечным результатам, производить конкурентоспособную продукцию, поскольку каждый элемент ЭС работает на общую цель системы.

Для экономических систем, формирующих структуры управления в соответствии с мировыми стандартами целесообразно ввести понятие «интегрированная система управления» как основы для процесса интеграции конкретных стандартных систем управления в единую систему управления. Проблемы, с которыми сталкивается ЭС при разработке интегрированной системы управления, зависят от масштаба и степени ее развития. Внедрение интегрированной системы управления способствует устойчивому развитию ЭС в изменяющихся условиях. Требуется понимание, что в ЭС, формирующих свои системы управления в стандартах системы управления ISO, произойдут существенные изменения, затрагивающие все стороны деятельности.

Стандарт системы управления - это набор структурированных требований, которые предоставляют любой экономической системе возможность достижения конкретной цели стандарта, например, создание систем управления окружающей средой, энергетикой, информационной безопасностью, активами или рисками [9]. Такие стандарты имеют различные цели и затрагивают большое количество заинтересованных сторон. При этом в качестве ЭС можно рассматривать как объекты макроуровня (РФ, регионы), так и организации, входящие в состав ЭС (предприятия, корпорации, малый и средний бизнес).

В последнее время наиболее значимым элементом СМК на основе стандартов ISO является разработка структуры высокого уровня, на которой должны основываться все стандарты. Поэтому при внедрении организацией стандартов системы менеджмента ISO важно иметь общее представление о структуре высокого уровня. В контексте нашего исследования структурой высокого уровня является АЗРФ и все стандарты системы менеджмента ISO, изменяемые или создаваемые, должны соответствовать

этой структуре. При этом подразумевается, что ЭС используют стандарты, чтобы обеспечить основу для анализа и внедрения признанных передовых мировых методов ведения бизнеса. Решение о применении стандарта системы управления к ЭС обычно определяется потребностями заинтересованных сторон или внутренней потребностью организации в систематическом контроле и совершенствовании системы управления.

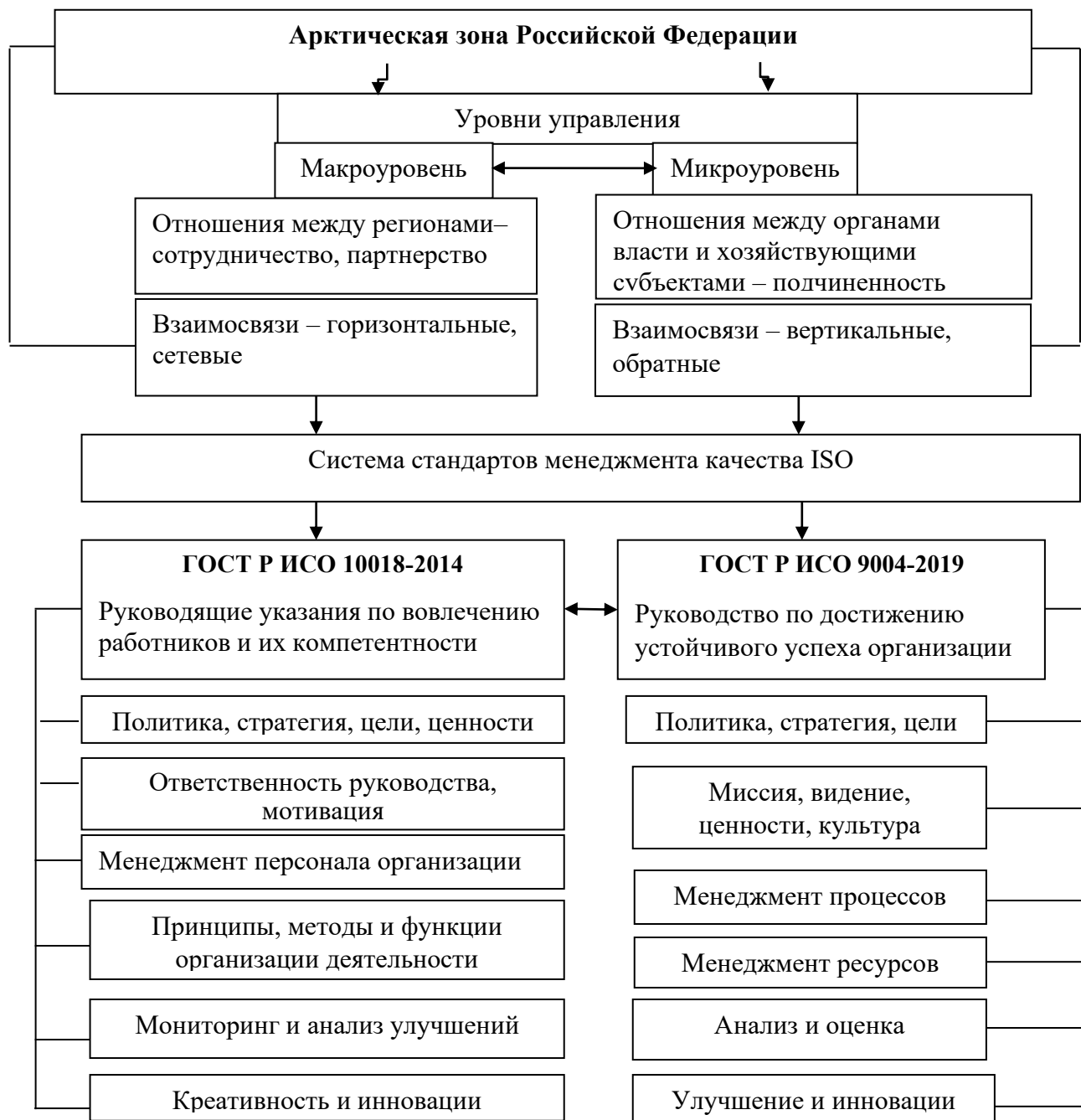

Рисунок 1. Механизм межрегионального управления экономикой регионов АЗРФ [4, с. 92]

Процесс интеграции новых стандартов в организации может быть не только стратегическим вопросом, но и оперативной необходимостью. В данной ситуации нельзя предположить, что существует правильный или неправильный подход. Как правило, требования заинтересованной стороны или предполагаемая организационная

необходимость являются основной причиной принятия стандарта. Во многих случаях для удовлетворения требований или потребностей необходимы многочисленные стандарты, а эффективность и результативность внедрения являются движущими силами комплексного подхода.

Результаты

АЗРФ, исследуемая в качестве единого субъекта управления, является скорее виртуальной системой, т.к. входящие в ее состав регионы функционируют, в основном, как обособленные подсистемы. Применяемая система мер экономического стимулирования, направленных на развитие АЗРФ, во многом осуществляется на основе внеэкономических методов хозяйствования без использования рыночных механизмов координации и регулирования. Этот факт обуславливает необходимость поиска методов и инструментов создания интегрированной системы управления (ИСУ), в рамках которой можно было бы эффективно налаживать межрегиональные связи, исходя из принципа межрегиональной интеграции, под которой мы понимаем формирование интегрированной системы управления в качестве современной технологии эффективного управления материальными, финансовыми и человеческими ресурсами, сочетающих в себе несколько стандартов менеджмента качества на основе процессных моделей. В этой связи проблема состоит в разработке механизма межрегионального управления, использование которого позволило бы координировать цели и задачи социально-экономического развития регионов [4]. Предлагаемая структура подобного механизма приведена на рисунке 1.

В данной схеме реализуется концепция интеграции деятельности региональных систем управления и идея развития горизонтальных взаимосвязей между регионами на основе сетевых структур. Это позволит объединить усилия всех регионов арктической зоны РФ для эффективного использования имеющихся ресурсов (включая государственные инвестиции) в процессе взаимодействия для решения региональных проблем и координации действий.

Авторы предлагают исследовать АЗРФ в качестве типологической системы управления, обладающей свойством целостности по отношению к входящим в его состав северным территориям спецификой природных условий, наличием тесных связей между субъектами управления региональных подсистем сетевой структуры. Богатство и разнообразие природных ресурсов делает «мегарегион» стратегически привлекательным для российской экономики и создает предпосылки для потенциальных возможностей выхода из статуса дотационного. Решение такой глобальной задачи требует реформирования организационных структур на основе системных принципов, предполагающих включение целого комплекса взаимосвязанных мероприятий, направленных на изменения как в организационных структурах региональной экономики на основе процессного подхода, так и на принципах и методах стандартов систем менеджмента ISO, внедряемых посредством информационных технологиях.

Литература

1. Алексеева М., Богачев В. Формирование экономической стратегии развития: проблемы и сценарии. Проблемы теории и практики управления. 2016, № 11, с. 40-46
2. Алексеева М.Б., Богачев В.Ф., Горенбургов М.А. Системная диагностика стратегии развития промышленности Арктики. Записки Горного института. 2019. Т. 238. с. 450-458
3. Богачев В.Ф., Микуленок А.С. Интеграционные процессы в системе межрегионального управления // в сборнике Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста. Труды 5-ой Международной научной конференции. 2019. с. 537-543

4. Богачев В.Ф., Микуленок А.С. Реструктуризация системы управления арктическими регионами. Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. СПб. 2020. №2 (61). с. 84-94
5. Веретенников Н.П., Богачев В.Ф., Соколов П.В. Региональные интересы России в концепции развития Арктики. Вестник Мурманского государственного технического университета. том 18, № 3, 2015. с. 373-376
6. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. Издательский дом ГУ ВШЭ, М: 2004.
7. Лукин Ю.Ф. Арктические проекты межрегиональной интеграции. Арктика и Север. 2013, № 13
8. Стратегия развития АЗРФ и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года. Цитируется по: URL: www.minregion.ru/upload/02_dtp/101001_str.doc
9. ISO HANDBOOK, Second edition 2018-11, The Integrated Use of Management System Standards (IUMSS) https://www.iso.org/files/live/sites/isoorg/files/store/en/PUB100435_preview.pdf
10. Nikolay P. Veretennikov, Victor F. Bogachev, Aleksey S. Mikulenok Management of System for the Russian Arctic Region Logistics and Information Support. IEEE [Institute of Electrical and Electronics Engineers, USA] Xplore Digital Library. International Conference «Quality management, Transport and Information Security, Information Technologies». №-070 (IT&MQ&IS-2018)]. Spb, 2018, pp. 271-273

References

1. Alekseeva M., Bogachev V.: Creation of an economic development strategy: problems and scenarios. Problems of Management Theory and Practice. 11, pp. 40-46 (2016)
2. Alekseeva M.B., Bogachev V.F., Gorenburgov M.A.: System diagnostics of the Arctic industry development strategy. Notes of the Mining Institute. 238. pp. 450-458 (2019)
3. Bogachev V.F., Mikulenok A.S.: Integration processes in the interregional management system. Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference “Technological perspective within the framework of the Eurasian space: new markets and points of economic growth”. 2019. pp. 537-543
4. Bogachev V.F., Mikulenok A.S.: Restructuring Arctic Regions Management System. Economy of the North-West: Issues and Prospects of Development. 2 (61), pp. 84-94 (2020)
5. Veretennikov N.P., Bogachev V.F., Sokolov P.V.: Regional interests of Russia in the concept of the development of the Arctic. Bulletin of the Murmansk State Technical University. 3, pp. 373-376 (2015)
6. Granberg A.G.: Basics of the regional economy. Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow (2004)
7. Lukin Y.F.: Arctic interregional integration projects. Arctic and North. 13 (2013)
8. Development strategy of the Russian Arctic and national security for the period up to 2035, URL: http://www.minregion.ru/upload/02_dtp/101001_str.doc, last accessed 2010/11/30
9. ISO HANDBOOK, Second edition 2018-11, The Integrated Use of Management System Standards (IUMSS) https://www.iso.org/files/live/sites/isoorg/files/store/en/PUB100435_preview.pdf
10. Veretennikov Nikolay P., Bogachev Victor F., Mikulenok Aleksey S.: Management of System for the Russian Arctic Region Logistics and Information Support. IEEE [Institute of Electrical and Electronics Engineers, USA] Xplore Digital Library. International Conference “Quality management, Transport and Information Security, Information Technologies”, Spb, 070, pp. 271-273, (IT&MQ&IS-2018).

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бухвальд Евгений Моисеевич

*Центр федеративных отношений и регионального развития Института экономики
РАН, Москва, Россия
buchvald@mail.ru*

Аннотация. В докладе предполагается осветить основные направления и практические задачи совершенствования Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. Основное внимание будет уделено необходимости конкретизации институционально-инструментального аппарата стратегии. Отмечается важность стратегической конкретизации целого ряда институциональных новаций данной Стратегии. В частности, это касается сути и перспектив такой институции, как геостратегические регионы России, к числу которых относятся и ее приграничные территории. Практический смысл и задачи этой институции, как и механизмы ее реализации в практике государственной политики регионального развития пока остаются достаточно неопределенными. Этот блок Стратегии пространственного развития нуждается в серьезной доработке, возможно на основе разработки и принятия целевого Федерального закона "О геостратегических территориях Российской Федерации".

PROBLEMS OF IMPROVING THE SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Buchwald, Eugene

*Center for Federal Relations and Regional Development of the Institute of Economics of the
RAS, Moscow, Russia
buchvald@mail.ru*

Abstract. The report is supposed to highlight the main directions and practical tasks of improving the Spatial Development Strategy of the Russian Federation until 2025. The main attention will be paid to the need to specify the institutional and instrumental apparatus of the strategy. The importance of strategic concretization of a number of institutional innovations of this Strategy is noted. In particular, this concerns the essence and prospects of such an institution as the geostrategic regions of Russia, which include its border territories. The practical meaning and objectives of this institution, as well as the mechanisms of its implementation in the practice of the state policy of regional development, are still quite uncertain. This block of the Spatial Development Strategy needs serious revision, possibly based on the development and adoption of a targeted Federal law "On Geostrategic Territories of the Russian Federation".

Принятие в 2019 году Стратегии пространственного развития Российской Федерации (СПР) вызвало противоречивые оценки как научно-экспертного сообщества страны, так и представителей государственного и муниципального управления. С одной стороны, появление СПР приветствовалось: практически впервые в истории постсоветской России на высшем уровне государственного управления был принят стратегический документ, ориентированный на долговременное планирование тенденций пространственного развития национальной экономики и реализующих их мер региональной политики государства. Можно сказать, документ «материализовал» идею ФЗ №172 о стратегическом планировании пространственного развития как особом важном направлении социально-экономического стратегирования в российской

экономике. С другой стороны, содержание Стратегии вызвало разочарование. Причина – в неопределенности зафиксированных в Стратегии приоритетов и целей пространственного стратегирования, отсутствии четких представлений о сути и задачах целого ряда институциональных новаций этого документа, а также конкретного указания на те экономико-правовые механизмы, с использованием которых цели СПР могли бы быть реализованы.

В обсуждении Стратегии пространственного развития после ее принятия в основном высвечивалось три момента. Во-первых, констатировалось, что она не вполне отвечает требованиям, предъявляемым к документам - стратегиям, в том числе, по признакам, которые ФЗ №172 закрепляет за документами стратегического планирования Российской Федерации. Вызывает вопросы и План реализации стратегии пространственного развития, который состоит в основном из перечня предполагаемых докладов и проектов нормативно-правовых актов.

Во-вторых, неоднократно отмечалось, что Стратегия пространственного развития ошибочно принималась в отсутствие «базовой» Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, что сказалось на конкретике многих основных положений СПР.

Наконец, в-третьих, практически сразу сформировалось мнение, что заданный срок действия Стратегии - до 2025 года - очевидно недостаточен для решения поставленных в ней масштабных задач, а сегодня он уже явно отстал от общего временного горизонта документов стратегического планирования (период до 2030 года и даже далее).

В связи с этим, идея модернизации Стратегии пространственного развития сталкивается с двумя мнениями. В соответствии с первым, не стоит повторять ошибки прошлого, и с актуализацией СПР следует подождать принятия «базовой» Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации (таковую теперь уже планируется разработать на период до 2050 года).

Иное мнение состоит в том, что перспективы завершения «базовой» стратегии пока выглядят достаточно неопределенно, тогда как практика пространственного регулирования и ее важнейший институт – государственная политика регионального развития – уже сегодня требуют четких директив, как в содержательном, так и в инструментальном плане. В этом смысле можно поддержать положение о том, что подготовка двух названных выше документов стратегического планирования в настоящее время может идти параллельно на основе взаимного обогащения идеями концептуально-стратегического характера и конкретизации многих ключевых положений.

В частности, сейчас бросается в глаза неконкретность, расплывчатость многих даваемых в СПР ключевых определений, которые сложно интерпретировать и как видение стратегической перспективы пространственного развития экономики, и как основы реализующих эти перспективы конкретных управленческих решений. Так, в СПР «пространственное развитие» определяется как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития». У любого управленца сразу возникают вопросы. Какие именно изменения в системе расселения следует считать ее «совершенствованием», и чем конкретно «эффективная» государственная политика регионального развития отличается от «неэффективной»? Обилие неопределенностей ведет к непониманию, что, собственно, и каким образом подлежит стратегированию в рамках политики пространственного регулирования в экономике.

Далее в СПР отмечается: «Целью пространственного развития Российской Федерации является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны». Нацеленность СПР на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения сомнений не вызывает. А вот по другим позициям такие сомнения явно имеются. Например, неясно, каковы конкретные признаки, характеризующие тренд «устойчивого и сбалансированного пространственного развития».

Одна из институциональных новаций Стратегии пространственного развития – понятие «перспективная экономическая специализация субъекта Российской Федерации», которая определяется как «совокупность укрупненных видов экономической деятельности (отраслей), обусловленных благоприятным сочетанием конкурентных преимуществ (пространственных факторов размещения видов экономической деятельности)». В связи с этой новацией также возникает как минимум два вопроса.

Во-первых, из приведенного определения следует аналогия конкурентных преимуществ отраслей (видов экономической деятельности) с пространственными факторами их размещения. Но это очень устаревшая точка зрения. Весь мировой опыт хозяйствования показал, что в современных условиях с учетом бурного развития логистических инфраструктур конкурентные преимущества отраслей определяются уже не только и не столько факторами их пространственного размещения, сколько уровнем инновационности соответствующих производств. Так, «Азиатские тигры», которые еще недавно казались расположенными на «краю света», ныне завалили своей инновационной продукцией буквально весь мир.

Во-вторых, из сказанного выше можно заключить, что формирование списка «перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации» (сейчас это почти 2/3 текста СПР), скорее всего, вообще не является исключительным предметом только такого документа как СПР. По нашему мнению, этот список должен регулироваться также иными документами стратегического планирования федерального и регионального уровня и, прежде всего, отраслевыми стратегиями, определяющими пространственные характеристики размещения отдельных видов экономической деятельности (отраслей).

В настоящее время необходимо предельно конкретизировать цель и функциональные задачи СПР, чтобы из «декларации о намерениях» документ поднялся до уровня «руководства к действию». Для этого желательно либо вывести из определения цели СПР формулировки типа «устойчивого и сбалансированного пространственного развития», либо придать им четкий смысл и соответствующие критерии. Если это будет сделано, есть все основания включить ориентир «устойчивого и сбалансированного пространственного развития» в число национальных целей развития Российской Федерации.

Акцент в определении ключевой задачи Стратегии пространственного развития должен быть сделан на сокращении межрегиональных экономических различий и на этой основе – различий в уровне и качестве жизни населения. Очень важно обозначить и практически интерпретировать в СПР принцип баланса пространственных изменений в экономике, в частности, между «мегаполисно-агломерационной» и «пространственно-равномерной» моделями развития территорий; между акцентом на формирование и поддержку новых «точек роста» и мерами по поддержанию благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата в экономике в целом.

ФЗ №172 определяет СПР как одну из основ государственной политики регионального развития, в частности, ее перехода к адресному характеру такой политики в отношении различных типов регионов страны. Однако, то, что представлено в этом смысле в СПР в настоящее время, - не четкая, экономически мотивированная методологическая основа для осуществления «дифференцированного подхода к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований», а лишь имитация такого подхода.

Строго формально, СПР делит всю территорию страны на некие «особые» экономические пространства (геостратегические регионы, перспективные центры экономического роста) и все прочие пространства, как надо понимать, особых перспектив для экономического роста не имеющие. Никаких серьезных аргументов для идентификации этих особых пространств (кроме географического расположения и некоторых демографических характеристик) СПР не приводит. В результате, в составе этих пространств обнаруживаются регионы и территории с качественно различными социально-экономическими характеристиками, с особыми потенциалами роста и ограничителями развития и, соответственно, со специфическими потребностями в получении той или иной помощи с федерального уровня. Считать такую «дифференциацию» основой для адресной политики регионального развития невозможно. После этого не стоит удивляться, что, заявляя некие «особые территории», СПР оставляет в стороне вопрос о практическом смысле этой новации и ее практическом отражении в региональной политике государства. Единственным продвижением в этом направлении можно считать принятие упомянутой в СПР Стратегии развития сельских поселений, а также ряд новых документов, касающихся социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Еще более значимо, что СПР не акцентирует внимание на тех направлениях развития институтов российского федерализма и местного самоуправления, которые были бы адекватны задачам позитивных изменений в пространственной структуре российской экономики. Между тем именно задачи пространственного регулирования выступают одним из важнейших ориентиров совершенствования двух названных выше институтов государства и общества в России. Если стратегический документ в сфере пространственного развития не содержит подробных ориентиров, то тогда такие важные векторы преобразований, как федеративная и муниципальная реформы не получают четкого целеполагания и в итоге демонстрируют весьма низкую результативность.

Нельзя не подчеркнуть, что СПР проходит мимо такого важного ориентира, как реализация стимулирующих мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований при условии самостоятельного осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления своих полномочий, в том числе и в сфере пространственного экономического регулирования. Особенно важен акцент на стимулирующий характер этого направления государственной политики, при том, что стимулирующие меры должны охватывать все регионы и муниципалитеты страны, а не только те из них, которые так или иначе попали в разряд «особых» территорий. Другими словами, решение задач пространственного регулирования, прежде всего, в контексте межрегионального и внутрирегионального экономического выравнивания, не может быть лишь следствием тех или иных действий со стороны федерального центра, а должно опираться на механизмы «саморазвития» регионов и муниципальных территорий, подкрепленные соответствующими мерами стимулирования.

Однако проблема в том, что СПР не дает ответа на вопрос - в каких рамках и в каких организационно-правовых формах должна осуществляться практика создания

зон (территорий) с особыми условиями ведения предпринимательской деятельности. В частности, не ясно, должны ли такие зоны взять на себя функцию основного механизма опережающего развития «геостратегических территорий», а также так называемых «перспективных центров экономического роста». Нет полной ясности и относительно того, какие именно расходы в этом зонировании возьмет на себя федеральный центр, а какие будут финансироваться регионами и возможно даже при местной локализации муниципалитетами этих зон. Наконец, СПР должна отразить перспективы использования такого нового института пространственного развития, как «федеральные территории». К настоящему времени этот институт не только нашел отражение в Конституции РФ, но и уже обозначился в смысле практической реализации, что закреплено целевым федеральным законом.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что критический анализ СПР позволяет идентифицировать имеющиеся проблемы пространственного развития российской экономики, наметив направления их решения и пути актуализации самой СПР. В пользу этой позиции можно высказать ряд соображений.

Так, перечень «перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации», столь же обширный, сколь и формальный, если он необходим в СПР, вполне можно перенести в Приложение к данной Стратегии, оставив в самом документе лишь разъяснение практического смысла этого списка и путей практической реализации института «перспективных экономических специализаций» в государственной политике регионального развития.

Далее, в действующей практике стратегического планирования в настоящее время нет альтернативного СПР документа, конкретизирующего задачи государственной политики регионального развития и практические пути их реализации. Это делает необходимым максимально использовать СПР для отражения целей и задач этого направления социально-экономической политики государства во взаимосвязи с востребованными новациями экономического, институционального и правового характера.

Наконец, принципиально важно существенно расширить и актуализировать нынешний крайне малопредставительный перечень показателей, используемых для оценки реализации СПР. Для решения этой задачи можно выделить два направления.

Во-первых, здесь можно обозначить такие индикаторы, как сокращение различий в уровне и качестве жизни граждан Российской Федерации, проживающих в различных регионах, а также в городах и сельской местности (что сейчас в СПР отсутствует); сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов (в СПР – показатель межрегиональной дифференциации индекса человеческого развития); развитие урбанизации (сейчас в СПР нет); рост удовлетворенности населения деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления (сейчас в СПР нет).

Во-вторых, учитывая роль СПР как регулятора пространственной картины достижения национальных целей развития, целесообразно в списке показателей оценки реализации СПР сделать акцент на индикаторах, интегрирующих ожидаемые результаты Стратегии с приоритетами «национальных целей развития», точнее, с теми из них, для которых важны пространственные характеристики (по субъектам Российской Федерации) их реализации. В частности, к ним относятся такие индикаторы, как повышение ожидаемой продолжительности жизни; снижение уровня бедности; рост доли дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующей нормативным требованиям; увеличение занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей

и самозанятых; увеличение доли социально значимых услуг, доступных в электронном виде; рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к сети Интернет. Разумеется, СПР не является конкретным планом решения этих задач, но выступает ориентиром, определяющим пространственную картину продвижения по указанным направлениям и, следовательно, формирующим основания для корректировки соответствующих направлений социально-экономической политики государства в региональном разрезе.

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА ЛЮДЕЙ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

Быкова Анастасия Николаевна

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия
anaamalia20696@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации сопровождаемого трудоустройства людей с интеллектуальными нарушениями в Республике Карелия. Автор также приводит анализ предпосылок возникновения необходимости развития сопровождаемого трудоустройства.

Ключевые слов: занятость, интеллектуальные нарушения, сопровождаемое трудоустройство.

PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH MENTAL DISABILITIES

Bykova, Anastasia

*IE KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia
anaamalia20696@gmail.com*

Abstract. The article deals with the organization of accompanied employment of people with al disorders in the Republic of Karelia. The author also provides an analysis of the prerequisites for the emergence of the need for the development of accompanied employment.

Key words: accompanied employment, employment, intellectual disabilities.

Мировая тенденция включения инвалидов жизнедеятельность общества обуславливает необходимость получения ими профессионального образования и дальнейшее их трудоустройство [5].

Люди с интеллектуальными нарушениями в результате органического поражения головного мозга, имеют стойкие нарушения психических функций, которые препятствуют получению ими образования и дальнейшего трудоустройства [2].

В современной ситуации при трудоустройстве важно иметь профессиональное или высшее образование. В случае с людьми с интеллектуальными нарушениями получение образования затруднено. Ввиду того, что при окончании школы они получают специальное свидетельство, поступление в средние профессиональные образовательные организации зачастую невозможно¹. Однако существуют специальные профессиональные образовательные программы для такой категории людей².

При выборе и разработке программ профессионального обучения для лиц с интеллектуальными нарушениями необходимо учитывать методические рекомендации министерства труда и социальной защиты РФ в части рекомендованных видов

¹ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.10.2013 г. № 1145.

² Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.04.2013 г. №292.

трудовой и профессиональной деятельности инвалидов; рационального трудоустройства инвалидов¹.

Система профориентации в Российской Федерации для детей с инвалидностью и ОВЗ начала развиваться относительно недавно и находится в стадии становления. Получение профессиональных навыков детей и взрослых с инвалидностью не имело своей системы, осуществлялось хаотично в школах и мастерских, непосредственно на рабочих местах.

Переход на новые образовательные стандарты, систему инклюзии, то есть, включение людей с инвалидностью в образовательный процесс сверстников без инвалидности, затрудняют развитие профориентации инвалидов. Внимание педагогического состава рассредоточено на всех студентов, в то время как люди с интеллектуальными нарушениями нуждаются в индивидуальном подходе. Большинство учебных заведений профессионального образования не имеют возможности обеспечить все специальные условия образования людей с инвалидностью [3].

К таким специальным условиям относятся следующие условия:

- использование специальных образовательных программ, их разработка, усовершенствование, использование специальных методов и форм работы, соответствующих индивидуальным особенностям обучающихся;
- использование специальных учебных пособий, учебников, дидактических материалов;
- использование технических средств реабилитации и обучения;
- при необходимости введение услуг ассистента, помощника для выполнения технической помощи обучающемуся;
- обеспечение доступности здания и учебных кабинетов;
- другие условия, без которых невозможно или затруднено освоение образовательных программ обучающимися с ОВЗ².

Профессиональное образование инвалидов регламентировано рядом федеральных нормативно-правовых актов и локальными документами Республики Карелия.

На первый взгляд, может показаться, что становление профессионального образования детей и взрослых с ОВЗ активно развивается, присутствует законодательная база, программы финансирования. Однако анализ современной ситуации в Республике Карелия позволяет выделить ряд следующих проблем:

Отсутствие системы непрерывного образования и преемственности школьного обучения и профессионального. Ограниченное количество учебных заведений, где могут получить образование лица с ОВЗ, приводит к отсрочиванию получения образования, отсутствует взаимодействие общеобразовательных организаций с организациями профессионального образования.

Отсутствие единой стратегии долгосрочного планирования работы всех образовательных организаций профессионального образования для людей с инвалидностью.

Дискриминация и не толерантное отношение общества. Эта социальная проблема влияет на психологический климат в образовательной организации и приводит к нарушениям образовательных процессов.

Отсутствие интереса у инвалидов к получению профессионального образования.

¹ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 04.08.2014 г. № 515.

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ от 29.12.2012 г.

Недостаточность кадрового обеспечения системы непрерывного профессионального образования инвалидов.

При реализации профессиональных образовательных программ важно учитывать систему профориентации. Эффективным инструментом развития системы профориентации и мотивации людей с инвалидностью к профессиональному образованию и трудоустройству является чемпионат «Абилимпикс». «Абилимпикс» - международное некоммерческое движение, зародившееся в Японии и развивающееся в мире с 1972 года. В рамках движения проводятся конкурсы по профессиональному мастерству среди инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в возрасте от 14 до 65 лет. Сейчас в международном движении принимает участие 47 стран мира.

В России конкурсы «Абилимпикс» проводятся с 2015 года. Основная цель конкурсов «Абилимпикс» в России - обеспечение эффективной профессиональной ориентации и мотивации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья к получению профессионального образования, содействие их трудоустройству и социокультурной инклюзии в обществе.

В Республике Карелия чемпионат проводится с 2017 года на базе средних профессиональных образовательных организаций. В 2019 году в чемпионате участвовали 82 участника из 14 районов Республики Карелия. Реализация чемпионата в Республике обеспечила трудоустройство 53 людей с инвалидностью [6].

В Российской Федерации реализуется программа сопровождаемого трудоустройства. В Республике Карелия при поддержке Управления труда и занятости такая программа реализуется с 2018 года¹. Сопровождаемое трудоустройство заключается в предоставлении услуг наставника на производстве молодому человеку с инвалидностью.

По статистическим данным, по состоянию на 01 декабря 2020 года, инвалидов в возрасте от 18 до 50 лет в Карелии всего 9735 человек [7].

По информации Управления труда и занятости с начала 2020 года в Республике Карелия трудоустроены 295 граждан с инвалидностью трудоспособного возраста.

Таким образом, в системе трудоустройства людей с интеллектуальными нарушениями прослеживается тенденция развития программ поддержки работодателей, профессиональных образовательных программ и систем профориентации.

Однако прослеживается необходимость в правовых документах, обеспечивающих межведомственное взаимодействие органов управления, образовательных организаций, общественных организаций для обеспечения взаимосвязанных компонентов системы непрерывного профессионального образования и трудоустройства людей с инвалидностью [1].

Важно регламентировать систему мониторинга оценки эффективности принимаемых мер на реализацию права инвалидов на получение образования, апробировать модели профориентационной работы с детьми и взрослыми с интеллектуальными нарушениями, регулировать систему подготовку психолого-педагогических кадров на предмет реализации программ профессионального обучения людей с инвалидностью.

Необходимо расширять базу образовательных организаций, предоставляющих образовательные услуги по получению профессионального образования лицами с инвалидностью, в том числе, дополнительного профессионального образования (мастерские, клубы) [4]. В этих системах внедрить стимулирование и повышение

¹ Распоряжение Правительства Республики Карелия от 04.12.2018 №764р-П.

мотивации самих инвалидов к труду и развитию толерантности в профессиональном обществе.

Благодарности

Статья выполнена в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

Литература

1. Беляя Р. В. Институт социальной защиты: преодоление высокопороговых социальных услуг / Р. В. Беляя, А. Н. Быкова // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. — 2019. — Т. 15, № 11. — С. 2128 — 2148. DOI: 10.24891/ni.15.11.2128.
2. Быкова А. Н. Проблемы социализации молодых людей с интеллектуальными нарушениями, проживающих в сельской местности, на примере Республики Карелия / А. Н. Быкова // XIII Ковалевские чтения «Молодежь XXI века : образ будущего» : материалы всероссийской научной конференции с международным участием, (14 - 16 ноября 2019 г., Санкт-Петербург) [отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков]. — 2019. — С. 789 — 792.
3. Быстрова Н. В. К вопросу о профориентационной работе среди лиц с ограниченными возможностями здоровья / Н. В. Быстрова, С. Н. Казначеева, О. И. Госельбах, К. А. Максимова // Карельский научный журнал. — 2019. — Т. 8, №2. — С. 7 – 10. DOI: 10.26140/knz4-2019-0802-0001.
4. Мясников И. Р. Формы профессионального обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов / И. Р. Мясников // Ярославский педагогический вестник. — 2020. — №3 (114). — С. 81-88. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-3-114-81-88.
5. *Haveman R., Wolfe B.* The Economics of Disability and Disability Policy. Handbook of Health Economics. Amsterdam: Elsevier, 2000. Vol. 1. P. 995-1051. doi: 10.1019/S1574-0064(00)80031-1.
6. Официальный сайт Национального чемпионата «Абилимпикс». — URL : <https://abilympics-russia.ru/> (дата обращения : 02.12.2020).
7. Численность инвалидов на 01.12.2020 г. // Федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов». — URL : <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost?territory=1> (дата обращения : 02.12.2020).

К ВОПРОСУ О КОНВЕРТАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА В ЕГО КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА

Влезкова Виктория Игоревна

*ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», Самара,
Россия
ecun@sseu.ru*

Хмелева Галина Анатольевна

*ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», Самара,
Россия
ecun@sseu.ru*

Аннотация. Отмечаются и анализируются особенности воздействия конкурентных преимуществ на развитие национальной и региональной экономик в разрезе концепций А. Смита, Д. Рикардо и П. Кругмана. Систематизируются факторы конкурентоспособности в зависимости от отнесения их к преимуществам «первой» и «второй природы». Исследована взаимосвязь между такими институциональными категориями как статус приграничной территории у конкретного региона и его приближенности к границе другого государства. Выделены способы и инструменты повышения конкурентных преимуществ, существование которых обосновано наличием у территории региона пограничной полосы. Раскрывается конкурентный потенциал таких сопредельных регионов как Астраханская и Самарская области в силу идентификации их в качестве приграничных территорий. Отмечено, что вопрос конвертации приграничного положения в конкурентное преимущество выходит за рамки «экономического» подхода. Трансформации приграничного положения в конкурентное преимущество в значительной степени способствует уникальная система отношений, сложившихся вокруг границы, которая может, как способствовать, так и препятствовать развитию приграничного сотрудничества. Отмечено, что именно в данном направлении необходимо сосредоточить основные усилия в развитии приграничного сотрудничества между российскими и казахстанскими регионами.

Ключевые слова: приграничный регион, сопредельная территория, конкурентоспособность, конкурентное преимущество, приграничное сотрудничество, потенциал, потенциал приграничного положения.

ON THE ISSUE OF CONVERTING THE POTENTIAL OF THE BORDER REGION INTO ITS COMPETITIVE ADVANTAGES

Vlezkova, Victoria

*Samara State University of Economics, Samara, Russia
ecun@sseu.ru*

Hmeleva, Galina

*Samara State University of Economics, Samara, Russia
ecun@sseu.ru*

Abstract. The features of the impact of competitive advantages on the development of national and regional economies in the context of the concepts of A. Smith, D. Ricardo and P. Krugman are noted and analyzed. The factors of competitiveness are systematized depending on their attribution to the advantages of the "first" and "second nature". The interrelation between such institutional categories

as the status of a border territory in a particular region and its proximity to the border of another state is investigated. The ways and tools of increasing competitive advantages are highlighted, the existence of which is justified by the presence of a border strip in the territory of the region. The competitive potential of such adjacent regions as Astrakhan and Samara regions is revealed due to their identification as border territories. It is noted that the issue of converting a border position into a competitive advantage goes beyond the "economic" approach. The transformation of the border position into a competitive advantage is greatly facilitated by the unique system of relations that have developed around the border, which can both promote and hinder the development of cross-border cooperation. It was noted that it is in this direction that it is necessary to focus the main efforts in the development of cross-border cooperation between the Russian and Kazakh regions.

Keywords: border region, adjacent territory, competitiveness, competitive advantage, cross-border cooperation, potential, potential of the border situation.

В ретроспективе экономическое содержание понятия преимуществ в целом и преимуществ приграничных территорий в частности неоднократно обсуждалось среди представителей экономической мысли, особенно в части изучения вопроса о воздействии приграничного сотрудничества на возможность усиления и повышения конкурентоспособности региона. Так, А. Смит упоминал о важности и особенностях природно-климатических факторов в контексте обеспечения абсолютных преимуществ, а Д. Рикардо трактовал сравнительные преимущества через призму сопоставления затрат и цен на идентичные факторы, учитываемые в производстве.

На современном этапе в экономической науке распространение получила концепция П. Кругмана, объясняющая потенциал конкретного региона с точки зрения эффективной организации пространства и влияния факторов, производных от природы, что, тем самым, получило интерпретацию конкурентных преимуществ в срезе «первой» и «второй природы» [9, с. 101].

В первом случае подразумевается наличие и качественный состав природных ресурсов, а также их последующее использование в структуре макро-, мезо- и микроэкономики. Касательно конкурентных преимуществ «второй природы» анализируется влияние формальных и неформальных институтов, человеческий капитал и агломерационный эффект, который в том числе включает плотность населения, проживающего в регионе [2, с. 33]. При этом подчеркивается важность преимуществ «второй природы», поскольку они дают больший прирост показателей экономического роста и развития.

Эта же мысль впоследствии нашла отражение в Докладе Мирового Банка «Reshaping: Economic Geography» 2009 года [11], в котором акцентировалось внимание на пространственном аспекте как инструменте грамотного развития региональных экономик.

Отдельного внимания заслуживает изучение мнений представителей научной общественности в отношении взаимосвязи между наличием у территории региона пограничной полосы и его конкурентных преимуществ. В данном случае Черная И.П. отмечала, что наличие пограничного статуса у конкретного региона имманентно выступает его конкурентным преимуществом, поскольку продуцирует формирование и использование ряда возможностей, возникших от приближенности к государственной границе [5, с. 156]. При этом Косарева А.Г. указывала на важность сравнения или арбитража существующих преимуществ региона как следствие их сопредельности к границе другого государства [1, с. 95]. Это объясняется необходимостью сравнения конкурентных преимуществ регионов, территориально расположенных внутри национальных границ государства, и приграничных регионов.

В этом смысле, следуя логике работ П. Кругмана, стоит различать конкурентные преимущества первой и второй природы. Так, жизнеобеспечение и экономическое

развитие приграничных регионов определяется не только близостью и предельной достоверностью знаний населения регионов, соседствующих друг с другом, но и схожестью вопросов, целей и задач, требующих своего решения в силу общности границ территорий. Несмотря на разницу в методологии решения актуальных вопросов, корень проблем, возникающих у сопредельных регионов, идентичен в силу существования в едином природном пространстве. Вместе с тем функционирование в одной природной среде и природно-климатических условиях нивелирует потребность идентификации конкурентных преимуществ «первой природы» в силу их отсутствия.

Стоит понимать, что если сопредельная территория региона, который подвергается анализу с точки зрения использования и преумножения его конкурентных преимуществ, является более передовой с точки зрения социально-экономического развития, то потенциал обоснован возможностью заимствования опыта управления, инструментов решения поставленных задач и т.д. (рис. 1). Напротив, если соседствующая территория по своему наполнению является менее «продвинутой», то целесообразным будет привлечение рабочей силы и иных факторов, являющихся более «дешевыми» в сравнении с факторами развитого приграничного региона. Также разумным будет использование достоинств аутсорсинга для обеспечения рентабельности собственных ресурсов с точки зрения решения поставленных задач.

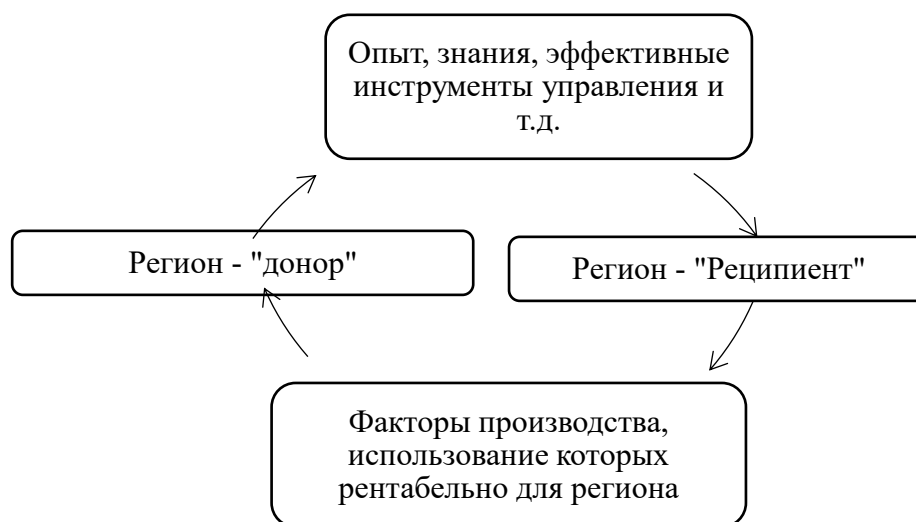

Рисунок 1. Особенности взаимодействия приграничных регионов за счет использования имеющихся конкурентных преимуществ

Однако с учетом того, что больший вес как конкурентных преимуществ приграничного региона имеют преимущества «второй природы», представляется принципиальным исследовать их влияние на конкурентоспособность регионов, имеющих пограничную полосу. Так, к примеру, в проекте Стратегии социально-экономического развития Астраханской области до 2035 года подчеркивается важность приграничного положения региона к Казахстану и Республике Беларусь [3], однако в полной мере не используется потенциал таких направлений для совместной деятельности как промышленность, инновации, экология [6, с. 440]. Также с Республикой Казахстан граничит Самарская область (муниципальный район Большечерныговский) [6, с. 441]. В то же время в стратегической перспективе [4] не детерминируются варианты использования социально-экономических,

институциональных и инфраструктурных преимуществ, продуцированных статусом приграничной территории Самарского региона.

Как правило, вопрос конвертации приграничного положения в конкурентное преимущество не ограничивается только «экономическим» подходом. Граница – это, как правило, не только формальное препятствие, но и отражение в восприятии и сознании людей, которые живут вдоль них. Границы делят нас на своих и чужих, известных и неизвестных нам. Граница в сознании людей может быть либо барьером, либо опорой интеграции на приграничных территориях.

В этом смысле полезным представляется определение, согласно которому понятие приграничного региона относится к «той части природного пространства, где на экономическую и социальную жизнь прямо и существенно влияет наличие международной границы. В этом смысле мы можем различать открытые или потенциально открытые регионы и закрытые регионы [10].

Трудно не согласиться с мнением о том, что на снятие ментальных барьеров границ положительно влияют наличие эффективных административных органов управления трансграничными передвижениями, физическая и функциональная взаимодополняемость между территориями и отсутствие культурных и политических противоречий [7].

Границы или приграничные участки разных типов могут иметь совершенно разные воздействия на экономику приграничных регионов. По этой причине, как правило, невозможно продемонстрировать наличие социально-экономических показателей, существенно коррелирующих только с наличием границы как факта. Исследования, в которых авторы пытались найти связь между длиной границы и объемом приграничной торговли по большей части оказались безуспешными. И сегодня можно считать доказанным, что *не длина границы, а уникальная система отношений*, сложившихся вокруг границы, может быть нагружена либо конфликтом, либо быть свободной от конфликтов, демонстрировать открытость и доверие.

Вопрос конвертации приграничного положения, на наш взгляд, не может быть решен в одночасье. Но положительные сдвиги возможны, когда не только созданы благоприятные нормативно-правовые и экономические условия в рамках политических и экономических союзов, но отношения между народами на ментальном уровне развиваются в положительном ключе. Только таким, на наш взгляд, образом возможно ограничить барьерную функцию границы. Пока России не достаточно именно такого, ментального подхода на низовом уровне. Так, например, формат «единения народов» России и Казахстана, на наш взгляд, больше носит декларативный характер и реализуется, возможно, за счет крупных совместных проектов. Так, по данным Евразийского банка на 01.09.2021 года инвестпортфель Казахстана включал 86 проектов на сумму 3 924,1 млн. долл. США (37,5% от общего объема), инвестпортфель России включал 79 проектов на сумму 4 167,0 млн. долл. США (39,8% от общего объема). Одновременно наблюдается тенденция к ограничению общения и обучения на русском языке. На государственном уровне принят план, согласно которому к 2023 году все школьники будут обучаться на казахском языке, завершится латинизация казахского языка. В последнее время участились случаи негативные проявления на межнациональном уровне. В таких условиях говорить об истинной интеграции и сближении на низовом, «народном» уровне не приходится. В российских приграничных регионах необходимо усилить внимание к развитию приграничного сотрудничества. Сближению могут послужить совместные проекты в рамках актуальной культурной, спортивной, экологической повестки. Привлекательности совместному сотрудничеству добавляют трансграничные туристические маршруты, особенно для молодежи.

Мультипликативный эффект от приграничных связей также может положительно сказаться на модернизационном потенциале региона, его инвестиционной и маркетинговой привлекательности [8].

Подытоживая, можно отметить, что преимущества, которые вызваны наличием у региона приграничной полосы с другим государством, выступают мощным драйвером для формирования у него конкурентных преимуществ. В данном случае речь идет о конкурентных преимуществах «второй природы», поскольку их содержание и качественный состав предполагает более широкое воздействие не только на состояние приграничного региона, но и на национальную экономику в целом.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК № 21-510-23002.

Литература

1. Косарева Г.А. Влияние фактора пограничного положения на формирование конкурентных преимуществ города: дис. ... канд. экон. наук / Г.А. Косарева. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. - 192 с.
2. Полякова А.Г., Симарова И.С. Концептуальная модель управления развитием региона с учетом уровня пространственной связанности // Экономика региона. 2014. №2. С. 32-42.
3. Проект стратегии социально-экономического развития Астраханской области до 2035 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/proekty_strategiy_subektov_rf/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_astrahanskoy_oblasti_do_2035_goda.html (дата обращения: 08.09.2021).
4. Стратегии социально-экономического развития муниципального района Большечерниговский Самарской области до 2025 года. URL: <http://chernig.samregion.ru/economics/strategy/29582/> (дата обращения: 08.09.2021).
5. Черная И.П. Конкурентный потенциал в системе управления устойчивым развитием приграничного региона: дис. ... д-ра. экон. наук / И.П. Черная. Владивосток: Тихоокеан. гос. экон. ун-т, 2007. - 337 с.
6. Хмелева Г.А., Федоренко Р.В. Основные тенденции и факторы формирования конкурентных преимуществ приграничных регионов // Экономические отношения. 2021. Т. 11. № 2. С. 439-458.
7. Boe De, Philip, Claude GRASLAND and Adrian HEALY, et al. 1999. "Spatial Integration." Institute of Architecture and Urban & Spatial Planning of Serbia. Retrieved August 29, 2017. URL: [http://www.mcrit.com/SPESP/SPESP_REPORT/1.4.%20Final%20Report%20\(23-05-2000\).pdf](http://www.mcrit.com/SPESP/SPESP_REPORT/1.4.%20Final%20Report%20(23-05-2000).pdf) (дата обращения: 13.10.2021)
8. Datsii N.V. Global processes as to improve the development of the country and border regions // Публічне урядування. 2019. № 4 (19). С. 92-104.
9. Krugman P. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 142 p.
10. Hansen, Niles. 1977. "Border Regions: A Critique of Spatial Theory and a European Case Study." Annals of Regional Science 11(1): 1-14.
11. World Development Report 2009 Reshaping: Economic Geography (WDR 2009). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> (дата обращения 08.09.2021).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Герасимова Ирина Александровна

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Центральный экономико-математический институт, Москва, Россия
irina.guerassimova@gmail.com*

Герасимова Елена Владимировна

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Центральный экономико-математический институт, Москва, Россия
landar.sky@gmail.com*

Аннотация. Сравнительный анализ уровня и динамики социально-экономического положения приграничных и «глубинных» муниципальных образований (МО) Республики Карелия проводится в контексте уменьшения межрегионального неравенства. Эта задача является одной из ключевых в «Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г.» и в «Целях устойчивого развития 2030» (SDG 2030). Выявлено общее и особенное в тенденциях развития МО, очерчены специфика и потенциал приграничных регионов. Для статистического анализа использована БД «Муниципальная статистика» ФСГС. Рассмотрены плотность и численность, уровень и динамика заработной платы и денежных доходов населения в период 2010-2019 гг., учтен тип социально-экономического развития МО. Опыт исследования ещё раз говорит о неполноте муниципальной статистики и её слабой согласованности с региональной статистикой РФ.

Ключевые слова: приграничные регионы, муниципальная статистика, плотность населения, уровень доходов, динамика, устойчивое развитие, статистический анализ.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE POPULATION OF THE BORDER REGIONS OF THE REPUBLIC OF KARELIA

Gerasimova, Irina

Central Economics and Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia

Gerasimova, Elena

Central Economics and Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia

Abstract. Comparative analysis of the level and dynamics of the socio-economic situation of border and "deep" municipalities (MD) of the Republic of Karelia is carried out in the context of reducing interregional inequality. This task is one of the key in the "Strategy for the spatial development of the Russian Federation until 2025" and in Sustainable Development Goals 2030 (SDG 2030). Revealed the general and specific in the tendencies of the development of municipalities, outlined the specificity and potential of the border regions. For statistical analysis, the FSSS Municipal Statistics database was used. The density and number, the level and dynamics monetary incomes of the population in the period 2010-2019 are considered, the type of socio-economic development of the MD is taken into account. The research experience once again speaks of the incompleteness of municipal statistics and its weak consistency with the regional statistics of the Russian Federation.

Keywords: border regions, municipal statistics, population density, income level, dynamics, sustainable development, statistical analysis.

Муниципальные образования как объект междисциплинарных исследований. На необходимость совершенствования стратегического планирования и прогнозирования на региональном и муниципальном уровнях управления указывается как в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — СПР РФ) [1], так и в плане её реализации [2]. По итогам состоявшегося в Совете Федерации РФ 12 марта 2020 г. обсуждения отмечалось, что документы муниципального стратегического планирования плохо согласованы; в них не учитываются тип МО и численность населения; стратегическое планирование на муниципальном уровне не обеспечено качественным методическим обеспечением, нет значительной части первичных статистических данных в разрезе муниципальных районов и городских округов.

В сентябре 2021 г. снова была поставлена задача оптимизации количества принимаемых документов и необходимости их взаимоувязки, указано на необходимость повышения информационного, аналитического и методического обеспечения разработки и мониторинга стратегий регионального развития¹. На XIX Общероссийском Форуме «Стратегическое планирование в регионах и городах России» 2020-2021 гг. [3] объектами внимания были как муниципальные образования [4], так и приграничное сотрудничество [5]. Обсуждались актуальность российского опыта и современная модель местного самоуправления; роль и практическая реализация программ приграничного сотрудничества для достижения ЦУР 2030.

Несмотря на проблемы разработки и реализации документов стратегического планирования, МО были и остаются объектом научного исследования. В работах Бухвальда Е.М., Ворошилова Н.В., Леонова С.Н., Моляренко О.А., Швецова А.Н. и многих других рассмотрены различные аспекты изменения числа и статуса муниципальных образований, совершенствования информационного обеспечения, конкретные вопросы межмуниципальных различий и другие. Возможность выхода на траекторию устойчивого развития Арктических регионов Белого моря рассмотрена в работе Курило А.Е., Дружинина П.В. [7]. Ограниченность информации, представленной на сайтах муниципальных органов управления, детально рассмотрена Прокопьевым Е.А. [8]. В этой работе авторами продолжен анализ социально-экономического положения МО Р.Карелия [9].

Типы социально-экономического развития и плотность населения в МО Р.Карелия. В состав Карелии входят 18 МО, семь из них являются приграничными (*нгр*): 1 Костомукшский (*нгр*); 2 Петрозаводский; 3 Беломорский; 4 Калевальский (*нгр*); 5 Кемский; 6 Кондопожский; 7 Лахденпохский (*нгр*); 8 Лоухский (*нгр*); 9 Медвежьегорский; 10 Муезерский (*нгр*); 11 Олонецкий; 12 Питкярантский; 13 Прионежский; 14 Пряжинский; 15 Пудожский; 16 Сегежский; 17 Сортавальский (*нгр*); 18 Суоярвский (*нгр*).

Рисунок 1 иллюстрирует низкую плотность населения в Р.Карелия в целом. Исключение составляют «глубинный» Петрозаводский ГО и приграничный Сортавальский МР, имеющие разную направленность социально-экономического развития.

В проекте «Стратегии Р.Карелия...» на период до 2030 года» [6] дана «Классификация муниципальных образований по типам социально-экономического развития» (далее — СЭР). Она включает шесть типов (*их названия даны в сокращенной редакции авторов*):

1. Центры пространственной организации Республики Карелия

¹ Заседание Совета Безопасности РФ 2021-09-27 // <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/66777>

2. Районы со смешанной экономической специализацией и слабой диверсификацией
3. Районы с промышленной специализацией, преобладанием низкотехнологичных отраслей
4. Район с аграрной специализацией
5. Районы с туристической специализацией
6. Районы ресурсного освоения

Рисунок 1. Плотность населения в муниципальных образованиях Республики Карелия

Рисунок 2. Типы социально-экономического развития (СЭР) муниципальных образований Республики Карелия

Отличия в типах СЭР приграничных и глубинных МО значительны (Таблица 1.)

Таблица 1

Тип социально-экономического развития приграничных и "глубинных" муниципальных образований Республики Карелия

"глубинные" МО	Тип СЭР	приграничные МО	Тип СЭР
Петрозаводский ГО	1	Костомукшский ГО	3
Прионежский	1	Суоярвский	3
Пряжинский	1	Сортавальский	5
Беломорский	2	Лахденпохский	5
Кемский	2	Калевальский	6
Медвежьегорский	2	Лоухский	6
Пудожский	2	Муезерский	6
Кондопожский	3		
Питкярантский	3		
Сегежский	3		
Олонецкий	4		

Если среди «глубинных» преобладают МО с промышленной специализацией того или иного уровня развития (1-2-3 типы), то среди приграничных доминируют МО

с туристической направленностью, районы ресурсного освоения и МО с низким технологическим уровнем промышленности.

Перспективы пространственного освоения территории тесно связаны с численностью его населения. За период 1991-2021 гг. население Карелии уменьшилось с 790 тыс.чел. до 610 тыс.чел. На фоне снижения общей численности населения заметно растет удельный вес городского населения, которое составляет 80%, при этом 56% из них проживает в Петрозаводском городском округе (Таблица 2).

Доля населения приграничных регионов составляет менее 20% и монотонно снижается. Если городское население перераспределяется в сторону Петрозаводского ГО, то сельское — в сторону «глубинных» МО. Детальный анализ динамики изменения численности населения и его территориального перераспределения требует привлечения детальной информации о естественном воспроизводстве населения, об интенсивности и направлении миграции в разрезе МО.

В рамках данного исследования остановимся кратко на показателях благосостояния населения.

Таблица 2

Распределение населения Республики Карелия по приграничным и "глубинным" муниципальным округам, 2009–2019 гг. Все население = 100%

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	<i>Рост убыль в п.п.</i>
все население												
Петрозаводский ГО	40,2	40,4	40,8	41,5	42,2	42,9	43,5	44,0	44,4	44,9	45,3	5,1
приграничные МО	20,3	20,2	20,1	19,9	19,7	19,5	19,4	19,2	19,1	19,0	18,8	-1,5
"глубинные" МР	39,5	39,4	39,1	38,6	38,1	37,6	37,1	36,8	36,5	36,2	35,8	-3,7
городское население												
Петрозаводский ГО	51,8	52,0	52,2	52,9	53,6	54,2	54,7	55,1	55,4	55,8	56,2	4,3
приграничные МО	17,8	17,7	17,6	17,5	17,3	17,2	17,1	17,0	16,9	16,9	16,8	-0,9
"глубинные" МР	30,4	30,3	30,1	29,6	29,1	28,7	28,2	28,0	27,7	27,3	27,0	-3,4
сельское население												
приграничные МО	29,0	28,9	28,9	28,7	28,6	28,5	28,3	28,1	27,8	27,5	27,2	-1,8
"глубинные" МР	71,0	71,1	71,1	71,3	71,4	71,5	71,7	71,9	72,2	72,5	72,8	1,8

Денежные доходы населения приграничных и «глубинных» МО Республики Карелия. Муниципальная статистика сегодня фиксирует только социальные выплаты и налогооблагаемые денежные доходы населения (НОДД). Они не включают все доходы и не полностью отражают уровень благосостояния населения. Данные таблицы 3 указывают на значительное неравенство как внутри, так и между МО каждой рассмотренной группы. Различия в темпах роста доходов требуют факторного анализа. Отсутствие данных о структуре и распределении денежных доходов населения не позволяет оценить уровень бедности и рассмотреть проблемы неравенства. В заключение подчеркнем, что результаты статистического анализа могут быть эффективно использованы только в рамках научно-обоснованной концепции расселения и пространственного освоения территории страны и её регионов.

Таблица 3

**Объем социальных выплат и НОДД населения Р.и Карелия в среднем на 1 жителя
муниципального образования, в месяц, тыс. руб.**

регионы	Тип СЭР	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	рост / убыль, раз
Р. Карелия, всего		13,1	15,3	17,1	19,1	20,8	21,4	22,4	23,6	н/д	1,8
Петрозаводский ГО	1	15,0	17,3	19,4	21,1	23,4	23,1	23,6	24,4	27,0	1,8
приграничные МО											
Костомукшский *	3	21,4	24,9	27,6	30,1	30,6	31,1	32,2	35,7	36,7	1,7
Лахденпохский**	5	9,0	10,7	11,5	13,0	14,0	14,8	17,1	19,9	23,0	2,5
"глубинные" МР											
Кемский*	2	15,4	17,9	20,3	21,9	23,5	24,8	26,1	28,7	31,8	2,1
Пудожский**	2	7,9	9,4	10,9	12,7	14,4	16,3	16,3	16,4	18,1	2,3

Источник: Базы данных ГКС
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

В таблице представлены МО с максимальным* и минимальным** уровнем денежных доходов.

Литература

1. «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»
https://economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf
2. План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // https://economy.gov.ru/material/file/108d64418eca19f746e96fa20a7b6eb7/27122019_3227-p.pdf
3. XIX Общероссийский форум «Стратегическое планирование в регионах и городах России» 2020-2021. 20-30 октября 2020 г. состоялся онлайн этап Форума стратегов 2020-2021, 25-26 октября 2021 г. состоялся очный этап Форума стратегов 2020-2021.
<https://forumstrategov.ru/rus/program.html>
4. Круглый стол «Местное самоуправление: развилки развития» 25 октября 2021.
https://forumstrategov.ru/upload/program/Municipal%20government_22.10.pdf
5. Круглый стол «Приграничное сотрудничество в действии на благо сопредельных регионов» <https://forumstrategov.ru/rus/program/stol21.html>
6. СТРАТЕГИЯ социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года (проект) // https://economy.gov.ru/material/file/89a071c19798e94c3478014f01520cf4/proekt_RK.pdf
7. Курило А.Е., Дружинин П.В. Сценарии социально-экономического развития регионов Белого моря // Север и рынок: формирование экономического порядка, 2021, № 3, с. 52–69. doi:10.37614/2220- 802X.3.2021.73.004
8. Прокопьев Е.А. Официальные сайты поселений как источники информации о социально-экономическом развитии территории: карельская практика // Экономика, предпринимательство и право, 2021, т. 11, № 10. doi: 10.18334/epp.11.10.113624.
9. Герасимова И.А., Герасимова Е.В. Денежные доходы и заработная плата населения муниципальных образований Республики Карелия (2010–2019 гг.). // В сб.: Материалы доклада XI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти К.И.Арсеньева «Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития», Карелия, Петрозаводск, Институт экономики КарНЦ РАН, 2020, с. 22–32. DOI: 10.18334/9785912923715.22-32

References

1. «Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» // https://economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf
2. Plan realizatsii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda // https://economy.gov.ru/material/file/108d64418eca19f746e96fa20a7b6eb7/27122019_3227-p.pdf
3. XIX Obscherossiiskii forum «Strategicheskoe planirovanie v regionah i gorodah Rossii» 2020-2021. 20-30 oktyabrya 2020 g. sostoyalsya online etap Foruma strategov 2020-2021, 25-26 oktyabrya 2021 g. sostoyalsya ochnii etap Foruma strategov 2020-2021. <https://forumstrategov.ru/rus/program.html>
4. Kruglii stol «Mestnoe samoupravlenie: razvilki razvitiya» 25 oktyabrya 2021. https://forumstrategov.ru/upload/program/Municipal%20government_22.10.pdf
5. Kruglii stol «Prigranichnoe sotrudnichestvo v deistvii na blago sopredel'nih regionov». <https://forumstrategov.ru/rus/program/stol21.html>
6. STRATEGIYA sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kareliya na period do 2030 goda // https://economy.gov.ru/material/file/89a071c19798e94c3478014f01520cf4/proekt_RK.pdf
7. Kurilo A.E., Druzhinin P.V. Scenarii socialno-ekonomicheskogo razvitiya regionov Belogo moray. // Sever I Rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka, 2021, № 3, s. 52–69. doi:10.37614/2220-802X.3.2021.73.004
8. Prokop'ev E.A. Oficialnie sayti poseleni' kak istochniki informacii o socialno-ekonomicheskom razvitii territorii: kerel'skaya praktika. // Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo, 2021, t. 11, № 10. doi: 10.18334/epp.11.10.113624.
9. Gerasimova I.A., Gerasimova E.V. Denezhnie dohodi i zarabotnaya plata naseleniya municipal'nih obrazovaniy Respubliki Kareliya (2010–2019 gg.). // V sb.: Materiali doklada XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyaschennoi pamyati K.I.Arsen'eva «Voprosi ekonomicheskoi geografii i statistiki prostranstvennogo razvitiya», Kareliya, Petrozavodsk, Institut ekonomiki KerNC RAN, 2020, s. 22–32. DOI: 10.18334/9785912923715.22-32.

ПОСТКОВИДНЫЙ СИНДРОМ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Гневашева Вера Анатольевна
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
vera_cos@rambler.ru

Аннотация. Приграничные территории характеризуются рядом особенностей социально-экономического развития в сравнении с прочими территориями государства. Условия пандемии влияют на процесс сопряженности приграничных территорий с прочими территориями государства. Возникает вопрос, насколько следствия пандемии приводят к территориальному укреплению с точки зрения экономического развития, как самих приграничных территорий, так и государства в целом.

Ключевые слова: приграничные территории, постковидный синдром, устойчивое экономическое развитие.

POSTCOVID SYNDROME OF BORDER TERRITORIES

Gnevasheva, Vera
MGIMO, Moscow, Russia
vera_cos@rambler.ru

Abstract. Border territories are characterized by a number of features of socio-economic development in comparison with other territories of the state. The conditions of the pandemic affect the process of conjugation of border areas with other territories of the state. The question arises as to how far the consequences of the pandemic lead to territorial strengthening in terms of economic development of both the border areas themselves and the state as a whole.

Key words: border areas, post-coccygeal syndrome, sustainable economic development.

Введение

Приграничные территории характеризуются рядом особенностей социально-экономического развития в сравнении с прочими территориями государства. Близость внешних рынков создает во многом иные экономические предпосылки для формирования потребительского поведения. Близость внешних факторных рынков иначе формирует политику воспроизводства трудовых ресурсов, развития производственного процесса, конструирования рыночного механизма. Условия пандемии влияют на процесс сопряженности приграничных территорий с прочими территориями государства, вопрос в том, насколько следствия пандемии приводят к территориальному укреплению с точки зрения экономического развития как самих приграничных территорий, так и государства в целом.

Первое полугодие 2020 года, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, в отношении складывающихся тенденций на рынке труда характеризуется следующими оценками [3].

Так, исследование АССА отражает существенное влияние пандемии COVID которая может быть определена как социально-экономический фактор профессионального риска, а также как провал рынка, на производительность труда. По

оценкам ассоциации производительность труда в России снизилась на 54%, а в целом в мире на 59% [6].

Согласно модели краткосрочного прогнозирования МОТ, общемировой объем рабочего времени сократился в первом квартале 2020 г. примерно на 4,5 % (что эквивалентно полному рабочему времени примерно 130 миллионов работников при условии 48-часовой рабочей недели) по сравнению с докризисной ситуацией (четвертый квартал 2019 г.) [4,6].

В связи с принятыми жесткими ограничительными мерами по въезду и выезду мигрантов из Российской Федерации, для иностранных граждан, находящихся на территории страны или выехавшим, но находящимся в различных правовых процедурах (оформление вида на жительство, гражданства, разрешение на временное пребывание, работа по выданным разрешениям и патентам другим) возникла угроза оказаться вне правового поля. Для того, чтобы избежать необратимые последствия были разработаны и приняты соответствующие документы на уровне указов Президента РФ [1,2].

Первым был Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». А затем его действие было продлено редакцией Указа Президента Российской Федерации от 15 июня 2020 г. № 392.

Тенденции регулирования трудовых процессов приграничных территорий

Принятая в октябре 2020 г. Концепцию приграничного сотрудничества в Российской Федерации, определяет данную территорию, как включающую в себя территории приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации, а также определенные международными договорами Российской Федерации иные территории Российской Федерации.

Целями приграничного сотрудничества в Российской Федерации являются: развитие и укрепление хозяйственных, транспортных, культурных и гуманитарных связей между субъектами приграничного сотрудничества РФ; содействие взаимопониманию и дружбе между народами, населяющими территории; упрощение взаимного общения заинтересованных органов государственной власти, деловых кругов и групп населения; совместное создание и эффективное развитие экономической и социальной инфраструктуры; укрепление экономических, социальных, культурных, административных и иных в том числе путем совместного решения экономических, транспортных, энергетических, коммунальных, экологических, социально-демографических, миграционных, гуманитарных и других проблем; создание условий, способствующих прохождению экспортных, импортных и транзитных товаров через приграничную территорию РФ ; повышение эффективности использования производственной и социальной базы приграничной территории; создание условий, способствующих прекращению оттока населения с приграничной территории; содействие социальному и экономическому развитию приоритетных геостратегических территорий РФ; влияние миграционного фактора на социальные процессы на приграничной территории; риски возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на приграничных территориях; особенности обеспечения национальной безопасности.

Все представленные цели Концепции направлены на одновременное развитие приграничных территорий и укрепление процессов устойчивого социально-

экономического развития государства при необходимости сохранения целостности территории и эффективном их использовании.

Результаты исследования

Проведенный исследовательский анализ позволил подтвердить гипотезу о том, что в оценках рынка труда и распределения рабочей силы значимыми являются не только и не столько экономические факторы, но преимущественно то, что именно социальные маркеры во многом формируют структуру распределения рабочей силы: выявленные особенности связей факторов свидетельствуют о недостаточных темпах роста заработной платы в соответствии с ожиданиями рабочей силы, о сокращении доли занятых в общей численности трудоспособного населения, об устойчивом спросе на профессиональное образование по мере роста численности трудоспособного населения.

С учетом выявленной взаимосвязи модель перераспределения трудовых ресурсов между регионами России в обобщенном виде выглядит следующим образом: в регионах с высоким уровнем безработицы наблюдается отток незанятого населения в другие регионы, при одновременном притоке иностранной рабочей силы.

В результате выявлена тенденция усиления дифференциации регионов по степени влияния различных видов миграции на рынки труда за счет возрастающего притяжения внутренней трудовой миграции в столичные и нефтегазовые регионы. С другой стороны, в регионах с высокой безработицей (национальные автономии Северного Кавказа, Поволжья, Сибири) миграция не снижает нагрузку на рынок труда, а в ряде регионов даже ее увеличивает.

Выявленные провалы рынка, сопряженные с наличием структурной инфляции, а также с неэффективностью распределения трудовых ресурсов с замещающим эффектом внешних иммигрантов, усиливаются отрицательной экстерналией Covid-19, следствиями которой может стать еще большее усиление отмеченных негативных тенденций.

Выводы

Важным в части регулирования рынка труда остается проведение активной политики поддержки процесса воспроизводства трудовых ресурсов, что важно как для этапа формирования рабочей силы, так и для распределения и использования трудовых ресурсов, на каждом этапе необходимы таргетивные меры поддержки наиболее уязвимых хозяйствующих субъектов и их групп, регионов, сфер хозяйственной жизнедеятельности.

Дополнительные инвестиции в подобном направлении будут способствовать мотивации участия работников на рынке труда, позволят улучшить свои перспективы на рынке труда за счет в том числе повышения качественных характеристик рабочей силы посредством дополнительных программ профессионального развития, переквалификации и повышения квалификации.

Необходимо стимулировать процессы формирования институциональных основ инклюзивного, поступательного и устойчивого экономического роста за счет в том числе усиления мер социальной защиты, то есть системы инструментов и методов, способствующих обеспечению работников, независимо от их договорных отношений, правами на безопасные условия труда, на защиту здоровья, на получение минимальных финансовых гарантий поддержания достойного уровня жизни, на гарантированный минимальный уровень дохода вне зависимости от кризисных перспектив.

Крайне важно поддерживать инициативы социального диалога для развития и обеспечения мероприятий восстановления человека в системе трудовых отношений,

его возвращения в сферу труда, его обеспечение квалифицированным, безопасным и достойным трудом. Подобные стратегии являются наиболее эффективными, если представляют собой результат переговоров правительств, работодателей и самих работников. Трёхсторонние обязательства для решения вопросов восстановления рынка труда являются наиболее действенными как для отдельных сторон данного переговорного процесса, так и для всей системы рынка труда в целом.

Литература

1. Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н., Узяков М.Н., Широ А.А. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 18-26. DOI: [10.47711/0868-6351-183-18-26](https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26)
2. Бондаренко Н.Е. Российский рынок труда в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции: тенденции, вызовы и государственное регулирование // Инновации и инвестиции. 2020. №7. С. 63-70. ISSN: 2307-180X.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок и собственность: социально-экономические уроки пандемии // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 145-157. DOI: [10.31857/S013216250009711-5](https://doi.org/10.31857/S013216250009711-5).
4. Вишневская Н.Т., Зудина А.А., Массовое высвобождение работников: политика стран ОЭСР // МЭМО. 2020. №7. С. 17-25. DOI: [10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25).
5. Китрар Л.Л., Липкинд Т.М., Остапкович Г.В. Коронакризисные тенденции в европейской экономике: новые вызовы, риски, ожидания // Вопросы статистики. 2020. №5. С. 95-113. DOI: [10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113).
6. Мировая занятость и социальные перспективы - тенденции до 2021 года / МОТ. 2020. [Электронный ресурс]. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdf. Дата обращения: 13.08.2021.

References

1. Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfir'ev B.N., Uzyakov M.N., SHirov A.A. Postpandemicheskoe vosstanovlenierossijskojekonomikiiperekhod k ustojchivomusocial'no-ekonomicheskumurazvitiyu // Problemyprognozirovaniya. 2020. № 6. P. 18-26. DOI: [10.47711/0868-6351-183-18-26](https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26)
2. Bondarenko N.E. Rossijskijrynoktruda v usloviyahpandemiinovojkoronavirusnojinfekcii: tendencii, vyzovyigosudarstvennoeregulirovanie // Innovaciiinvesticii. 2020. №7. C. 63-70. ISSN: 2307-180X.
3. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Rynokisobstvennost': social'no-ekonomicheskieuropandemii // Sociologicheskiesissledovaniya. 2020. № 8. P. 145-157. DOI: [10.31857/S013216250009711-5](https://doi.org/10.31857/S013216250009711-5).
4. Vishnevskaya N.T., Zudina A.A., Massovoevysvobozhdenierabotnikov: politikastran OESR // MEMO. 2020. №7. C. 17-25. DOI: [10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25).
5. Kitrar L.L., Lipkind T.M., Ostapkovich G.V. Koronakrizisnyetendencii v evropejskojekonomike: novyevyzovy, riski, ozhidaniya // Voprosystatistiki. 2020. №5. P. 95-113. DOI: [10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113).
6. Mirovayazanyatost' isocial'nyeperspektivy - tendencii do 2021 goda / MOT. 2020. [Elektronnyjresurs]. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdf. Data obrashcheniya: 13.08.2021.

УРБАНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ КАК ФАКТОР ОСВОЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Казаков Станислав Геннадьевич

Курский государственный университет

stas.kazakov@gmail.com

Казакова Татьяна Андреевна

Курский государственный университет

tanja220498@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-географическому комплексному анализу урбанизации такого российского приграничного региона как Центральное Черноземье. Предлагается типология черноземных городов по генезису и функциональному фактору их возникновения и развития. Особое внимание уделяется менталитету и поведенческим стереотипам горожан изучаемого региона.

Ключевые слова: российско-украинское пограничье, Центральное Черноземье, урбанизация.

URBANIZATION OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF THE BORDER SPACE: HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL REVIEW

Kazakov, Stanislav

Kursk State University

stas.kazakov@gmail.com

Kazakova, Tatiana

Kursk State University

tanja220498@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and geographical complex analysis of the urbanization of such a Russian border region as the Central Chernozem region. The typology of chernozem cities according to the genesis and functional factor of their origin and development is proposed. Special attention is paid to the mentality and behavioral stereotypes of the citizens of the studied region.

Key words: Russian-Ukrainian borderlands, Central Black Earth Region, urbanization.

Название региона исследования отражает тот факт, что около 85% территории 5 областей (входящих в ЦЧР) занимают черноземы различных типов. Однако именно с почвами городов возникает коллизия, выражающаяся в парадоксе: «черноземные города, как правило, стоят не на черноземе». Объясняется этот парадокс достаточно просто – микрогеографией места основания - приуроченность городов к речным долинам, а чаще всего к слиянию двух (и более) рек, автоматически определяло место основания города на аллювиальных (не черноземных!) почвах. Широкие полосы крупных речных долин (Дона, Воронежа, Ворсклы, Сейма, Цны), пересекают

черноземные массивы, к которым и приурочено большинство городских поселений ЦЧР [3].

Из 52 городов Черноземья лишь три города этого региона абсолютно точно не находятся в пределах территории распространения черноземных почв – Железнодорожск, Дмитриев-Льговский и Фатеж. Еще четыре города Курской области лежат на границе черноземов и серых лесных почв – Курск и Льгов своими левобережными районами заходят на чернозем, а Рыльск (стоящий на правом берегу Сейма) и Курчатов (у пруда-охладителя АЭС) тяготеют к рядом лежащему черноземному ареалу своими предместьями и зоной аграрного обслуживания.

Особым вопросом остается датировка возникновения городского поселения. Всегда остается выбор между такими датами как «первое письменное упоминание», «закладка крепости» (считать крепость уже городом или еще нет?), «дарование герба», «особый указ о присвоение статуса города» и так далее. Иногда между этими датами проходит довольно большой промежуток времени.

Еще более осложняется ситуация с разрушенными и вновь восстановленными (иногда спустя столетия) на том же месте городами. Так, например, если брать за дату основания первое летописное упоминание, то старейшими городскими поселениями Черноземья будут считаться Курск, Рыльск и Елец (первые два упоминаются ранее 11 века, третий в 12-м веке). Это были крепости на юго-восточной окраине Руси Киевского периода.

Однако и Курск, и Елец в тринадцатом веке были полностью разрушены монголами и прекратили свое существование как крепости (возможно какая-то жизнь теплилась на их руинах, но городами их считать определенно в этот период нельзя). Они были восстановлены¹ только в конце 16-го века, и не совсем понятно можно ли считать их древнейшими городами. Таким образом, хронологическая классификация городов для нашего исследования еще более запуталась, в связи с чем авторами принято решение использовать для определения возраста городов данные по «дате образования», приведенные в справочнике «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик» за 1987 год.

Начало 16-го столетия ознаменовывается окончательным присоединением Северщины и Посеймья к Московскому царству и началом вторичной русской колонизации «Дикого поля». К концу века появляются первые крепости южнее верховий Псла и на притоках Дона (Белгород, Старый Оскол, Воронеж). В этот же период идет восстановление ранее разрушенных городов, о котором упоминалось выше. Они заселяются служивыми людьми (прежде всего казаками) из центральных и северных районов царства[1].

Следующее столетие (1600-1700) для этой территории характеризуется всплеском градостроительства, что было обусловлено двумя причинами – во-первых, строительством Белгородской засечной черты, в ходе работ над которой были построены как совершенно новые города (от Корочи и Нового Оскола через Острогожск и Усмань до Тамбова и Козлова), так и обновлены крепостные сооружения в уже существующих населенных пунктах, находящихся «в тылу» засечных линий, что позволило им перейти в ранг городов (Суджа, Обоянь, Коротояк), а некоторые форпосты были построены южнее засек и валов, к примеру – Короча.

Второй причиной, подстегнувшей рост городов на этой территории в 17-м столетии, явилась малороссийская миграция с западного и юго-западного направлений

¹идут споры о том – точно ли на старом месте был восстановлен Курск, а для Ельца даже появились топонимы «старый» и «новый» город, поскольку новая крепость была построена на некотором расстоянии от прежней (до монгольской)

(что было связано с этно-политическими конфликтами на территории Левобережной Украины). Этот процесс привел сначала к возникновению сети слобод, а затем и к увеличению числа служивых людей в крепостях Черноземья. Завершение строительства опорных пунктов Белгородской засечной черты позволило отодвинуть границы Московского государства далеко на юг в исконные кочевья степняков и заселить плодороднейшие черноземные пространства.

Бурный рост населения на этой территории в 18 столетии привел к необходимости упорядочивания сети городов, которым надлежало «управлять округой». Екатерининская реформа административного управления в результате которой понадобилось большое количество уездных городов привела к дарованию статуса города ряду крупных сельских населенных пунктов в 1779 году. Такое искусственное «посвящение в город» имело своими последствиями либо замедленное развитие таких городских поселений (например, большинство современных малых городов Черноземья – Фатеж, Дмитриев-Льговский, Льгов, Щигры Бобров, Павловск, Богучар, Моршанск, Кирсанов, Чаплыгин и проч. возникли именно в это время) или же вовсе утрату статуса города в последующее время (Тим, Богатый, Ливенск, Нижнедевицк, Калитва).

В 19-веке городом в Черноземье стал лишь Грайворон, который из старинной малороссийской слободы превратился в уездный город, отняв этот статус у захиревшего к тому времени Хотмыжска, переведенного сперва в заштатные города, а после и вовсе лишенного городского статуса.

Возникшие в двадцатом веке до Великой Отечественной войны города Черноземного Центра выросли из рабочих поселков или крупных жд узлов (Грязи, Лиски, Шебекино, Россошь) и поэтому в настоящее время они имеют схожие черты и примерно одинаковую людность 40-60 тысяч жителей. Даже с потерей промышленных драйверов для роста в 90-х годах их население было достаточно велико, а транспортное положение чрезвычайно выгодно, чтобы окончательно маргинализироваться и потерять статус города.

В послевоенный восстановительный этап возникли прежде всего города КМА – Железногорск, Губкин, Строитель или же города с предприятиями 4-го технологического уклада – Курчатов, Нововоронеж.

Особой и, наверное, самой типичной категорией городов для ЦЧР, возникших в это время, являются выросшие вокруг предприятий пищевой промышленности из рабочих поселков Алексеевка, Жердевка, Поворино и Семилуки.

Таким образом сеть городов Центрального Черноземья представляет собой сложную многоуровневую систему, чьи части возникли в разное историческое время, под влиянием различных социально-политических и экономических факторов. Аграрная специализация региона тормозила рост этих городов за счет внутренних миграций из сельской местности. Непосредственная близость столичного Центра и Харькова, а также целенаправленные (поддержанные и инициированные правительством) миграционные процессы (пореформенное переселение в Новороссию, столыпинские переселения в Сибирь, послевоенное заселение Крыма и Калининградской областей) вымывали избыточное сельское население региона и не позволяли ему закрепляться в собственных (близлежащих городах), исключение составляли областные центры, в котором закреплялась обучающаяся молодежь.

Разные периоды и причины возникновения черноземных городов практически не позволяют выявить территориальную закономерность и логику их размещения (лишь в некоторых случаях можно говорить о некоторой упорядоченности – типа «города Белгородской засечной черты» или какой-либо приуроченности – к примеру, «города КМА»). При попытке районирования черноземных городов, как не

удивительно, наиболее подходит «бассейновый метод», поскольку исторически именно транспортное сообщение по рекам формировала некую общность и даже идентичность, чему служит примером курская поговорка «Свапа и Усожа в Сейм текут, слава тебе Боже – не в Оку» (т.е. куряне не такие как жители Орла).

До сих пор сохраняется общность менталитета курян и белгородцев, обусловленная сходными чертами заселения (чересполосица великорусских сел и малоросских слобод)[5], говором (фрикативное «г») и диалектизмами, длительным проживанием в одной административно-территориальной единице (Курская губерния и до 1954 года Курская область) и выражающаяся в общности электоральных предпочтений («красный пояс»)[2, 4] и даже повседневной моде (популярные в 90-е годы у мужчин кепки-«аэродромы» носили охотно куряне и белгородцы, а в соседнем Орле в виду отсутствия спроса такие головные уборы вообще не продавались на рынках).

Несмотря на то, что анализ городской сети по «правилу Ципфа» не предполагает использование отдельной части государства или какой-либо исторически устоявшейся территории, попытка сравнить идеальное распределение по принципу «ранг-размер» с реально существующей людностью черноземных городов дало любопытные результаты.

При ранжировании 52 городов от «миллионера» Воронежа до 5-тысячной Суджи наибольшее несоответствие наблюдается с 3-го по 6-й ранг (Курск, Белгород, Тамбов, Старый Оскол) – в этих городах реальное население больше, чем положено по идеальному распределению Ципфа, что говорит о некоторой искусственности в стимулировании роста областных центров (Старый Оскол в виду экономико-географических особенностей развития в этом плане на особом счету и даже предполагалось, что он обгонит Белгород по людности, если бы были построены все планируемые предприятия в советский период).

Все остальные черноземные города, намного меньше, чем следовало бы исходя из их ранга. К примеру, самые маленькие из них (Суджа, Фатеж, Новохоперск) меньше «идеально-предполагаемых на их месте» почти в 5 раз! Это свидетельство недостаточности и плохого развития городской сети в данном регионе.

Благодарности

Публикация осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации "Русское географическое общество". Грант "Истинные города Черноземья: парадоксальная география".

Литература

1. Абакумова Н.Ю., Казаков С.Г. Историко-географические особенности урбанизации в Центральном Черноземье // Проблемы устойчивого развития регионов Республики Беларусь и сопредельных стран: сборник научных статей Второй Международной научно-практической конференции, 27-29 марта 2012 г., МГУ имени А.А. Кулешова, г. Могилев : в 2 ч., 2012. Ч. 1. С 237-239.
2. Абакумова Н.Ю., Казаков С.Г. Сравнительно-географический анализ электоральных предпочтений курян на выборах в Государственную Думу (2007 и 2011 гг.) // Наукові записки Сумського державного педагогічного університету ім. А.С.Макаренка. Географічні науки. – Вип. 3 : [збірник наукових праць / наук. ред. Б. М. Нешатаєв, А.О. Корнус та ін.]. – Суми: СумДПУ, 2012. С 137 - 141.
3. Казаков С.Г., Казакова Т.Л. Эколого-экономические факторы устойчивого развития Центрального Черноземья // Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – 139с.
4. Казаков С.Г., Цыганков Д.Н. Историко-географические аспекты территориальных различий электоральных предпочтений населения российско-украинского пограничья (Курско-Сумской участок) // Путивльский краеведческий сборник. Вип.6 / Державний історико-культурний заповідник у м. Путивлі. - Суми: Університетська книга, 2010. С. 512-521.

5. Kazakov S. G. Historical and geographical aspects of behavioral stereotypes formation of the population in Russian-Ukrainian border areas // Міжнародна науково-практична конференція «Українська історична географія та історія географії в Україні», Чернівці, 2009. с. 75-76.

**ИНТЕГРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ
ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ И РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ
ИНТЕГРИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ БЕЛОРУССКО - РОССИЙСКОГО
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА**

Кириенко Виктор Васильевич

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет им.

П. О. Сухого», Беларусь

kirienko@gstu.by

Аннотация. В статье рассматриваются состояние и возможные варианты реформирования высшего технического образования в Белорусско — Российском союзном государстве. Отмечается, что в настоящее время в результате модернизации высшего образования и в Беларуси и в Российской Федерации сложилась эклектическое соединение советской системы образования с элементами болонской системы. Проведение эффективных экономических и социогуманитарных процессов в Белорусско — Российском союзном государстве требует создания собственного образовательного пространства высшего технического образования.

Ключевые слова: высшее техническое образование, советская система образования, болонский процесс, бакалавр, магистр, специалист, доктор философии, Белорусско — российское союзное государство.

**INTEGRATION OF THE NATIONAL EDUCATIONAL SYSTEMS OF HIGHER
TECHNICAL EDUCATION OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION AS
A CONDITION FOR THE FORMATION OF AN EFFECTIVE INTEGRATED
ECONOMY OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN UNION STATE**

Kirienko, Victor

Educational Institution "Gomel State Technical University named after P.O. Sukhoi", Belarus

kirienko@gstu.by

Abstract. The article examines the state of the art. Possible options for reforming higher technical education in the Belarusian State, the Russian Union State. That the result of education both in Belarus and in the Russian Federation in the modernization of higher education has now formed the Soviet education system. Conducting effective economic and socio-humanitarian processes in the Belarusian-Russian Union State requires the creation of its own educational space for higher technical education.

Key words: higher technical education, soviet education system, bologna process, bachelor, mapper, specialist, doctor of Philosophy, Belarusian-Russian State.

Активизированные в последнее время интеграционные процессы в рамках Российско-белорусского союзного государства в ряду таких вопросов, как формирование общего рынка труда, единого таможенного пространства, единого энергетического рынка, единой налоговой системы, вне сомнения стоит и задача формирования Единого союзного образовательного пространства, в первую очередь, инженерно - технического, своеобразного аналога ЕВПО для государств Евросоюза. Логика развития событий в формировании идеологии и реализации идеи об

унификации европейского высшего образования свидетельствует о том, что Болонский процесс был предопределен предшествующими шагами по унификации индустрии, финансовой системы, внутренней и внешней политики Евросоюза. Решающим фактором генерирования идеи интернационализации европейских систем образования был внутриевропейский экономико-технический фактор, - интервенция транснациональных компаний на европейских территориях без ориентации на государственные границы. Крупный капитал, располагая филиалами своих предприятий в различных государствах Европы, был кровно заинтересован в том, чтобы учебные заведения независимо от их национальной принадлежности готовили для их предприятий специалистов разговаривающих на одном техническом языке, пользующихся единой терминологической базой. Болонский процесс, в самом зарождении инициированный как процесс сближения и гармонизации национальных систем высшего образования с целью создания единого образовательного пространства в государствах Европы, по своей сути является логическим завершением осуществленных ранее шагов в создании социальных, экономических и политических институтов «общего Европейского дома» - Евросоюза. Напомним основные вехи становления Евросоюза как грандиозного экономического и политического проекта современности. Основные вехи становления Евросоюза как грандиозного социального, экономического и политического проекта современности. Символично, что 9 мая 1950 года. Министр иностранных дел Франции Р. Шуман выступил с беспрецедентной для послевоенной Европы инициативой объединения ресурсов по производству и потреблению угля и стали Франции и Западной Германии, пять лет назад, воюющих между собой. В феврале 1951 года в рамках Парижского договора руководители индустриально развитых европейских государств - Западной Германии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Франции и Италии под лозунгом «Мирная Европа» подписали соглашение об учреждении «Европейского объединения угля и стали». Как говорится — ничего личного, только бизнес. К моменту оформления идеи унификации систем образования Европейских университетов уже были созданы: «Европейское объединение угля и стали», «Европейское сообщество по атомной энергии» (Евроатом), общий рынок - «Европейское экономическое сообщество», Европейская Ассоциация свободной торговли, завершено создание Таможенного союза и отменены таможенные тарифы, ранее взимающиеся внутри государств - членов Европейского Экономического Сообщества, создана Европейская валютная система, в том числе и единая валюта — ЭКЮ, как «корзина» национальных валют государств Европейского Сообщества. Таким образом, внутренняя логика формирования объединенной Европы, как экономического и политического союза, не могла не инициировать процесс институционального оформления Европейского образовательного пространства.

В настоящее время и в Беларуси, и в Российской Федерации реально действуют образовательные системы, содержащие в себе фрагменты советской и болонской систем. Беларусь к выпуску бакалавров формально не приступила, но и сроки обучения специалистов сократились, приблизив к срокам обучения европейских бакалавров. В Российской Федерации, несмотря на то, что к Болонскому процессу она присоединилась в 2003 году, ведущие высшие технические учебные заведения готовят студентов по двум программам: по советской системе — в так называемом «специалитете», и по болонской - в «бакалавриате». При этом, выпускники и «специалитета» и «бакалавриата» на одинаковых условиях могут продолжить свое профессиональное образование в магистратуре.

Говоря о современных проблемах и направлениях модернизации высшего технического образования для союзного белорусско - российского государства,

необходимо ответить на вопросы - какими вызовами, кроме конъюнктурно - политических, для модернизации национальных систем образования базовой моделью была выбрана Болонская система образования? Какими отраслями – потребителями выпускников технических вузов, вместо традиционно выпускаемых специалистов, были заказаны бакалавры, магистры и доктора философии. Последняя академическая степень в постсоветских реалиях вообще является каким-то недоразумением. Спрашивается, каким образом специалисты, объектом изучения которых была математика, сельское хозяйство или строительство, но никак ни философия, по завершении образования становятся докторами философии? По факту ни Российская Федерация, ни Беларусь, ни даже Украина, больше других реализовавшая требования Болонской системы, не сделали реальных шагов для отказа от «пережитков» советских ученых степеней - кандидатов и докторов наук..

В результате бессистемно проводимого реформирования инженерно-технического профессионального образования случилось так, что и вне советской, и вне болонской системы как в Беларуси, так и в Российской Федерации оказались средние специальные учебные заведения, техникумы, вдруг ставшие колледжами. Ведь в Болонской системе колледжи не являются самостоятельными учебными заведениями, а структурными подразделениями университетов, обеспечивающими получение первого уровня высшего образования, - бакалавров. В соответствии с «железным» законом философии, гласящим, что высшим критерием истины является практика, вопреки всем формальным преобразованиям, средние специальные учебные заведения и в Беларуси и в Российской Федерации не изменили свое функциональное содержание. Они остаются учреждениями образования, готовящими выпускников с законченным средним специальным образованием. Практика, и советская, и современная, подтверждают - для предприятий индустриально-промышленного комплекса выпускники техникумов представляют собой оптимальный вариант для формирования кадрового ресурса специалистов среднего уровня, в том числе линейных руководителей первого уровня - мастеров, а также высококвалифицированных рабочих, например, – наладчиков станков с программным управлением. Попытки выстроить интегрированную, последовательную систему получения среднего специального, а затем высшего технического образования, должного результата не дали. В большинстве случаев выпускники технических колледжей, поступая в высшие учебные заведения, проходят вступительные испытания и обучаются по тем же программам, что и выпускники школ, гимназий и лицеев. В результате, у абитуриентов и/или их родителей мотив поступления в колледж с перспективой дальнейшего продолжения образования в высшем учебном заведении, не включается. В отличие от белорусов, россияне не пошли и на тотальное переименование всех средних специальных учебных заведений в колледжи. К примеру, в приграничной с Беларусью, Брянской области в 2020 году работало 30 учебных заведений этого уровня, из которых у 13 остался статус техникума.

Проблему «непрестижности» ПТУ как базы подготовки рабочих в Российской Федерации разрешили просто. В большинстве случаев бывшие ПТУ переименовали в колледжи, либо присоединили к колледжам и в них продолжают подготовку рабочих специалистов. В Беларуси структура подготовки профессиональных рабочих осталась советская. Бывшие ПТУ не утратили своей самостоятельности, они переименованы в лицеи и по-прежнему обеспечивают подготовку квалифицированных рабочих.

Современные реалии промышленного производства требуют и современного решения в подготовке кадров индустрии, - профессионалов всех уровней. Одна из возможных моделей получения непрерывного, последовательного технического профессионального образования концептуально может быть представлена следующим

образом. Сразу сделаем оговорку, эта модель может быть распространена только на учреждения образования технического профиля, ведущих подготовку специалистов для предприятий отраслей индустриального комплекса, в производственном процессе которых задействованы специалисты трех квалификационных уровней профессиональной подготовки: квалифицированные рабочие, специалисты среднего и специалисты высшего квалификационного уровня.

В предлагаемой модели под «крышей» технических университетов действуют структуры обеспечивающие последовательное получение профессиональных квалификаций трех уровней: 1. профессионально — технического 2. среднего специального 3. высшего. Абитуриенты поступают в технический университет и в течении первого года осваивают компетенции базового - профессионально-технического образования, по окончании которого получает диплом (свидетельство) квалифицированного рабочего — токаря, фрезеровщика, слесаря-сборщика. «Войдя» в профессию на базовом уровне, он или его родители могут сделать вывод о достаточности полученной профессиональной компетентности и на этом закончить свое образование и приступить к работе, либо продолжить его на втором уровне образования, по окончании которого, получить диплом о среднем профессиональном образовании. В свою очередь, выпускники второго — среднего профессионального образования, также могут закончить свое профессиональное образование, либо сделать перерыв в учебном процессе до получения внутреннего или внешнего сигнала о необходимости дальнейшего продолжения образовательного процесса. Оставшаяся часть специалистов получает законченное высшее образование. К ним присоединяются студенты по тем или иным причинам ранее сделавшие перерыв в образовании.

В представленной модели получения последовательного технического образования, разрешается системное противоречие современного высшей технической школы, зафиксированное в известном афоризме не стыковки, рассогласования полученных в вузе теоретических знаний и требований реального производства - «забудьте индукцию и давайте продукцию». При реализации этой модели не все квалифицированные рабочие получают высшее образование, но все обладатели дипломов о высшем и среднем специальном образовании будут обладать компетенциями профессионального рабочего. Таким образом, пирамида профессионального образования приобретет естественную форму: ее основание образуют специалисты с общим профессиональным образованием, а вершину образуют специалисты с высшим образованием. Подчеркнем, в данном случае речь идет не о штатной структуре промышленного предприятия. Удельный вес «мозгов», специалистов с высшим образованием в структуре предприятий индустрии будет и впредь повышаться. Но включение в структуру компетенций выпускника высшего технического учебного заведения навыков рабочего, умеющего не только проектировать, но и при помощи технических механизмов, изготавливать своими руками узлы и детали, вне сомнения будет полезным как в процессе обучения и адаптации к условиям реального производства, так и во внепроизводственной, например, в семейной жизни.

ТИХООКЕАНСКАЯ АРКТИКА: ТРАНСГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДВУХ ОКЕАНОВ И КОНТИНЕНТОВ

Краснопольский Борис Хананович

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
st@ecrin.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные аспекты процессов природно-экологического и социально-экономического развития трансграничного российско-американского Тихоокеанского арктического сектора на стыке двух континентов и океанов на начальных этапах формирования его хозяйственной структуры. Дальнейшее развитие этого сектора должно быть связано с формированием данного пространственно-хозяйственного образования как международной интегрированной и системно организованной структуры, что является источником получения значительных дополнительных синергетических, мультипликативных и системно-эмерджентных эффектов в интересах обеих приграничных стран.

Ключевые слова: Тихоокеанская Арктика, Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ), пространственно-хозяйственные образования, российско-американские отношения, Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Совет Берингова/Тихоокеанско-арктического региона (СБТР).

PACIFIC ARCTIC: A TRANSBOUNDARY REGION AT THE CROSSROADS OF TWO OCEANS AND CONTINENTS

Krasnopol'ski, Boris

Institute of Economic Research, Far Eastern Branch RAS, Khabarovsk, Russia
st@ecrin.ru

Abstract. The article deals with the spatial aspects of the processes of natural-ecological and socio-economic development of the transboundary Russian-American Pacific Arctic sector at the junction of two continents and oceans at the initial stages of the formation of its economic structure. Further development of this sector should be associated with the formation of this spatial-economic object as an international integrated and systemically organized structure, which is a source of obtaining significant additional synergistic, multiplicative and systemic-emergent effects in the interests of both border countries.

Keywords: Pacific Arctic, Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), spatial-economic formations, Russian-American relations, Barents/Euro-Arctic Council (BEAC), Bering/Pacific-Arctic Council (BPAC).

В международной классификации северо-арктических территорий¹ к зоне мировой Арктики, в частности, к региону Берингова пролива и Тихоокеанскому арктическому сектору относятся: со стороны России - территория *Чукотского автономного округа* полностью и со стороны США - штат *Аляска* также полностью с

¹ Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation / Arctic Council. May 11, 2017. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> (дата обращения: 10.09.2021).

его грядой Алеутских островов плюс исключительные акваториальные экономические зоны обеих стран.

Но исходя из пространственно-системных и практических хозяйственных соображений есть серьезные основания включить в этот трансграничный Тихоокеанский северо-арктический сектор и весь *Камчатский край*, хотя формально этот полуостров географически относится частично к субарктическим территориям и частично к области морского климата. Камчатка играет большую роль в этой трансграничной зоне как в хозяйственном использовании ее ресурсного потенциала (например, в добыче морских ресурсов), так и в обеспечении функционирования Северного морского пути (создание и развитие восточно-азиатского порта-хаба СМП в дальневосточном морском бассейне в Петропавловске-Камчатском наряду с Мурманским портом-хабом в западно-европейской зоне СМП) и др. [1; 2].

На рис. 1 представлена геологическая карта дна Тихоокеанского сектора Арктики, на которой, даже не будучи специалистом в области геологии, можно достаточно четко увидеть пространственное единство в геологической структуре этого природного образования, что может являться доказательством того, что вполне обоснованно можно включать в этот сектор Арктики все его надстроечные административные составляющие обеих стран, названные выше.

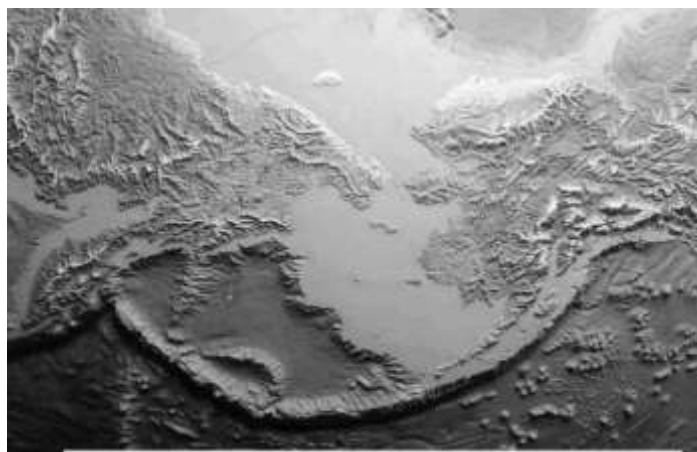

Рисунок 1. Геологическая структура дна Тихоокеанского сектора Арктики

В чем состоит роль этого международного трансграничного Тихоокеанского арктического сектора в функционировании Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и всей Арктической зоны мира?

1. Тихоокеанский сектор Арктики является одним из *двух опорных секторов* Арктической зоны мира, которые существуют на пересечении высокоширотных акваторий Северного Ледовитого океана и меридиональных акваторий Атлантического и Тихого океанов. Они в совокупности являются некими точками географического и экологического баланса и равновесия в зоне мировой Арктики, которые установились в природе на планетарном уровне к настоящему времени.

2. Процессы, протекающие в этих секторах, имеют весьма существенное пространственно-системное влияние на формирование всего Арктического бассейна и на действие других геопланетарных факторов – геоэкологических, геополитических и геоэкономических.

К ним относятся:

природно-экологические процессы, которые формируют климатические изменения в морях Северного Ледовитого океана и в значительной степени определяют

их ледовую обстановку и устойчивое состояние биогеоценозов, что отражается на климатических флуктуациях на всей территории планеты;

пространственно-хозяйственные процессы, на которые эти опорные сектора оказывают весьма существенное влияние и от которых в значительной степени зависит хозяйственное развитие различных стран мира - организация транспортно-логистической базы морских перевозок, добыча минеральных (особенно углеводородных) ресурсов, рыбных и других морепродуктов и др.;

трансграничные процессы в формировании целого комплекса межгосударственных отношений различных арктических стран, что связано с необходимостью создания в этих приграничных зонах примерно сопоставимых, «равновесных» уровней экономического и общественного развития и социального обеспечения, что должно касаться как коренного, так и пришлого населения этих территорий и другие процессы.

Но мировое сообщество этим секторам уделяет далеко не одинаковое внимание, а именно:

- в Европейском секторе Арктики создано множество активно действующих международных организаций, например, показывающий высокую эффективность Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР).

- Азиатский арктический сектор не имеет подобных механизмов общественного мониторинга трансграничного сотрудничества между арктическими секторами восточной России и северо-запада США.

Именно в этой связи возникла инициатива создания российско-американского Совета Берингова/Тихоокеанско-Арктического региона (СБТР). Учитывая требования федерального закона РФ «Об основах приграничного сотрудничества»¹, а также по аналогии со СБЕР была составлена структура СБТР, охватывающая различные сферы интеграционных процессов между Россией и США в этом секторе Арктики, которая отображена на рис. 2.

Создание этого нового совета дает возможность установить постоянно действующие рабочие контакты и обмен информацией между этими трансграничными макрорегиональными советами – СБЕР и СБТР в АЗРФ в ее западно-европейской и в восточно-азиатской частях, в этих ее «форпостах» или «крыльях», а также организовать их более четкое согласованное взаимодействие с международным Арктическим советом и другими уже созданными международными арктическими организациями.

Вопросы необходимости создания подобной трансграничной международной институциональной структуры в Берингийско-Тихоокеанской зоне Арктики активно обсуждаются не только в российской, но и в зарубежной, в частности – в американской научной литературе [4; 5; 7]. Определенный оптимизм в решении данного вопроса может быть связан с выступлением Министра иностранных дел РФ С. Лаврова на заседании Совета глав субъектов РФ 15 июня 2021 г. Он заявил, что Москва открыта к развитию межрегионального сотрудничества с США, а также - заинтересована в создании новых региональных структур для работы по линии тихоокеанского диалога с Вашингтоном. В частности, речь идет о Совете Берингова/Тихоокеанско-Арктического региона, а также в рамках российско-американского Тихоокеанского партнерства. «Мы заинтересованы в создании новых региональных структур, включая Совет Берингова/Тихоокеанско-Арктического региона, предполагающего участие

¹ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. №179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (дата обращения: 10.09.2021).

ряда российских арктических субъектов и Аляски. Пока наши американские партнеры размышляют над этим предложением», подчеркнул С. Лавров¹.

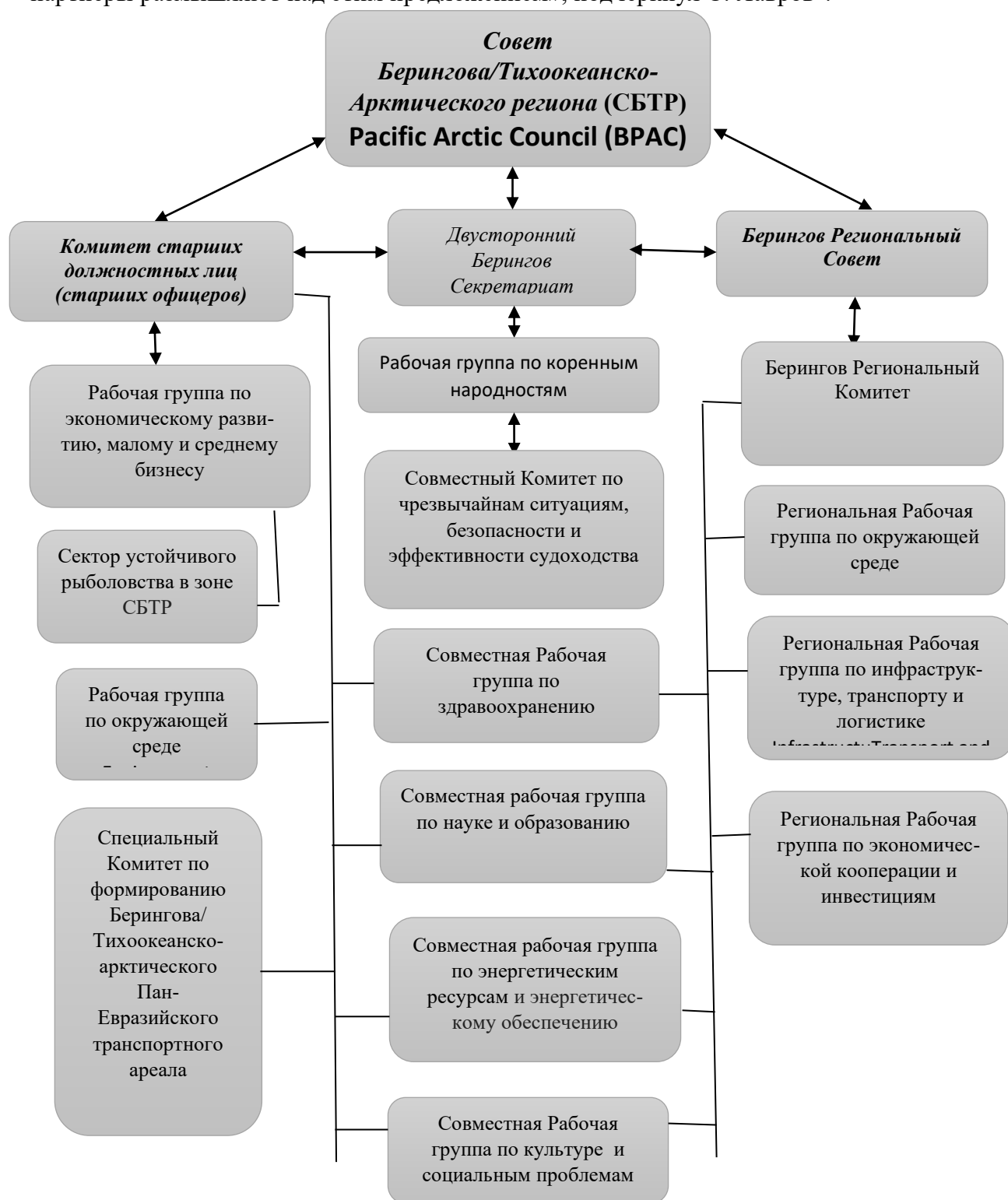

Рисунок 2. Структура Совета Берингова/Тихоокеанско-арктического региона (СБТР)

¹Лавров: Россия готова разрабатывать новые форматы диалога с США. URL: <https://tass.ru/politika/11650987> (дата обращения: 20.11.2021).

Арктические проблемы также нашли весьма позитивное обсуждение и во время встречи в Женеве 16 июня 2021 г. Президентов РФ и США В. Путина и Д. Байдена. Президент России на пресс-конференции после окончания саммита подчеркнул: «Россия и Соединенные Штаты являются одними из 8 членов Арктического совета, Россия председательствует в этом году в Арктическом совете. И больше того, между Аляской и Чукоткой еще, как известно, проходит известный пролив. С одной стороны США, с другой стороны — Россия. Все это вместе должно подталкивать нас к объединению усилий»¹.

Могут быть выделены *три типа территорий*, с которыми будет необходимо иметь дело при решении вопроса о целесообразности создания СБТР: (1) Территории (субъекты РФ, штаты), являющиеся *непосредственным объектом деятельности СБТР*. Это с российской стороны – Чукотка и Камчатка, с американской стороны – штат Аляска, а также их исключительные (эксклюзивные) экономические акваториальные зоны; (2) Территории, которые можно назвать «*комплиментарными*», *дополняющими и поддерживающими* российско-американское партнерство в Тихоокеанском секторе Арктики. Это со стороны России: *Республика Саха (Якутия)* [3], а также южные районы Дальнего Востока – *Сахалинская область, Хабаровский и Приморский края*, и со стороны США: *штаты Северо-Западного побережья Северной Америки – штаты Вашингтон и Орегон, частично – штат Калифорния*; (3) Территории стран-наблюдателей – Канада, страны Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) и других, которые имеют свои интересы в зоне Берингова пролива, в использовании СМП и в решении других вопросов стабильных российско-американских отношений в Тихоокеанской Арктике, от которых зависит реализация их интересов.

Предложения по созданию СБТР рассматривались на двух крупных международных симпозиумах по проблемам Арктики, на которых они в принципе получили одобрение, а именно: (1) 24-е заседание Российско-американского тихоокеанского партнерства (РАТОП), прошедшего в конце июня 2019 г. в г. Хабаровске, на котором была создана Инициативная рабочая группа по проработке данного вопроса, (2) IX международный Форум «Арктика: настоящее и будущее» Ассоциации полярников (АСПОЛ), который состоялся 5-7 декабря 2019 года в г. Санкт-Петербург. Вопросам создания СБТР была посвящена отдельная сессия Форума «Перспективы российско-американского сотрудничества в Беринговом регионе».

В нынешних условиях обострения российско-американских отношений предложения по реализации этой инициативы весьма затруднительны, хотя в период Председательства России в Арктическом совете в 2021-2023 гг. имеются некоторые возможности сделать реальные позитивные шаги в этом направлении.

Литература

1. Вороненко А.Л., Краснопольский Б.Х., Фуз П. Совет Берингова/Северо-Арктического тихоокеанского региона: Инициативная рабочая группа // Пространственная экономика. 2019. №3. С. 186-190.
2. Краснопольский Б.Х. Трансграничный Берингов / Тихоокеанско-Арктический регион: региональные особенности азиатской политики России на «стыке» евразийского и североамериканского континентов / Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России: материалы международной научной конференции (Хабаровск, 4–5 декабря 2019 г.) / под ред. П.А. Минакира. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН. 2020. С. 208-214.

¹Путин рассказал об обсуждении с Байденом темы Арктики. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20210616/833950874.html (дата обращения: 20.11.2021).

3. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., Леонов С.Н. Исследования по проблемам развития Дальневосточной Арктики: экономические аспекты // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 4. С. 6-19.
4. Alaska and the New Maritime Arctic. A Report to the State of Alaska Department of Commerce, Community and Economic Development. School of Natural Resources and Extension. University of Alaska Fairbanks. Fairbanks, Alaska, 2015. URL: <https://www.commerce.alaska.gov/> (дата обращения: 10.09.2021).
5. Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., & Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // Ocean Development & International Law. 2016. 47/2. Pp. 186-217.
6. Krasnopolski B.H. Pacific Arctic: The System-Forming Role of Infrastructure in the Sustainable Development of the Region // In the book: Smart Technologies and Innovations. Springer Nature Switzerland. 2020. Vol. 138. P. 40-48.
7. Understanding the Arctic as a System (IARC Review, November 2019). International Arctic Research Center – IARC, University of Alaska, Fairbanks. URL: https://uaf-iarc.org/wp-content/uploads/2019/11/2019-annual-report_IARC.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ: СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ

Курило Анна Евгеньевна

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия
akurilo@mail.ru*

Аннотация. В современной экономике благосостояние населения во многом определяется уровнем развития рынка труда, на котором население имеет возможность реализовать свои профессиональные навыки. Отсутствие такой возможности оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие любого региона. Основной целью региональной политики на рынке труда является содействие повышению занятости и доходов экономически активного населения, проживающего на территории. В данной работе на открытых статистических данных показаны долгосрочные тенденции развития рынка труда Республики Карелия. При проведении исследований использованы методы статистического и компаративного анализа. На основе построения экономико-статистических моделей выявлены взаимосвязи макроэкономических показателей, отражающих состояние безработицы и объемов производства в регионе. На основе анализа тенденций развития регионального рынка труда показаны основные направления региональной политики в сфере занятости и повышения экономической активности населения региона.

Ключевые слов: рынок труда, уровень безработицы, экономический рост, Республика Карелия.

LABOR MARKET TRANSFORMATION IN THE REPUBLIC OF KARELIA: STATISTICAL INDICATORS

Kurilo, Anna

*IE KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia
akurilo@mail.ru*

Abstract. In modern economy, the well-being of the population is largely determined by the level of development of labor market, in which the population has the opportunity to realize their professional skills. The lack of such an opportunity has a negative impact on the socio-economic development of any region. The main goal of the regional policy on the labor market is to promote the increase in employment and incomes of the economically active population living in the territory. In this work, on open statistical data, long-term trends in the development of the labor market in the Republic of Karelia are shown. During the research, the methods of statistical and comparative analysis were used. Based on the construction of economic and statistical models, the interrelationships of macroeconomic indicators reflecting the state of unemployment and production volumes in the region have been revealed. Based on the analysis of trends in the development of the regional labor market, the main directions of regional policy in the field of employment and an increase in the economic activity of the population of the region are shown.

Key words: labor market, unemployment rate, economic growth, Republic of Karelia.

В современной рыночной экономике рынок труда является важным макроэкономическим индикатором и во многом определяет благосостояние населения,

которое реализует на нем свои профессиональные возможности. Наличие или отсутствие данной возможности оказывает влияние на социально-экономическое развитие региона.

Республика Карелия является приграничным регионом с низкой плотностью населения - 3,37 чел/кв.км, что ниже в 2,5 раза аналогичного показателя по Российской Федерации. Формирование рынка труда в республике, как и в целом в стране, началось в последнем десятилетии XX века. Анализ показателей уровня безработицы позволяет выявить тенденции трансформации регионального рынка труда. В работе использованы открытые статистические данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики в статистических сборниках «Регионы России».¹ В статистических справочниках представлены показатели уровня безработицы по данным выборочных обследований рабочей силы и уровня зарегистрированной безработицы. Данные показатели приводятся в статсборниках с 1993 года, что дает возможность построения динамических рядов показателей.

Уровень зарегистрированной безработицы является достаточно инертным статистическим показателем вследствие специфики ключевых институтов рынка труда. Хотя в сложившейся ситуации с пандемией COVID-19 в стране был упрощен доступ к получению пособия по безработице, что положительно повлияло на рост данного показателя, но он еще не отражен в официальных статистических изданиях, а публикуется в отчетах органов власти. На рисунке 1 показана динамика трансформации данного показателя по отношению к 1993 году. В целом по России он сократился до 81,8% по отношению к 1993 г. По Карелии произошло увеличение показателя до 117,6%.

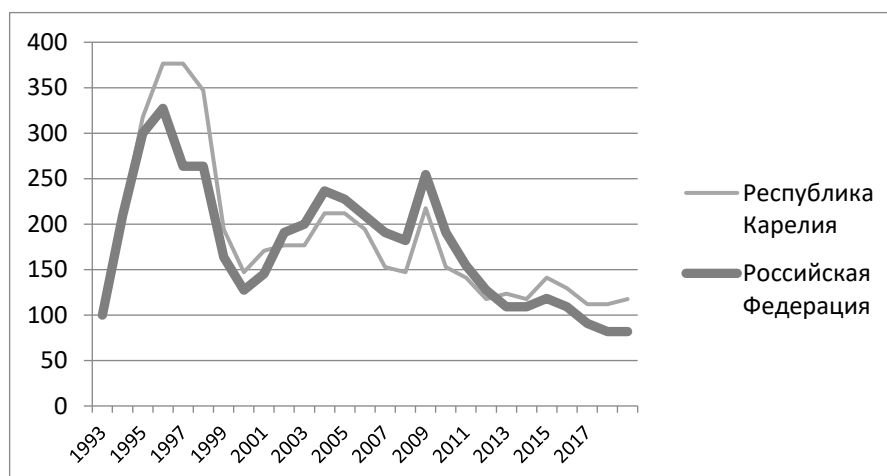

Рисунок 1. Уровень зарегистрированной безработицы за 1993-2019 гг., % к 1993 г.

Уровень безработицы по данным выборочных обследований ведет себя более подвижно, что позволяет выявить тенденции развития рынка труда (рис.2). До 1998 года этот показатель в стране и республике увеличивался, а затем мы наблюдаем снижение. В 2012 г. происходит повышение уровня безработицы в регионе и далее к 2019 г. опять наблюдается снижение показателя. По России не наблюдается скачка данного показателя в 2012 году.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. М. 2002-2020.: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

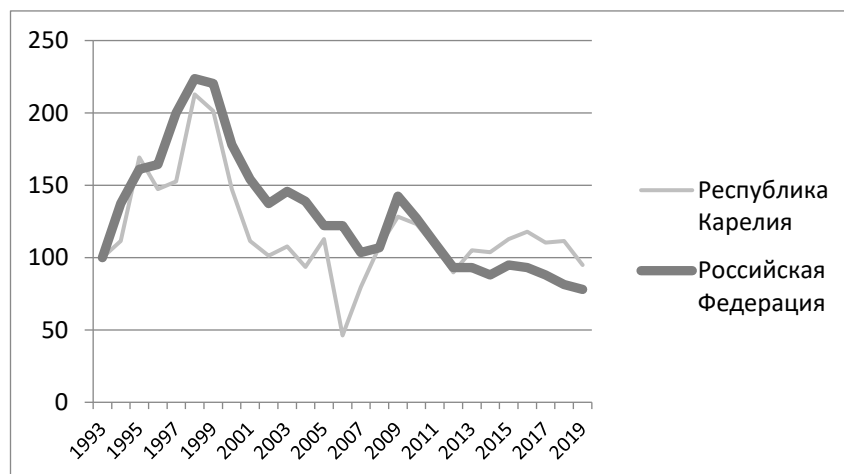

Рисунок 2. Уровень безработицы по данным выборочных обследований рабочей силы 1993-2019 гг., % к 1993 г.

Для анализа взаимосвязи макроэкономических показателей, отражающих состояние безработицы (реакция рынка труда) и объемов производства использованы индекс физического объема ВВП (ВРП) и изменение уровня безработицы по данным выборочных обследований рабочей силы по отношению к предыдущему году за период 2002-2017 (рис.3). На макроэкономическом уровне прослеживается заметная связь влияния изменения уровня безработицы на ВВП за период 2002-2017 гг. ($R^2 = 0,51$). На региональном уровне данная связь является неустойчивой ($R^2 = 0,01$), хотя к концу интервала проявляется с большей силой.

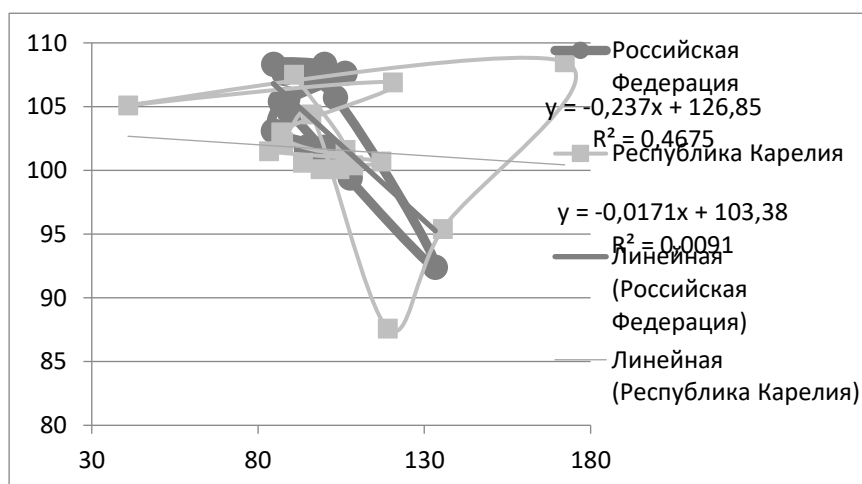

Рисунок 3. Зависимость индекса физического объема ВВП (ВРП) от изменения уровня безработицы (МОТ) в Российской Федерации и Республике Карелия за 2002-2017гг.

Таким образом, в результате анализа показателей, отражающих трансформацию рынка труда, выявлены неоднозначные тенденции влияния безработицы на объемы выпуска продукции. Наблюдается слабая реакция ВРП на изменение агрегированных показателей безработицы на региональном уровне. Но можно говорить об усилении рыночных тенденций в экономической системе России во втором десятилетии XXI века [3].

Показатели, отражающие уровень безработицы в регионе, в течение нескольких лет остаются одними из самых высоких среди субъектов Северо-Западного федерального округа. В 2019 году в Карелии уровень зарегистрированной безработицы составлял 2,0%, в среднем по округу этот показатель составляет 0,8%. Уровень безработицы по данным выборочных обследований рабочей силы – 7,4% (выше только в Ненецком автономном округе – 7,9%) (СЗФО – 3,6%).¹

В 2020 году на рынке труда в регионе возникла сложная ситуация, вызванная пандемией COVID-19. Кризис, порожденный неэкономическими причинами, обострил противоречия рынка труда. Предприятия сокращали объемы производства не вследствие его неэффективности, а по причине принадлежности к видам деятельности, попадающим под ограничения локдауна. Кроме того, снижение институциональных барьеров доступа к получению пособия по безработице и увеличение его размера привели к резкому росту зарегистрированной безработицы. По данным Управления труда и занятости Республики Карелия на 01.08.2020 уровень официально зафиксированной безработицы достиг 5,8%, а например, в Пудожском муниципальном районе он составил 10,3%, Калевальском – 9,9%.²

В условиях современного пандемического вызова наблюдается резкое увеличение дистанционной занятости. Возникновение новых форм занятости имеет двойственный характер: способствуя повышению экономической активности, снижает устойчивость положения работника, что негативно отражается на качестве трудовой жизни. На общественном уровне проявляется через нарушение функционирования рынка труда, увеличивая неопределенность в отношении его конъюнктуры и росте безработицы, углублении социального неравенства и замедлении социально-экономического развития [7]. К тому же следует учитывать, что жесткая государственная политика поддержания занятости способствует повышению маргинализации общества в связи с падением уровня и качества жизни населения [1].

В современных условиях наблюдается трансформация российского и регионального рынка труда, которая сопровождается появлением новых гибридных форматов работы и занятости населения. Расширение спектра использования ИТ-технологий является значимым фактором экономического развития. Их широкое использование имеет важное значение для увеличения корпоративной производительности, занятости и привлечения населения к новому технологическому укладу [5].

Формы удаленной работы постепенно развивались по мере развития информационных технологий. В условиях санитарных ограничений, вызванных пандемией, произошла серьезная трансформация социально-экономической системы и дистанционная занятость получила «взрывное» распространение. В условиях санитарных ограничений дистанционные формы работы позволили частично сохранить некоторые сферы занятости и выступили как фактор адаптации работодателей и работников к кризису. Получили развитие новые направления онлайн сервисов.

При проведении государственной политики, направленной на снижение безработицы, необходимо учитывать множество социально-экономических факторов. На сегодняшний день институциональные ограничения на рынке труда во многом тормозят его глобальную трансформацию, поскольку в России процедура увольнения

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. М. 2002-2020.: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

² Основные показатели рынка труда Республики Карелия / Интерактивный портал Управления и занятости республики Карелия URL: <https://mintrud.karelia.ru/opendata/1001330677-stat/> (дата обращения: 01.10.2021.2020).

работников является достаточно сложной и велики издержки ее реализации [4]. Кроме того, сложившиеся в России институты труда обеспечивают доминирование ценовой адаптации к изменению рынка, в том числе за счет сокращения официальной заработной платы [6], что сопровождается реаллокацией трудовых ресурсов из формального в неформальный сектор [2]. В данном контексте необходимо реализовывать мероприятия по расширению таргетированных учебных программ для безработных и желающих сменить вид деятельности или место работы, что будет способствовать более эффективной реаллокации трудовых ресурсов.

Для сокращения диспропорций на молодежном рынке труда в профессиональных образовательных учреждениях следует внедрять модели дуального обучения, что предполагает ситуацию, когда теоретические занятия проходят в учреждении образования, а практические – на производстве, на рабочих местах, и это не только производственная практика, а более широкий круг занятий. Но это требует расширения коммуникации органов власти и образовательных учреждений с работодателями.

В муниципальных районах следует более активно работать над подготовкой инвестиционных паспортов и инвестиционных площадок, выявлять предпринимательские инициативы населения и стремиться удовлетворять запросы населения на создание собственного бизнеса. Такая работа по сбору и обработке данных может проводиться, например, через сайты служб занятости. В регионах необходимо расширить государственную помощь для создания новых рабочих мест и возобновления и расширения программ поддержки самозанятых.

Таким образом, выявлено усиление дивергенции агрегированных макроэкономических показателей безработицы - зарегистрированной и определяемой по данным выборочных обследований рабочей силы до 2020 года. Сложившаяся тенденция отражает искажение формальной институциональной среды рынка труда и обусловлена финансовыми и юридическими ограничениями, накладываемыми органами власти. В таких условиях актуализируется необходимость совершенствования региональной политики в направлении создания высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИЭ КарНЦ РАН, тема НИР «Выявление синергетических закономерностей региональных социо-эколого-экономических систем и моделирование динамических процессов устойчивого развития в многокомпонентных системах различной природы».

Литература

1. Бартлин Е.А. Об экономическом механизме реализации государственной политики занятости в России // Уровень жизни населения регионов России. 2018. №2 (208). С. 78–85. URL: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10017>
2. Воронина С.В. Влияние реаллокации занятых в неформальном секторе экономики на эффективность труда в регионах РФ // Российское предпринимательство. 2016. Том 17. № 3. С. 315-328. URL: <https://doi.org/10.18334/rp.17.3.34921>
3. Дубовских К.И., Смирнова А.А. Анализ взаимосвязи безработицы и ВВП в РФ // Приложение математики в экономических и технических исследованиях. 2014. № 1 (4). С. 78-82.
4. Занятость без работы: как пандемия повлияла на рынок труда. / Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. Новости. URL: <https://www.hse.ru/news/science/450192314.html> (дата обращения: 01.10.2021).
5. Курило А.Е., Шкиперова Г.Т. Перспективы развития новых видов занятости в Республике Карелия // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: Материалы Пятого Международного форума. Москва: ИПР РАН. 2016. С. 349-356.

6. Тирацун В.Х., Трофимова Л.А., Ли Е.А. Российский рынок труда: тенденции развития, системы мотивации, управления подбором персонала // Humanitarian and Socio Economic Sciences Journal. 2019. № 1(12). С. 46-49. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.2539535>

7. Popov A.V., Solov'eva T.S. Analyzing and classifying the implications of employment precarization: individual, organizational and social levels // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. V. 12. No. 6. Pp. 182–196. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.10>

АРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ОБОСНОВАНИЯ СУХОПУТНОЙ ГРАНИЦЫ

Логинов Владимир Григорьевич

Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

log-wg@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности обоснования сухопутной границы Арктики, отмечена сложность выделения арктических территорий при отсутствии разработанного методического инструментария, предложен подход для обоснования отнесения потенциальных районов к Арктике, имеющих на это формальные основания.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, Крайний Север, регион, муниципальное образование, административные границы, обоснование.

ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: FEATURES OF JUSTIFICATION OF THE LAND BORDER

Loginov, Vladimir

Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia

log-wg@rambler.ru

Abstract. The paper considered the features of substantiating the land border of the Arctic, noted the difficulty of identifying the Arctic territories in the absence of developed methodological tools, and proposed an approach to substantiate the assignment of potential areas to the Arctic, which have formal grounds for this.

Keywords. Arctic zone of the Russian Federation, Far North, region, municipality, administrative boundaries, justification.

Перечень арктических территорий впервые в истории нашего государства был определен решением Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 г.». Решение Государственной комиссии исходило, главным образом, из международного принципа выделения Арктики, когда к арктическим относят государства исходя из ее секторального деления, т.е. имеющие непосредственный выход своих границ в Северный Ледовитый океан. Исходя из этого принципа, в искомый перечень вошли Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Долгано-Ненецкий (Таймырский, с 2007 г. муниципальный район) и Чукотский автономные округа; три района Мурманской области (Ловозерский, Печенгский, Терский) и г. Полярный; пять районов Якутии.

Как самостоятельный объект государственной политики Арктика появляется в 2008 г. с утверждением Президентом РФ документа «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В этом документе не только Арктическая зона Российской Федерации определена как особый объект политики, но и впервые обозначена необходимость комплексного социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Как объект управления Арктика фигурирует с 2014 г., когда Указом Президента РФ были обозначены ее сухопутные территории. В соответствии с этим документом АЗРФ трактуется уже в несколько расширенном составе: «Под Арктической зоной Российской Федерации понимается часть Арктики, в которую входят полностью (регионы) территории, Мурманской области, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов и частично (субрегионы) республик Коми и Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области. В 2017 г. добавился Карельский субрегион.

Территория АЗРФ формируется за счет регионов и муниципальных образований, относящихся к районам Крайнего Севера. Однако имеются исключения: так, с одной стороны, в Архангельской области ГО Архангельск и Новодвинск, Онежский и Приморский МР, являющиеся местностями, относящимися к Крайнему Северу, вошли в состав АЗРФ, а, с другой стороны, районы Крайнего Севера – Лешуконский и Пинежский МР не сразу туда попали. Существует большой разрыв по географической широте в проведении южной границы Арктики, например, до недавнего времени у соседей – Красноярского края и Республики Саха (Якутия) граница по широте различалась на 800 км. В первом субрегионе, опускаясь ниже 61° с. ш., во втором – севернее Полярного круга. В данном случае это связано с существующей конфигурацией границ муниципальных районов, учитывающих при определении границ, в частности большой протяженностью с севера на юг Туруханского МР (площадь 209 тыс. км²) Красноярского края (расстояние между крайними точками 814 км, 60° 51", 68° 24").

Таким образом, при определении этих территорий приходится учитывать сложившееся административное границы субъектов Федерации, а в рамках субъектов РФ, частично относящихся к Северу (субрегионов), – границы муниципальных районов – самой низкой административной единице, обладающей статистической информацией, которую можно использовать для анализа социально-экономической ситуации и разработки прогноза развития производительных сил этих территорий.

Выделение арктических территорий требует научного обоснования их границ. Однако как свидетельствует практика к любому научному обоснованию границ и установлению перечня административных образований Севера и Арктики всегда найдутся претензии как со стороны других научных исследователей, выражающих иную точку зрения, так и, особенно, региональных политиков, которые стараются всегда лоббировать интересы в отношении своих территорий. Как в нашей стране, так и за рубежом существует практика иногда довольно произвольного включения территорий в состав Севера или Арктики. Первичной причиной стремления региональных властей к расширению арктических районов являются преференции для хозяйственной деятельности в их пределах, получаемых из федерального бюджета.

Уязвимостью определения границы в отдельных регионах и субрегионах Арктики является ее слишком южное положение по отношению к установившимся канонам. Проблема научного обоснования границ Арктической зоны трудно осуществима и в социально-экономическом плане в связи с отсутствием четко выраженных природно-климатических рубежей, позволяющих адекватно обосновать южную границу. Вследствие этого вопрос о количестве административных образований, относящихся к Арктической зоне РФ и ее сухопутной границе, остается прерогативой высших органов власти (закона РФ, указов Президента РФ и др.), находящих компромиссное, иногда не вполне последовательное решение с учетом пожеланий регионов, сложившимися административным делением субъекта Федерации и особенностями конфигурации муниципальных районов. Такая проблема отсутствует в регионах, полностью относящихся к Арктике, где территория

Арктической зоны совпадает с границей субъекта Федерации. В субрегионах же они подвержены изменениям, связанными с предъявленными претензиями региональных властей к выделению сухопутных границ в рамках своих территорий. Вследствие чего было вполне ожидаемо внесение корректив в состав Арктики, что и происходит в последние годы по политическим мотивам. С момента подписания документов, определивших состав АЗРФ, субъекты Федерации неоднократно ставили вопрос о необходимости их уточнения и дополнения.

Так, в 2017 г. в состав Арктической зоны Российской Федерации были включены территории трех муниципальных районов Карелии: Беломорского, Лоухского и Кемского, дополнительно к этому власти республики добились включения в АЗРФ еще трех муниципальных образований (Калевальского и Сегежского МР и городского округа (ГО) Костомукша). Приняты предложения Республики Саха (Якутия) о расширении территории арктической зоны региона. Помимо 5 включенных, в ее состав вошли еще восемь арктических улусов и районов. (2019 г.), что вполне справедливо. Рабочая группа комитета Госдумы РФ по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока поддержала включение городских образований Усинска и Инты, и Усть-Цилемского района Республики Коми в Арктическую зону страны. Приняты предложения правительства Красноярского края о включении части Эвенкии в состав Арктической зоны страны.

К АЗРФ, как правило, отнесены территории Крайнего Севера, исключение – Карелия (Сегежский муниципальный район) и Архангельская область, где городские округа Архангельск и Новодвинск, а также муниципальные районы Онежский и Приморский, являются лишь местностями, приравненными к Крайнему Северу. С другой стороны, в нее не вошли по географическому принципу южнее расположенные районы Крайнего Севера республик Коми и Саха (Якутия), Камчатского края, Магаданской области и некоторых других территорий.

Так как единых критериев установления южной границы Арктики нет, то региональные власти субъектов РФ, частично включенных в АЗРФ (республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Красноярский край, Архангельская область), пытаются обосновать свои предложения о дополнительном включении муниципальных образований в состав Арктики. В связи с этим в последние годы (2017-2020) произошли подвижки в сторону увеличения арктической территории. Данный процесс напоминает первую половину 1990-х годов, когда произошло значительное увеличение северной зоны РФ за счет прилегающих южнее расположенных районов. В последние годы процесс расширения АЗРФ идет за счет соседних вне арктических районов.

В целом, исходя из изменений Арктической зоны в республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области, площадь и население зоны Севера и Арктики выглядит следующим образом (табл.1).

В результате принятия в последние годы нормативных актов площадь Арктической зоны увеличилась до 5,4 млн кв. км (на 0,7 млн кв. км), а численность населения – на 185,6 тыс. чел. (на 1 января 2021 г.), за счет южнее прилегающих территорий, при этом Арктика составила около половины площади российского Севера.

Процесс расширения АЗРФ, по-видимому, не закончен. Так, еще один субъект РФ (Магаданская область) подготовил обоснование для включения его состав АЗРФ исходя из сходных экстремальных природно-климатических условий и историчности прежнего статуса, когда Чукотский автономный округ являлся его северной частью. При удовлетворении этой просьбы южная граница Арктики опустится южнее широты 60°.

Таблица 1

Эволюция сухопутных границ АЗРФ

Административные единицы	Площадь, тыс. км ²	Численность населения на 1.01.2021, тыс. чел.
Мурманская обл. (3 МР и г. Полярный), Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО; Красноярский край (Долгано-Ненецкий МР); 5 прибрежных МР Саха (Якутия)	3200,0	803,1
Мурманская обл. (полностью); включен Туруханский МР и ГО Норильск Красноярского края; ГО Воркута Республики Коми; территории МО "Город Архангельск", "Мезенский МР", "Новая Земля", "Город Новодвинск", "Онежский МР", "Приморский МР", "Северодвинск" (Архангельская область).	3711,8	2338,8
Вошли 3 МР (Беломорский, Кемский и Лоухский) Республики Карелия	4726,7	2420,2
Включены 8 МР Республики Саха (Якутия)		
Новые территории, включенные в АЗРФ		
1 МР (Усть-Цилемский) и 2 ГО (Инта и Усинск) Республики Коми	103,2	80,2
2 МР (Калевальский и Сегежский) и 1 ГО (г. Костомукша) Республики Карелия	24,0	71,5
2 МР (Лешуконский и Пинежский) Архангельской обл.	60,2	26,3
10 сельских поселений Эвенкийского МР Красноярского края	504,0	7,6
Итого	691,4	185,6
Всего АЗРФ	5418,1	2605,8

Рассчитано по статданным Росстата.

Имеются формальные основания также для включения в АЗРФ и других субъектов Федерации. В качестве примера можно привести Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, два северных муниципальных района (МР) которого – Березовский и Белоярский вполне этому соответствуют. Для обоснования включения этих МР был использован метод аналогий – сравнения их характеристик с включенными уже в АЗРФ муниципальными образованиями других субъектов Федерации, в частности, Республики Карелия, Красноярского края и Архангельской области. Данные МР по своему статусу (районы Крайнего Севера), географическому положению (63,0° северной широты), природно-климатическим условиям (даже более суровым, чем в муниципальных районах Республики Карелия (Калевальский и Сегежский) и Архангельской области (Онежский и Приморский)) и другим характеристикам вполне соответствуют условиям отнесения их к арктическим территориям (табл.2).

Современные Березовский и Белоярский МР были созданы при разделении Березовского района на два (1988 г.). Освоение газовых ресурсов Ямало-Ненецкого автономного округа и строительства магистральных газопроводов Северные (арктические) районы Тюменской области - Центр и Западная Европа сделали их транзитными территориями по передаче природного газа в этом направлении. Границы Березовского района были подвержены изменениям также еще в более ранний период – в 1968 г., когда его южная часть была передана вновь образованному Советскому району ХМАО-Югры. Если бы они были проведены севернее, оставив мало заселенные богатые лесными ресурсами территории, прилегающие к Свердловской области и Республике Коми, в составе Советского района, то сложилась бы более благоприятная

конфигурация южной границы Березовского МР, дав дополнительные аргументы для отнесения его к АЗРФ, т.к. была бы создана буферная зона, отделявшая его от Свердловской области, не относящейся к районам Севера. Хотя, с другой стороны, конфигурация Туруханского МР Красноярского края, где южная граница опустилась ниже 61,0° не помешала получить ему статуса арктической территории. Для более высокой аргументации обоснования включения в состав АЗРФ вполне допустимым является по примеру Эвенкии не относить к Арктике его южную часть, сельское поселение Хулимсунт.

Таблица 2

Сравнительные характеристики МР, отнесенных к Арктической зоне и имеющих формальные основания для их включения в АЗРФ

Субъект РФ/МР	Статус	Широта местности	Средняя температура		Площадь, тыс. км ²	Плотность населения, чел./км ²
			января	июля		
<i>Р-ка Карелия</i>						
Калевальский МР	+	65,0°	-12,4	+15,4	13,3	0,49
Сегежский МР	-	63,7°	-12,1	+16,5	10,6	3,29
<i>Архангельская обл.</i>						
Онежский МР	-	63,7°	-10,5	+16,4	23,7	1,22
Приморский МР		65,0°	-15,0	+15,0	21,3	1,14
<i>ХМАО-Югра</i>						
Березовский	+	63,0°	-21,1	+16,5	81,1	0,69
Белоярский	+	63,7°	-22,0	+16,5	41,7	0,25

+ район Крайнего Севера

- местности, приравненные к районам Крайнего Севера.

Имеются определенные отличия этой территории от южнее расположенных муниципальных районов ХМАО-Югры. Во-первых, по уровню заселенности и плотности населения (в 8 раз ниже средней по региону). Площадь обеих МР составляет около четверти территории ХМАО-Югры при доле проживающего здесь населения 3% (табл.3).

Таблица 3

Потенциальный Арктический субрегион ХМАО-Югры

МР	Площадь, тыс. км ²	Население, чел. на 1.01.2021	В т.ч. городское, чел.	Уд. вес городского, %	Средняя плотность, чел./км ²
1 Березовский	88,10/16,5%	22286/1,3%	14093/0,9%	63,2	0,25
2. Белоярский	41,65/7,8%	28741/1,7%	19797/1,3%	69,0	0,69
Итого	129,75/24,3%	51027/3,0%	33890/2,2	66,4	0,39
ХМАО-Югра	534,7/100%	1687654/100	1563020/100	92,6	3,2

Во-вторых, значительной долей коренных народов Севера – коми-зырян и малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни. Удельный вес их составляет более трети населения (в Березовском МР более 45%).

В-третьих, наличие комплекса традиционных отраслей: оленеводства, рыболовства, охотничьего промысла, сбора дикоросов, развития национальных ремесел. Это единственная территория развития товарного оленеводства в Югре, что характерно для арктических территорий страны.

В-четвертых, пространственной связанностью (отсутствие круглогодичных путей железнодорожного и автотранспорта). Транспортные связи круглогодично осуществляются только авиасообщением, в теплый период – по воде, в холодный – по зимникам.

В-пятых, природно-климатическими условиями, схожими с прилегающими территориями Ямало-Ненецкого автономного округа (Шурышкарский и Надымский МР).

Заключение

Таким образом, при отсутствии научных методик по обоснованию арктических территорий страны отнесение новых районов к Арктической зоне может осуществляться на основании сравнения административных единиц, имеющих аналогичные с включенными в состав АЗРФ и потенциальными районами. На практике это реализуется на основе принятия в этом отношении политического решения, как это было сделано в последние годы (2017-2020). Иначе у органов региональной власти субъекта Федерации возникает вполне законная претензия по поводу отнесения одних территорий, имеющих аналогичные характеристики, к АЗРФ, а другие, имеющие такие же на это основания, не получили этот статус.

Благодарности

Статья подготовлена на основе исследований, финансируемых в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021–2023 гг.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОНЛАЙН-БИЗНЕСА С СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Лукьянова Наталия Юрьевна

*Институт экономики, управления и туризма,
БФУ им. Им.Канта, Калининград, Россия
post@kantiana.ru*

Ткаченко Даниил Андреевич

*Институт экономики, управления и туризма,
БФУ им. Им.Канта, Калининград, Россия
post@kantiana.ru*

Шаркова Александра Александровна

*Институт экономики, управления и туризма,
БФУ им. Им.Канта, Калининград, Россия
post@kantiana.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности создания и развития онлайн-бизнеса с социальной направленностью в Калининградской области. Представлены результаты исследования состояния рынка коллекционных фигурок Funko и перспективы выхода на этот рынок, проанализированы особенности стейкхолдеров, конкурентов, а также барьеры входа на рынок. Полевое маркетинговое исследование позволило изучить потенциального потребителя, спрос на национальном рынке и в Калининградской области, в частности. В статье представлена разработанная авторами бизнес-модель будущего онлайн-магазина, описана социальная направленность бизнес-проекта.

Ключевые слова: онлайн торговля, социальная направленность, рынок Калининградской области, маркетинговое исследование, бизнес-модель.

FEATURES OF CREATING AND DEVELOPING AN ONLINE BUSINESS WITH A SOCIAL FOCUS IN THE KALININGRAD REGION

Lukyanova, Natalia

*Institute of Economics, Management and Tourism,
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
post@kantiana.ru*

Tkachenko, Daniil

*Institute of Economics, Management and Tourism,
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
post@kantiana.ru*

Sharkova, Alexandra

*Institute of Economics, Management and Tourism,
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
post@kantiana.ru*

Abstract. The article discusses the features of creating and developing an online business with a social focus in the Kaliningrad region. It presents the results of a study of the state of the Funko collectible

figurines market and the prospects for entering this market, analyzes the characteristics of stakeholders, competitors, as well as barriers to entering the market. Field marketing research made it possible to study a potential consumer, demand in the national market and in the Kaliningrad region, in particular. The article presents the business model of the future online store developed by the authors, describes the social orientation of the business project.

Keywords: online trade, social orientation, the market of the Kaliningrad region, marketing research, business model.

В настоящее время одним из трендов цифровой экономики является ведение и расширение бизнеса в онлайн среде. Для повышения своей конкурентоспособности многие компании осваивают как офлайн сферу, так и интернет-пространство. Зачастую компании создают и развивают свои бизнес-процессы только в интернет-среде. Этому поспособствовала как популярность цифровизации, так и пандемия Covid-19, которая ускорила цифровую трансформацию бизнес-процессов. Проведенное авторами исследование позволило оценить целесообразность ведения онлайн торговли на одном из узких, но достаточно перспективных рыночных сегментов по продаже коллекционных фигурок Funko. В рамках проведенного исследования изучалась возможность реализации бизнес-модели функционирования онлайн-магазина по реализации коллекционных фигурок «FunkoPOP». Актуальность проведенного исследования подтверждается растущим интересом со стороны платежеспособной части населения страны и Калининградской области, в частности, а также их склонности к участию в благотворительных акциях.

Американский бренд Funko с 1998 года создает виниловые фигурки по образам известных героев мультфильмов, игр, аниме и комиксов, известных личностей, футболистов, актеров и т.д. Они отличаются небольшими размерами, прочностью и детализированным видом. Так как каждая фигурка создаётся именно после выхода популярной игры или фильма, а сами персонажи представляют собой любимых героев всеми известных развлекательных проектов, в большинстве своем, то не сложно проследить тенденцию к популяризации «FunkoPOP». Так, исследуя динамику запросов «funko» и «фанко» в Google за последние пять лет, видно, что с каждым годом на территории России интерес к данному продукту растёт (рисунок 1).

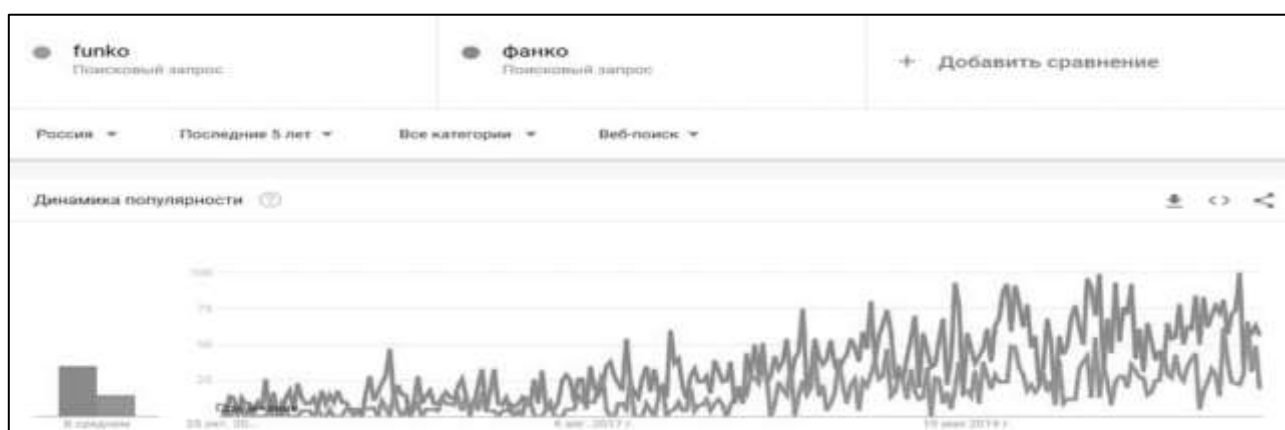

Рисунок 1. Анализ запросов Google за последние 5 лет в России

Исследуя запросы Яндекса по той же категории в Калининградской области за два года, также наблюдается повышение интереса к «FunkoPOP» среди жителей региона (рисунок 2).

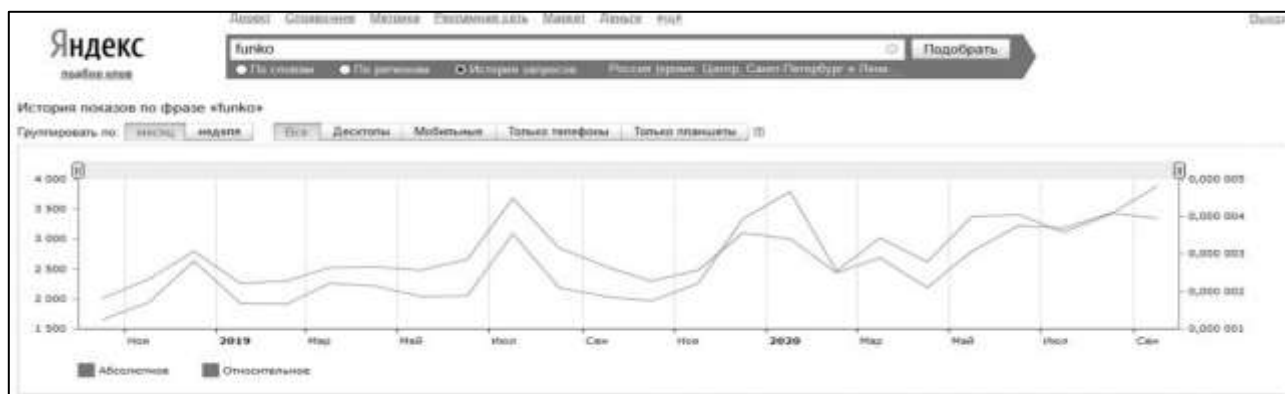

Рисунок 2. Анализ запросов Яндекса в Калининградской области за два года

Проведенное исследование конкурентов показало, что на рынке Калининградской области на сегодняшний день представлен один конкурент, реализующий продукцию «FunkoPOP», в лице магазина «Пирамида», который имеет два офлайн-магазина на территории города Калининграда. Что касается национального рынка, то в основном конкуренты реализуют свою продукцию через веб-сайты и социальные сети, в большинстве случаев - «ВКонтакте». Instagram, TikTok, Telegram, Авито и подобные сервисы практически не используются, а если и представлены, то совершенно не развиты у конкурентов.

Проведенный конкурентный анализ показал, что барьеры входа на рынок розничной торговли коллекционными фигурками «FunkoPOP» практически отсутствуют. При этом в отличие от конкурентов разрабатываемый авторами бизнес-проект предполагает социальную направленность, которая заключается в проведении благотворительных акций в процессе функционирования онлайн-магазина. На регулярной основе планируется разработка специальных стикеров для отдельных выборочных серий фигурок «FunkoPOP», которые будут символизировать перечисление конкретной суммы с покупки в благотворительные фонды.

Проведенное полевое маркетинговое исследование потенциального потребителя и спроса на коллекционные фигурки «FunkoPOP», в котором в качестве объекта выступил потенциальный покупатель фигурок (житель России и активный пользователь социальных сетей «ВКонтакте» и «Instagram»), а предметом исследования стал процесс принятия решения о покупке коллекционных фигурок «FunkoPOP», позволило выявить основные мотивы приобретения коллекционных экземпляров и факторы его определяющие. Данные для анализа собирались с помощью анкетирования в социальной сети «ВКонтакте», анкета включала в себя семнадцать вопросов. Всего в опросе приняло участие более ста респондентов. В ходе анализа данных были получены следующие основные результаты: социально-демографический портрет клиента, мотивы покупки, значимые критерии при выборе фигурки и магазина, осведомленность о фигурках «FunkoPOP» и наличие спроса.

Исследование показало, что наиболее склонны к покупкам мужчины 18-30 лет со среднемесячным доходом от 20 до 40 тысяч рублей в месяц на одного члена семьи. 78% опрошенных респондентов знают, что из себя представляют фигурки «FunkoPOP». Это свидетельствует о перспективах развития бренда Funko в России и об увеличении заинтересованности в продукции этой компании. В результате проведенного полевого маркетингового исследования был определен основной мотив покупки – это выход нового фильма, видеоигры или же пополнение собственной коллекции. Также среди респондентов были выявлены и те, кто заинтересовался фигурками, увидев их у друзей.

Следовательно, для продвижения на рынке целесообразно будет использовать отзывы, например, с фотографиями фигурок, от клиентов (рисунок 3).

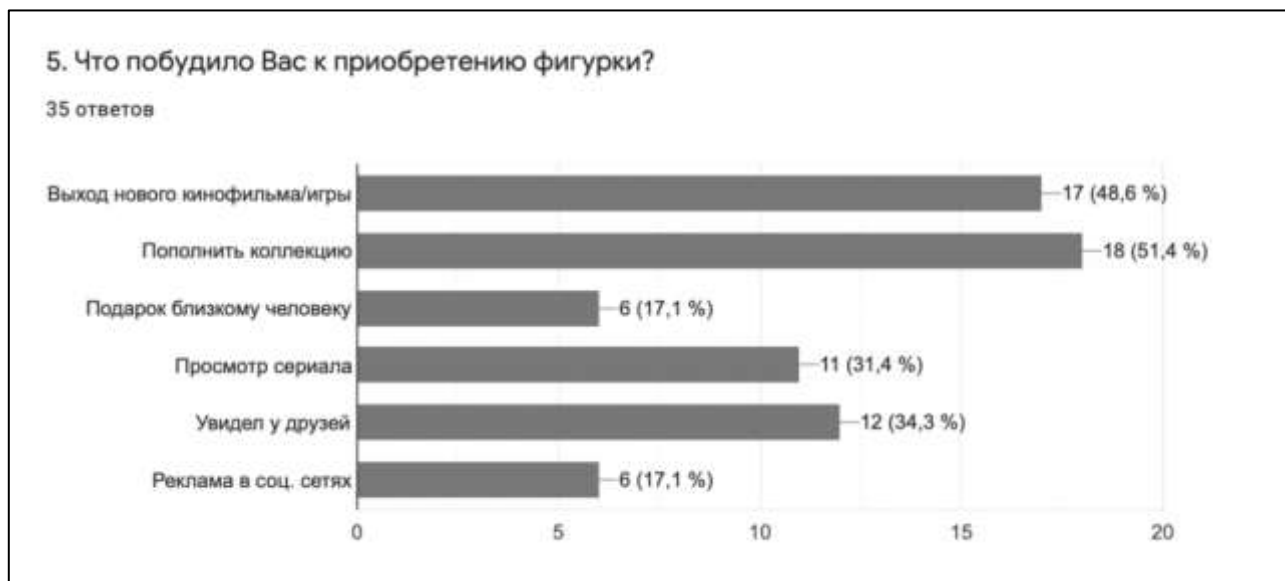

Рисунок 3. Мотивы покупки

Исследование показало, что наибольшей популярностью среди опрошенных пользуются серийные фигурки. Также опрос выявил, что часть респондентов заинтересована в приобретении и приобретают эксклюзивные фигурки (с различными стикерами: Gamestop, Target, GlowintheDark, Amazon, FunkoShop и др.). Было установлено, что данная товарная категория на рынке России имеет ограниченное предложение. Поскольку при выборе фигурки основную роль играет ценовой фактор и наличие различных скидок на товар, то при формировании предложения онлайн-магазина будет сделан упор не только на ассортимент (63% опрошенных обращают внимание на дизайн фигурки), но и на проработку политики ценообразования.

В настоящее время потенциальные потребители проявляют гибкость в выборе более удобного способа приобретения интересующих товаров и услуг. С учетом проведенного исследования был сделан вывод, что онлайн-покупки более удобны для потенциальных потребителей. Таким образом, выбор формата нашего магазина, как онлайн-магазин, с этой точки зрения себя оправдывает (рисунок 4).

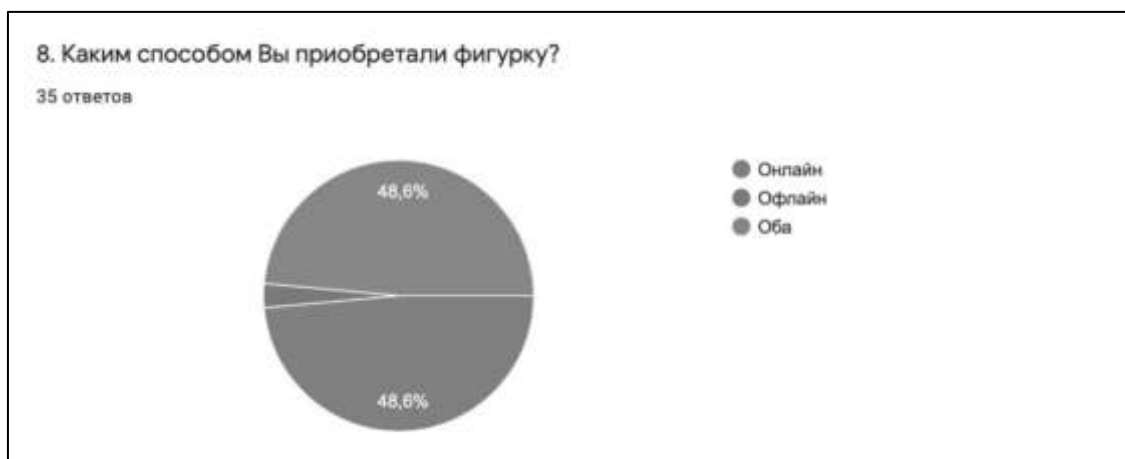

Рисунок 4. Способ приобретения фигурок«FunkoPOP»

Результатом проведенного исследования стала также разработанная авторами бизнес-модель по шаблону Остервальдера и Пенье, основанная на идее реализации эксклюзивных фигурок «FunkoPOP» с помощью социальных сетей, мобильного приложения, сайта, а также присутствия на различных торговых площадках и маркетплейсах (рисунок 5). В ходе исследования было установлено, что исходная бизнес-модель предусматривает максимальную отдачу на обслуживание потребителей, за счёт чего уровень соответствия их требованиям составит около 93%. Авторы планируют сами выступать в качестве сотрудников онлайн-магазина, что придаст ускорение развитию бизнеса и максимизирует уровень мотивации и производительность труда.

Рисунок 5. Бизнес-модель по шаблону Остервальдера и Пенье

Дальнейшая стратегия развития проекта онлайн магазина включает в себя продвижение и реализацию фигурок через различные социальные сети и маркетплейсы: Яндекс Маркет, Ozon, Instagram, TikTok и др. Социальная направленность онлайн-магазина будет развиваться в направлении сотрудничества с различными благотворительными фондами и отчисления с каждой проданной фигурки в рамках эксклюзивных «благотворительных» серий фигурок. Это также поспособствует повышению интереса к благотворительности среди молодёжи.

Литература

1. Джеффри М. Маркетинг, основанный на данных. / Пер. с англ. Миронов П. -Изд. Манн,Иванов и Фербер, 2013. -384 с.
2. Канеман Д. Думай медленно...решай быстро/ Пер. с англ. Андреев А., Деглина Ю., Парфенова Н. -М.: Изд. АСТ, 2014. -656 с.
3. Кингснорт С. Стратегия цифрового маркетинга. Интегрированный подход к онлайн маркетингу/ Пер. Огнев. А. -М.: Изд. Олимп-Бизнес, 2019. -416 с.

ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ ЕВРОПЫ И НОВОГО СВЕТА: ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В НАЧАЛЕ XXI В.

Махновский Дмитрий Евгеньевич

*Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов,
Санкт-Петербург, Россия
dmahnovskiy-62@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию современного состояния, пространственной структуры трансграничных взаимодействий приграничных регионов государств Европы и Америки. Делаются выводы о весьма высокой степени неоднородности уровней экономического развития такого рода регионов.

Ключевые слова: граница, приграничный регион, Европа, Новый Свет, уровень экономического развития.

BORDER REGIONS OF EUROPE AND THE NEW WORLD: TRENDS IN SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Makhnovsky, Dmitry

*St.Petersburg State University of Economics and Finance, St.Petersburg, Russia
dmahnovskiy-62@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the current state, spatial structure of cross-border interactions of the border regions of the states of Europe and America. Conclusions are drawn about a very high degree of heterogeneity in the levels of economic development of such regions.

Key words: border, border region, Europe, New World, level of economic development.

Многообразие функций, выполняемых границами, определяется с одной стороны их собственными свойствами как составной части государства, с другой - возможностями и потребностями взаимодействующих приграничных регионов и местных сообществ. В процессе создания исследовательской типологии регионов подобного рода необходимо учитывать: 1) динамику изменения функций границы (от барьерных к контактными/интеграционным и/или в противоположном направлении); 2) политико-географическую историю региона; 3) изменения официального статуса границы; 4) морфологические особенности пространства приграничья. В большинстве исследований на данную тему приоритет отдаётся рассмотрению функциональной специфики самой границы [1, 2]. Предлагаемая нами типология приграничных регионов представлена в таблицах 1, 2.

В работе проведён анализ распространённости основных функциональных разновидностей границ в зависимости от принадлежности к определённому типу приграничного региона. В Европе и Америке выявлены существенно различающиеся «картины» межрегионального взаимодействия. Относительно короткий по европейским меркам период колониального и постколониального развития стран Нового Света не предрасполагал к распространению разнообразных исторически дифференцированных форм межгосударственного взаимодействия. Отношения в основном формировались по «лекалам» Нового и Новейшего времени. Европа,

напротив, представляла наиболее широкий спектр видов, форм межгосударственного, межрегионального взаимодействия.

В таблице 1 обобщена информация по степени выраженности основных функций государственных границ по различным типам приграничных регионов Европы. Суммарное количество положительных проявлений («плюсов») в целом достигает 69. Наибольшее их количество приходится на фильтрующие и контактные функции, что отражает нацеленность континентальных европейских держав и представляющих их приграничных регионов развивать взаимовыгодные отношения сотрудничества, прежде всего в экономической сфере, поддерживать интеграционные процессы.

Таблица 1

Развитие основных функций границ для различных типов приграничных регионов Европы

Тип приграничного региона	Основные функции границ		
	Барьерные	Фильтрующие	Контактные
Реликтовые регионы			
- древние	+	++	+++
- новой и новейшей истории	+	++	+++
Отчуждённые			
- старые	+	+++	++
- новые	+	++	++
- ситуативные	+	++	+
Взаимодействующие			
- локально взаимодействующие	+	++	+++
- с государственной поддержкой	+	++	+++
- взаимозависимые	+	+	+++
Интеграционные			
- преимущественно в экономической сфере	+	+++	+++
- всесторонне интегрированные	-	+	+++
- постинтеграционные	+	+	+++
Дезинтеграционные			
- обратимые	+	++	+
- необратимые	++	++	+

Современное состояние Евросоюза допускает нарастание постинтеграционных процессов, которые могут идти как в направлении дальнейшего углубления, унификации связей, централизации управления, так и с усилением центробежных тенденций развития. Результаты последних проявляются в кризисе Сообщества в целом (Брексит), росте региональной обособленности и сепаратизма на национальном уровне (Великобритания, Испания, Бельгия, Италия), формировании узла противоречий в субрегиональном масштабе (Балканский полуостров). Пока, эти тенденции не превратились в доминирующие, но они вызывают появление на разных уровнях особого типа «дезинтеграционных» приграничных регионов и постоянно «подпитывают» барьерные функции границ.

Таблица 2 содержит аналитическую информацию по основным функциям государственных границ различных типов приграничных регионов Америки. Общее количество положительных проявлений («плюсов») основных функций здесь заметно меньше, чем в европейском Старом Свете - 37. Полноценное развитие приграничных регионов имеет относительно недолгую историю. Некоторые приграничные регионы

Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики, Перу, Канады, США начали формироваться в колониальную эпоху. Однако после обретения государствами Нового Света независимости подверглись глубоким политическим, экономическим преобразованиям, изменили свой статус, территориальные параметры, функции своих границ.

Таблица 2

Развитие основных функций границ для различных типов приграничных регионов Америки

Тип приграничного региона	Основные функции границ		
	Барьерные	Фильтрующие	Контактные
Реликтовые регионы			
- древние	-	-	-
- новой и новейшей истории	+	++	++
Отчуждённые			
- старые	+	++	+
- новые	++	++	+
- ситуативные	-	-	-
Взаимодействующие			
- локально взаимодействующие	+	++	++
- с государственной поддержкой	+	++	++
- взаимозависимые	-	++	+
Интеграционные			
- преимущественно в экономической сфере	+	+++	++
- всесторонне интегрированные	-	-	-
- постинтеграционные	-	-	-
Дезинтеграционные			
- обратимые	+	++	+
- необратимые	-	-	-

Несмотря на большое количество интеграционных проектов Америка пока не может претендовать на лидерство с позиций глубины их проработки и степени реализации. Наличие в составе государств региона «свехдержавы» с явной нацеленностью на укрепление своего доминирования во многом затрудняет интеграционные процессы, вызывает настороженность и противодействие. Сказывается также слишком большой разрыв в уровнях социально-экономического развития между странами Англо-Америки и прочими участниками американского сообщества наций. Для Нового Света в целом характерно преобладание регионов, нацеленных на экономическое взаимодействие. Соответственно наиболее распространёнными типами границ являются фильтрующие. Они чаще других представлены в приграничных регионах «взаимодействующего» и «интеграционного» (экономической фазы) типов.

Особенности, глубина приграничного сотрудничества в конечном счёте отражаются на обобщающих характеристиках развития приграничных регионов: численности и демографических параметрах населения, производстве и структуре валового внутреннего продукта (ВВП), разнообразных производных удельных показателях в расчёте на душу населения.

В качестве объектов более детального изучения выбраны приграничные регионы Европы и Нового Света уровней TL-2 (ОЭСР) и NUTS-2 (ЕС). В роли «приграничных регионов» рассматривались также небольшие государства, по своим параметрам сопоставимые с внутригосударственными регионами уровней TL-2, NUTS-2. В качестве основного аналитического показателя выбран уровень душевого производства

ВВП. Исследовались градиенты изменения данного индикатора при переходе через государственную границу взаимодействующих регионов. Определялись минимальные и максимальные, а также среднеарифметические значения межрегиональных различий по состоянию на 2019 г. Регион, от уровня которого производится отсчёт различий, указан в таблицах 3, 4 первым.

Таблица 3

Различия в относительных уровнях душевого ВВП (ППС) приграничных регионов Европы

Линия приграничного региона	Различия в уровнях душевого ВВП (ППС), 2019 г., раз				
	Минимальные	Регионы	Максимальные	Регионы	Средние
По «внешнему» периметру госграниц Европы	0,36	Р.Ингушетия (РФ)- Грузия	1,35	Краснодарский кр. (РФ)- Грузия	0,73
Между регионами стран Западной, Северной и Южной Европы и регионами Центральной Европы	0,51	Франш-Контэ (Фр.)- Швейцария	2,43	Люксембург- Саар (Герм.)	1,00
Между регионами стран Центральной Европы и Центрально-Восточной Европы	0,99	Саксония (Герм.)- Чехия	1,73	Австрия- Словакия	1,42
Между регионами стран Центрально-Восточной Европы и Восточной Европы	1,03	Варминьско-Мазурский рег. (Пол.)- Калининградская обл.	2,96	Эстония- Псковская обл. (РФ)	1,76
Между регионами Евросоюза-28 и европейскими регионами «внешнего мира»	0,51	Франш-Контэ (Фр.)- Швейцария	2,96	Эстония- Псковская обл. (РФ)	1,47
Между регионами ЕАЭС и регионами «внешнего мира»	0,36	Р.Ингушетия (РФ)- Грузия	2,23	Белгородская обл. (РФ)- Украина	1,18

Рассчитано по: [3, 4, 5]

В качестве «внешнего» контура сухопутных госграниц Европы условно приняты границы Болгарии и Греции с Европейской Турцией; Казахстана, Грузии и Азербайджана с Россией. Для обеспечения лучшей наглядности и сопоставимости исследуемого показателя «линия анализа» приграничных регионов последовательно перемещалась (по строкам в таблицах) в Старом Свете с запада на восток, в Новом - с севера на юг.

Различия в относительных уровнях душевого ВВП (ППС) приграничных регионов Европы (таблица 3) могут достигать значительных величин как внутри европейского контура, так и по отношению к «внешнему миру». Отмечается постепенное нарастание средних показателей различий по мере продвижения «линии анализа» с запада на восток. Если в зоне соприкосновения между регионами стран Западной, Северной и Южной Европы и регионами Центральной Европы (земли Германии, Швейцария, Австрия) средние значения различий практически не ощутимы (1,00), то на восточном фланге между регионами стран Центрально-Восточной Европы и Восточной Европы они достигают существенной величины (1,76), что означает явное

расхождение в уровнях социально-экономического развития, наличие трудностей в налаживании трансграничного взаимодействия, формирование линии скорее отчуждения, чем сотрудничества. Приграничные регионы, расположенные вдоль линии разграничения между «старыми» (Центральная Европа) и «новыми» (с 2004 г.) государствами Евросоюза (Центрально-Восточная Европа), также показывают довольно высокий уровень различий - 1,42 раза. «Внешний контур» приграничных регионов Евросоюза в среднем превосходит своих соседей в 1,47 раза.

В Новом Свете уровень дифференциации приграничных регионов по рассматриваемому индикатору немного выше, чем в Европе (таблица 4). Имеют место расхождения по линии взаимодействия интенсивно взаимодействующих регионов США и Канады: в среднем наблюдается превосходство штатов южного соседа в 1,3 раза.

Таблица 4

Различия в относительных уровнях душевого ВВП (ППС) приграничных регионов Америки

Линия приграничного региона	Различия в уровнях душевого ВВП (ППС), 2019 г., раз				
	Минимальные	Регионы	Максимальные	Регионы	Средние
Между регионами США и Канады	0,72	Монтана (США)-Альберта (Кан.)	2,00	Нью-Йорк (США)-Квебек (Кан.)	1,30
Между регионами США и Мексики	1,77	Техас (США)-Нуэво-Леон (Мекс.)	3,37	Калифорния (США)-Сев. Ниж. Калифорния (Мекс.)	2,46
Между регионами НАФТА (USMCA) и странами (регионами) Латинской Америки	0,81	Чьяпас (Мекс.)-Гватемала	7,50	Кампече (Мекс.)-Гватемала	3,54
Между странами (регионами) МЕРКОСУР и Латинской Америки	0,44	Амапа (Браз.)-Фр.Гвиана	2,02	Мату-Гросу (Браз.)-Боливия	1,19
Между регионами Бразилии и прочими странами МЕРКОСУР	0,78	Парана (Браз.)-Аргентина	1,36	Мату-Гросу-ду-Сул (Браз.)-Парагвай	0,99

Рассчитано по: [3, 4, 5]

Далее к югу градиент падения заметно увеличивается. На границе США с Мексикой он достигает среднего значения 2,46, что в целом чрезмерно для регионов стран давно находящихся в интеграционной фазе взаимоотношений. По «внешнему контуру» НАФТА (USMCA) различия углубляются ещё больше до 3,54.

Напротив, Южная Америка демонстрирует значительно меньшую дифференциацию соседних приграничных регионов. Социально-экономический «ландшафт» здесь более однороден. Различия проявляются менее заметно, чем в Евросоюзе. Хотя интенсивность трансграничного взаимодействия здесь значительно ниже. На общем фоне выделяется группировка МЕРКОСУР, но превосходство её регионов над смежными - 1,19 не столь значительно. Внутри данной организации

различия ещё меньше. В целом подобная «расстановка сил» располагает к развитию равноправного взаимовыгодного сотрудничества соседних стран и регионов.

Литература

1. Ангапова О.Б. Классификация приграничных регионов российской федерации / Вестник Бурятского государственного университета. 2014 - №2. - С.76-80.
2. Осмоловская Л.Г. Функции границы как фактор развития приграничных регионов и формирования трансграничных регионов / Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. 2016. Сер.: Естественные и медицинские науки. - № 1. - С. 45-54.
3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) - [Электронный ресурс] - URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/regional_statistics/ (дата обращения: 3.09.2021).
4. Eurostat. Data base. Eurostat: Data base - [Электронный ресурс] - URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database> (дата обращения: 18.09.2021).
5. DataBankWorld Development Indicators - [Электронный ресурс] - URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 12.09.2021).

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Морошкина Марина Валерьевна

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия
maribel74@mail.ru*

Аннотация. Развитие приграничных регионов, характеризуется неоднородностью и определяется различными причинами, что сказывается на уровне их развития. Исследование дифференциации приграничных регионов позволит оценить влияние географического положения на экономическое развитие и сформулировать направления экономической политики.

Ключевые слов: приграничные регионы, пространственная неоднородность, ВРП на душу населения, коэффициент вариации, конвергенция.

SPATIAL HETEROGENEITY OF BORDER REGIONS

Moroshkina, Marina

*IE KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia
maribel74@mail.ru*

Abstract. The development of border regions is characterized by heterogeneity and is determined by various reasons, which affects the level of their development. The study of the differentiation of border regions will allow us to assess the impact of geographical location on economic development and formulate economic policy directions.

Keywords: border regions, spatial heterogeneity, GRP per capita, coefficient of variation, convergence.

Введение. Приграничное положение регионов определяется рядом экономических преимуществ: близостью к государственной границе, наличием возможностей для экономического развития. Территории, прилегающие к государственной границе, обладают конкурентным преимуществом, в сравнении с другими российскими территориями. Однако большинством исследователей отмечается, что приграничные регионы не являются лидерами экономического роста среди российских территорий. Функция границы может иметь не только контактную функцию, обеспечивающую процесс экономического взаимодействия территорий. Выделяется барьерная функция, которая сокращает возможности экономического роста, препятствуя развитию территорий [1].

Исследование регионального развития происходит в рамках оценки индикаторов, характеризующих производственную деятельность на территории, динамику изменения занятости и безработицы и уровень инвестиционной активности и другие направления финансовой и хозяйственной деятельности регионов.

Обзор литературы. Показатели экономического развития рассматриваемых государств заметно различается. Национальная экономика Финляндии характеризуется высокими показателями благосостояния населения и других экономических и

социальных показателей экономического роста. В стране имеется незначительное количество полезных ископаемых. Однако, активно функционируют крупные сталелитейные производства Outokumpu и FNsteel.

Граничное положение Российской Федерации и Финляндии, имеет свои особенности, которые наблюдаются в рассматриваемых национальных экономиках и их приграничных территориях. Внешнеэкономическое взаимодействие приграничных регионов определяется действием различных производственных комплексов (производство одежды, продуктов питания, электронной и бытовой техники), направленных на российского производителя и потребителя [2]. Для приграничных регионов РФ граница позволяет формировать производственные сектора, функционирующие непосредственно с финскими потребителями.

Понятие положение территории оказывает влияние на большинство показателей экономического роста динамику регионального развития российских регионов. В приграничных регионах экономические процессы хозяйственной деятельности связывают территории и определяют характер производственного, хозяйственного и социального направления деятельности [3, с. 48; 4]. Важной составляющей экономического развития приграничных регионов имеет активность процессы взаимодействия и сотрудничества другими экономическими системами. [5, с. 78; 6] и др.

Для Российской Федерации к приграничным регионам макроуровня со стороны Финляндии могут быть отнесены Мурманская область, Республика Карелия [8]. Дальнейшее распределение территориальных образований по уровням приграничья имеет меньшие территориальные размеры, к которым могут быть отнесены административные районы, имеющие общую границу с [7]. В результате для каждого уровня приграничья формируются возможности экономического развития и взаимодействия с приграничными регионами соседнего государства.

Приграничные регионы являются удаленными от экономических и хозяйственных центров страны, большинство приграничных регионов оказываются труднодоступными для других регионов государства. [9]. Приграничное расположение позволяет активизировать международные отношения между странами мирового сообщества, поэтому потенциалы развития приграничных регионов могут сильно варьироваться в зависимости от государственной и внешнеэкономической политики [10].

Результаты. Национальные экономики России и Финляндии, несмотря на географически близкое расположение значительно отличаются. Страны и приграничные регионы в течении длительного периода государства активно сотрудничают и развивают внешнеэкономические связи. Различия стран России и Финляндии проявляются в различных направлениях, это уровень развития экономики, политические и хозяйственные различия и т.д.

Рассматривая экономики стран мирового сообщества, основное различие в экономических системах может проявляться при оценке показателя паритет покупательной способности (от англ. "Purchasing Power Parity", "ППС"). Показатель определяется соотношением уровней цен на товары и услуги в различных государствах мирового сообщества, которые являются равными или пропорциональными обменному курсу. Исследование динамики ППС в странах России и Финляндии выявили неодинаковые тенденции поведения данного показателя: в России стоимость одного и того же количества товаров и услуг существенно дороже, чем в Финляндии.

Сравнительный анализ ППС России и Финляндии показал значительный разрыв между государствами, который был оценен при помощи коэффициента дифференциации.

$$K_{diff} = \frac{PPP_{Rus}}{PPP_{Finl}} \quad (1)$$

Рассчитанный коэффициент дифференциации показывает различные темпы разрыва между уровнем ППС России и Финляндии (таблица1).

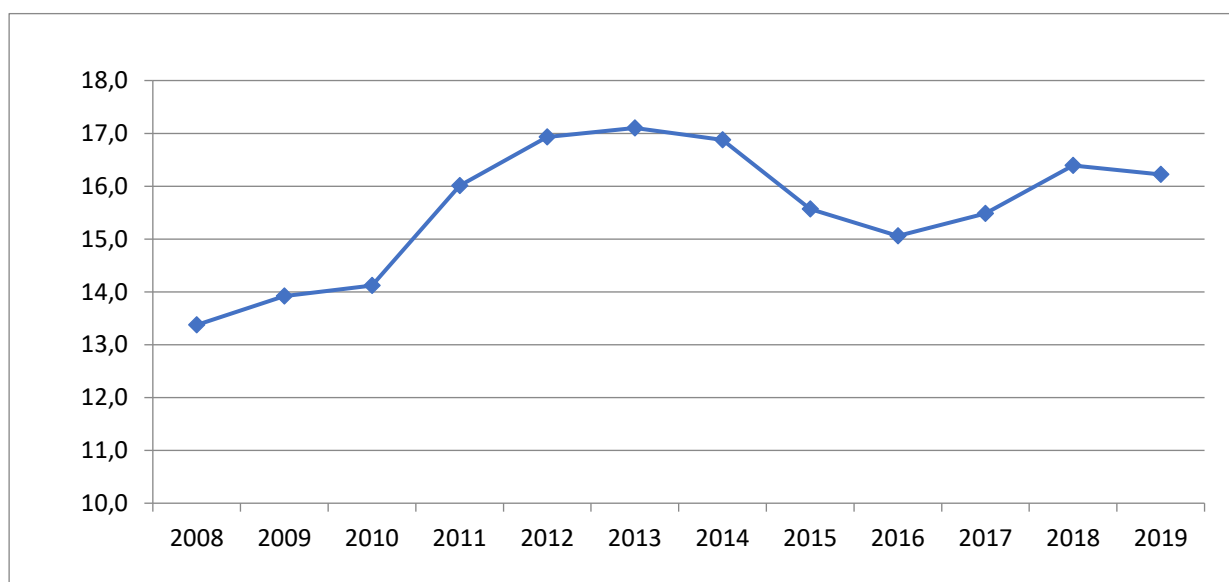
Таблица 1

Сравнительный анализ ВВП России и Финляндии по паритету покупательной способности (в текущих ценах), млрд. долл. США

единицы	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019
Финляндия	215,2 2	207,2 7	218,0 5	222,8 5	234,9 8	256,8 9	264,72
Россия	2878,2	2927,0	3692,4	3760,7	3538,6	4211,5	4294,0
К- коэффициент дифференциации	13,4	14,1	16,9	16,9	15,1	16,4	16,2

**Источник: составлено автором*

**данные представлены интервалом 2 года*

**источник: составлено автором.*

Рисунок 1. Коэффициент дифференциации России и Финляндии по паритету покупательной способности (в текущих ценах), млрд. долл. США

Стоит отметить, что ППС Финляндии имеет стабильный незначительный рост, для которого не характерно скачкообразное поведение. В Российской Федерации показатель реагирует на периоды экономической нестабильности в 2008 г., 2014 г., что отражается в изменении поведения коэффициента дифференциации.

В результате рассмотрения показателя безработицы в разрезе рассматриваемых государств наблюдается устойчивая тенденция поведения коэффициента дифференциации.

Полученная оценка динамики коэффициента дифференциации определила увеличение разрыва между исследуемыми странами до 2015 г. Начиная с 2016 года, исследуемые национальные экономики начинают сближаться по данному показателю. Проведенный анализ уровня безработицы выявил более высокий уровень безработицы в Финляндии, однако в последнее время наблюдается тенденция к его сокращению.

В разрезе приграничных регионов России и Финляндии ситуация по уровню безработицы может рассматриваться в контексте временного интервала.

Таблица 2

Сравнительный анализ поведения показателя уровень безработицы России и Финляндии

единицы	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Финляндия	7,8	7,7	8,2	8,7	9,4	8,8	8,6	7,4	6,7
Российская Федерация	6,5	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5	5,2	4,8	4,6
коэффициент дифференциации	1,2	1,4	1,5	1,7	1,7	1,6	1,7	1,5	1,5

**Источник: составлено автором*

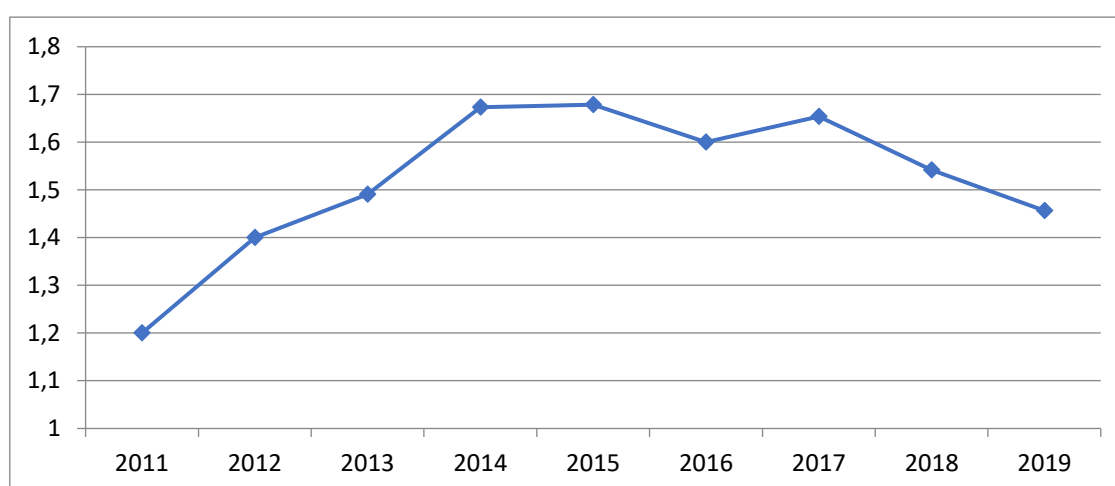

Рисунок 2. Динамика изменения коэффициента дифференциации показателя уровень безработицы России и Финляндии

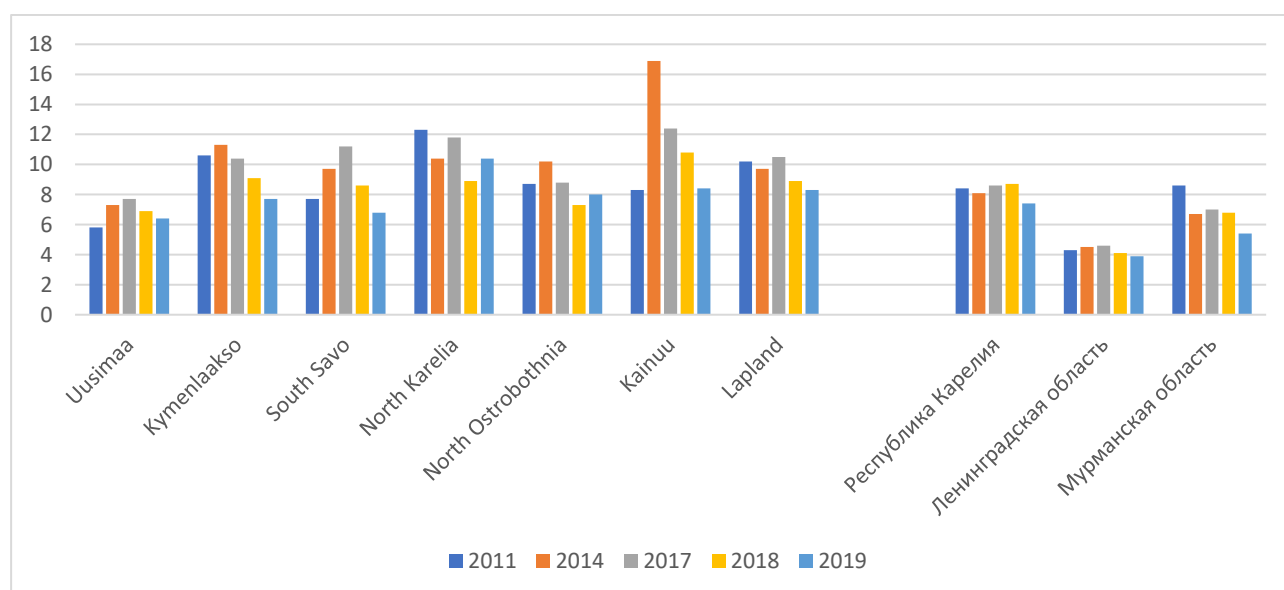

Рисунок 3. Уровень безработицы приграничных регионов России и Финляндии, 2010-2019 гг.

Полученные результаты оценки уровня безработицы в период с 2011-2019 гг. в приграничных регионах России и Финляндии выявили неодинаковые тренды по данному показателю в различных территориальных образованиях. Неоднородная динамика поведения индекса наблюдается практически во всех приграничных регионах. Периоды высокого уровня безработицы сменяются низкими. Основным фактором, оказывающим влияние на изменение индекса безработицы, признается экономическое развитие. Наиболее высокий уровень безработицы наблюдается в труднодоступных территориях Финляндии и России, производственный потенциал которых незначителен. Благополучная ситуация складывается в крупных городах и мегаполисах, которые являются точками притяжения трудовых ресурсов.

Большинство приграничных финских регионов имеют тенденцию к сокращению уровня безработицы. Самый низкий уровень безработицы наблюдается в Uusima, что объясняется входящим в состав столичного мегаполиса, рынок которого является более насыщенным и имеет более высокий уровень занятости.

Для российских приграничных регионов также характерно тенденция сокращения уровня безработицы, однако темпы сокращения существенно ниже. Наименьший уровень безработицы наблюдается с Ленинградской области, что как и в случае с финскими приграничными регионами связано с близким расположением столичного мегаполиса. Наибольший уровень безработицы и наименьшее снижение в исследуемый период характерно для Республики Карелия.

Вывод. Проведенная оценка пространственной неоднородности приграничных регионов России и Финляндии не выявила существенного значения географического расположения на динамику исследуемых показателей. Влияние приграничного расположения. Влияние пограничья для финских и российских регионов наблюдается в наличии производственных предприятий и промышленного сектора, ориентированного на внешнего потребителя.

Таким образом, рассмотренные показатели экономического развития приграничных регионов России и Финляндии позволили сделать определенные шаги в решении вопросов экономического роста приграничных территории и определении значимых показателей.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук.

Литература

1. О повороте российской экономики на восток. // Проблема теории и практики управления. - 2016. - № 7. - С. 21-29.
2. Уровень жизни в Финляндии по сравнению с Россией URL: <https://reitinvest.top/finlyandiya/uroven-zhizni-v-finlyandii-po-sravneniyu-s-rossiej-v-2018-go> (дата обращения 2019-05-05).
3. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. - М.: Независимый институт социальной политики. - 2010. - 160 с.
4. Кругман П. Пространство: последний рубеж. // Пространственная экономика. - 2005. - №3. - С.121-126.
5. Лещ А. Географическое размещение хозяйства // Издательство иностранной литературы. - 1959. - 455 с.
6. Михеева Н. Н. Дифференциация социально-экономического положения регионов // России и проблемы политики. - М.: РПЭИ. - 1999. - 54 с.
7. Морощкина М.В. Дифференциация российских регионов по уровню экономического развития // Проблемы прогнозирования. - №4(157). - 2016. С.109-115.

8. Попов В.Л. Регионы: кому на Руси жить хорошо? // Экономические исследования в переходный период. - РПЭИ. -1999. июнь. - С.23-29
9. Myrdal G/ Economic Theory and Under-developed Regions. – London. – 1957. – С.1031-1037
10. Pred A.R. The Spatial Dynamics of U.S. Urban-Industrial Growth. - Cambridge: MIT Prees. – 1966. - pp. 1800-1914.

ВЛИЯНИЕ NBIC ТЕХНОЛОГИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ИНТЕГРАЦИЮ

Пахомова А. А.

*ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет»,
Новочеркасск, Россия
tivano@yandex.ru*

Сидорова Е. В.

*ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет»,
Новочеркасск, Россия*

Федорчук В. Е.

*ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет»,
Новочеркасск, Россия*

Нардина А. А.

*ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет»,
Новочеркасск, Россия*

Тишков С. В.

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия*

Шандор Халас

Будапештский университет технологий и экономики, Будапешт, Венгрия

Аннотация. В данной статье сформированы общеэкономические условия, которые представляют потенциальную возможность для экономического роста интеграции, являющиеся предпосылками для разработки новых и более устойчивых подходов к неоиндустриальному развитию РФ, основанному на использовании конвергентных технологий, к созданию инструментов, а также возможность распространения данной модели, как в масштабах России, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: регионы России, экономика регионов РФ, экономическое развитие субъектов РФ, НБИК-технологии, конвергентные технологии, новая индустриализация.

THE IMPACT OF NBIC TECHNOLOGIES ON ECONOMIC INTEGRATION

Pahomova, Antonina

South-Russian state Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Sydorova, Elena

South-Russian state Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Fedorchuk, Vladimir

South-Russian state Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Nardina, Anastasia

South-Russian state Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Tishkov, Sergey

IE KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia

Abstract. In this article, general economic conditions are formed that represent a potential opportunity for economic growth and are prerequisites for the development of new and more sustainable approaches to the non-industrial development of the Russian Federation, based on the use of convergent technologies, to the creation of tools, as well as the possibility of spreading this model, both across Russia. and at the regional level.

Key words: Russian regions, the economy of the regions of the Russian Federation, the economic development of the constituent entities of the Russian Federation, NBIC-technologies, new industrialization.

Введение

Важнейшим элементом структурных изменений в экономике являются технологические сдвиги, вызванные инновационным прогрессом, современный этап которого связан с становлением конвергентных технологий, которые представляют собой взаимодействие и слияние групп нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий, которые также являются основанием нового технологического уклада и определяют функционально-динамические процессы в межрегиональных административно-хозяйственных системах. Процесс интеграции технологий характеризуется одним из главных требований реиндустриализации экономики регионов РФ и играет важную роль в активации инновационных структурных сдвигов, что обуславливает большую необходимость их мониторинга, оценки и анализа.

Ядром нового технологического уклада являются нанoeлектроника, наноматериалы, наносистемная робототехника, нанобиотехнологии. Следовательно, уже в скором времени на основе данных нано-технологий станет возможным сделать прорыв в области медицины, экономики, образования и т.д.

Россия отстает от стран запада, в связи с этим вынуждена закупать новейшие технологии, механизмы, по средствам продажи сырья. Соответственно, одной из первостепенных задач для нашей страны является выход из зависимости от стран запада, и поднятие экономики на новый уровень. Возможность российской экономики ответить на эти глобальные вызовы предопределяет перспективность общенациональной конкурентоспособности, характер становления производительных сил и производственных отношений, уровень благосостояния общества.

Переход на новый (VI) технологический уклад определяет - какие научно-исследовательские направления становятся преобладающими, закладываются как главные направления стратегического развития. В масштабах VI технологического уклада новые отрасли знаний становятся объектом тщательного изучения, формируются и развиваются как «высокие технологии» или NBIC-технологии.

Опираясь на результаты исследований зарубежных ученых, мы можем сделать однозначный вывод о том, конвергентные технологии влияют на экономическую интеграцию, а также рассмотреть направления воздействия NBIC-технологий на экономический рост. Первое направление — это технологические разработки, инновационные товары и услуги информационно-коммуникационные технологии. Они стали универсальным инструментом, ушли от своих узконаправленных возможностей и вносят изменения в механизм создания добавленной стоимости. Второе направление — это внедрение нанотехнологий, молекулярных технологий и генной инженерии, биотехнологий в широком спектре сфер. Является важным направлением, потому как поддерживает развитие страны, что приводит к усилению факторов роста и развитию человеческого капитала, появлению новейших видов экономической деятельности,

повышению уровня и качества жизни населения, ускорению темпов роста производительности труда, стимулированию инновационной деятельности.

Высокотехнологичный кластер, который определяет основу VI технологического уклада, это "локомотив" государственной экономики. В связи с этим, его потребности являются определяющими для стратегического целеполагания, успешного маркетинга иных отраслей. Общегосударственная идеология управления экономическим развитием должна строиться по принципу внедрения межотраслевых или так называемых "технологических платформ", которые будут эффективно развивать сферу высоких технологий.

Неизбежность NBIC-трансформации производства очевидна, однако необходимо понять, какие механизмы позволят выполнить этот переход максимально быстро и безболезненно.

По нашему мнению, в основу новой парадигмы производственных систем, реализующих потенциал NBIC-технологий должна быть положена некоторая общая идея или концепция, находящая свое конкретное выражение, во-первых, в исходных или первоначальных понятиях, во-вторых, в системе основных принципов, законов или достаточно правдоподобных гипотез. Именно эти элементы составляют концептуальное ядро парадигмы, и на их поиски и обоснование должны быть направлены усилия при формировании новой парадигмы.

Формирование инновационной экономики региона должно осуществляться на основе следующих факторов:

- насыщенность региона наукоемкими отраслями экономики, поскольку научно-технический задел создается по большей части в наукоемких отраслях, при производстве продукции которых доля затрат на исследования и разработки в общих издержках или в объеме продаж составляет не менее 3,5–4,5%. Именно эти отрасли являются локомотивными для становления инновационной экономики региона;
- высокий уровень инновационного, финансового, кадрового и производственного потенциала;
- адекватная потребностям региона степень развития инновационной инфраструктуры;
- эффективная региональная инновационная политика, нацеленная не только на развитие всех вышеупомянутых факторов, но прежде всего, на повышение качества жизни населения (в этом плане региональная инновационная политика выступает как часть региональной экономической политики). Отметим, что повышение качества жизни населения в рамках региональной инновационной политики осуществляется не только в плане повышения реальных доходов, социально-экономических и экологических условий жизни, но также и путем раскрытия и реализации творческих возможностей и способностей населения, проживающего на территории региона;
- использование стратегии саморазвития и опоры на внутренние инвестиционные ресурсы в качестве основной, долгосрочной стратегии, обеспечивающей устойчивое развитие инновационной экономики региона, а также стратегии привлечения инвестиций в качестве дополнительной кратко- и среднесрочной стратегии, учитывая эффективность реализуемых в рамках этой стратегии мероприятий. Объективная необходимость перехода к инновационной экономике существует для всех регионов страны как стратегический приоритет.

Для того, чтобы понимать, в каких рамках может быть реализован потенциал NBIC-технологий, необходимо понимать перспективное состояние и сформулировать тенденции мировой экономической системы.

Тенденция 1. Скачок от сырьевой к инновационной идеологии, то есть вхождение в мировую интеграционную цепочку с продукцией высокотехнологичного кластера. Окончание процесса глобализации, интеграции и специализации мирового институционального пространства, его новой формации – интеллектуальной экономики;

Тенденция 2. Приобретение развитыми странами конкурентоспособных преимуществ в социально-экономической сфере, на фоне мирового технологического дисбаланса;

Тенденция 3. Введение инноваций как фактора эффективности на всех уровнях экономики, фокусирование инвестиций в секторе высоких технологий.

Изложенные тенденции дают основание для оптимизма в отношении перспективы интеграции ресурсов общенационального высокотехнологичного кластера как стратегического драйвера преобразования российской экономики, обретения ею конкурентоспособности в условиях мирового интегративного развития.

Преобразованное представление о глобальных тенденциях экономического развития и ключевые показатели стратегического развития обнаруживают актуальный объект исследования – высокие (NBIC) технологии. Именно они являются ядром реализации инновационной парадигмы, определяющим фактором экономического роста.

Исследование влияния региональных инновационных систем в условиях устойчивого развития и интеграции показывает, что большинство отечественных и зарубежных учёных раскрывают условия, этапы, структуру, элементы отдельных инновационных систем, не оценивая их системное влияние и взаимосвязи в отраслях экономики российских регионов.

Для использования параметров моделирования и прогнозирования изменений в экономике регионов используется метод декомпозиции, позволяющий выделить блоки по типу экономического развития. Данный подход позволяет более эффективно устанавливать темпы модернизации и инновационного развития российских регионов с учётом системного характера.

При исследовании инновационных систем различного уровня необходимо выделить свойства, которые присущи инновационному этапу развития:

- активность – предполагает различные изменения в элементах подсистем региона. Основные изменения в элементах региональной инновационной системы связаны с появлением структурных сдвигов: изменения структуры производства и занятости, изменение структуры кадровых потребностей, подготовки кадров, изменение потенциала природных ресурсов;

- согласованность – предполагает интеграцию элементов, координацию и взаимосвязь структурных сдвигов в экономике региона, их упорядоченность в различных подсистемах региона;

- устойчивость (постоянность) – предполагает сохранение основных параметров региональной инновационной системы, при котором достигаются цели развития при любых внешних и внутренних шоках;

- открытость – предполагает возможность обмена с внешней средой инновационной продукцией или услугами, товарами, информацией, финансами. Данное свойство достигается путём позиционирования регионов в рамках инвестиционной привлекательности, переводом и привлечением трудовых ресурсов и технологий в другие регионы.

Таким образом, инновационное развитие должно быть направлено на сохранение направления развития с учётом структурных изменений в региональной инновационной системе в результате диффузии инноваций, повышение и наращивание

показателей социально-экономического развития в целом при одновременном и эффективном использовании инновационных ресурсов региона.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта 20-510-23002 «Развитие системной парадигмы Яноша Корнаи – фундаментальная основа создания производственных и технических систем в условиях NBIC-конвергенции».

Литература

- 1.Абалкин, Л.И. «Размышления о будущем России». - М.: ИЭ РАН, 2017.
- 2.Абалкин, Л.И. Экономическая энциклопедия, М.: Экономика, 2009.
3. Глушак, Н.В. Методологические аспекты модернизации российской экономики. / Инновационные технологии организационного развития и стратегического управления предприятием: Материалы всероссийской заочной научно-практической конференции / Под ред. Л.И. Хоружий, - Брянск: РИОБГУ, 2011 г.
- 4.Управление знаниями в инновационной экономике: учебник / ред. Б. 3. Мильнер. - М.: Экономика, 2009.

References

1. Abalkin, L. I. "Reflections on the future of Russia". - M.: IE RAS, 2017.
2. Abalkin, L. I. Economic Encyclopedia, M.: Economics, 2009.
3. Glushak, N. V. Methodological aspects of the modernization of the Russian economy. / Innovative technologies of organizational development and strategic enterprise management: Materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference / Edited by L. I. Khoruzhiy, - Bryansk: RIOBGU, 2011.
4. Knowledge management in the innovative economy: textbook / ed. B. 3. Milner. - M.: Economics, 2009.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНЕ

Румянцев Алексей Александрович

*Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия
aarum1@yandex.ru*

Аннотация. В докладе рассмотрены две перспективные формы реализации научных исследований: сотрудничество высших учебных заведений с производственными предприятиями и применение научно-производственной программы. Приведены примеры сотрудничества в Санкт-Петербурге и Республике Карелия. Поставлен вопрос об усилении влияния региональных органов управления на развитие инновационной деятельности.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, институт Российской академии наук, производственное предприятие, сотрудничество, целевая научно-производственная программа.

PROMISING FORMS OF IMPLEMENTATION OF SCIENTIFIC RESEARCH IN THE REGION

Rumyantsev, Alexey

*Institute for Regional Economics Studies RAS, Saint-Petersburg, Russia
aarum1@yandex.ru*

Abstract. The report considers two promising forms of scientific research implementation: cooperation of higher educational institutions with industrial enterprises and the application of a scientific and production program. Examples of cooperation in St. Petersburg and the Republic of Karelia are given. The content of the scientific and production program is disclosed. The question of strengthening the influence of regional government bodies on the development of innovative activities is raised.

Keywords: higher educational institution, institute of the Russian Academy of Sciences, production enterprise, cooperation, target research and production program.

Инновационная деятельность по общему правилу признана одним из ресурсов устойчивости экономики региона. Практика свидетельствует, что инновационная деятельность во многом зависит от ее организационных форм.

В регионе основными источниками инноваций являются исследования, проводимые высшими учебными заведениями и институтами Российской академии наук. Поэтому необходимым условием организации усиления инновационной деятельности является выявление перспективных форм реализации достижений науки. Широко распространенной институциональной формой разработки и внедрения научных результатов являются созданные при вузах и институтах РАН малые инновационные предприятия. Так, в Петрозаводском государственном университете функционируют 32 малых инновационных предприятия в областях разработки и внедрения систем автоматизации управления (ООО «ОПТИ-СОФТ»), лесозаготовительной техники (ООО «Лесные технологии») и др. они ориентированы на коммерциализацию интеллектуальной собственности. Успех их деятельности во многом определяется знанием реальных производственных задач, сотрудничества с

предприятиями в их решении на основе научных достижений в соответствующих областях техники и технологии.

При всей значимости малых инновационных предприятий, они не охватывают весь потенциал, проводимых исследований в вузах, которые имеют существенное преимущество в реализации проводимых ими исследований, основанной на совмещении их интересов и предприятий. Учебный процесс органично связан с профильными по специализации предприятиями: студенты разрабатывают курсовые, дипломные проекты, проходят производственную практику на их базе. Преподавательский состав, имея тесные связи с предприятиями, нередко свою научно-исследовательскую деятельность строит с учетом конкретных производственных проблем. Так, в Санкт-Петербурге СПбГЭТУ «ЛЭТИ» для ОАО «ЛОМО» разработал универсальный цифровой диагностический комплекс.

Политехнический университет Петра Великого разработал цифровой двойник двигателя ТВ7-117СТ-01, предназначенного для регионального пассажирского самолета Ил-114-300. Петрозаводский государственный университет разрабатывает совместный проект с ОАО «Петрозаводскмаш» «Ресурсосберегающее производство экологически безопасных транспортно-упаковочных комплексов для хранения и перевозки отработавшего ядерного топлива». Петрозаводский филиал Петербургского университета путей сообщения не только готовит специалистов для транспортной отрасли и в первую очередь для ОАО «РЖД», но и имея партнерские отношения с многими транспортными фирмами, ведет для них большую научно-исследовательскую работу, а студенты могут проходить практику в крупных транспортных компаниях.

В экономической литературе отмечается успешная деятельность российских университетов по внедрению научных знаний [4], а в целом речь идет об университетах, реализующих более эффективный обмен знаниями с промышленностью и ускорение инноваций [5].

Наряду с усилением сотрудничества университетов с предприятиями перспективной формой реализации крупных научных достижений может стать целевая научно-производственная программа, содержащая весь цикл работ: фундаментальные исследования (в случае необходимости), прикладные исследования, опытно-экспериментальные, конструкторско-технологические работы, освоение в производстве, продвижение продукта потребителю, то есть она направлена на организацию длинной технологической цепочки от научного результата до его реализации на рынке с четкой системой ее финансирования: начальных стадий за счет бюджетных средств и федеральных фондов, а конечных этапов – предприятиями, заинтересованных в ее реализации. В этой связи предлагается «расширить структуру целевых научных программ с учетом развития сотрудничества всех участников научного и инновационного процесса: исследовательские организации, промышленные предприятия, высшие учебные заведения, предприятия малого и среднего бизнеса» [2, с. 310]. Применение программного метода к организации научно-производственного процесса рекомендуется для Республики Карелия [3]. Характеристика целевой научно-производственной программы приведена в [1].

Реализация рассмотренных в докладе перспективных форм внедрения научных результатов может быть достигнута при активной поддержке региональных органов управления, проявления инициативы и становления партнерских отношений с бизнесом, не ожидая указаний вышестоящих органов.

Литература

1. Румянцев А.А. О реализации результатов фундаментальных исследований в инновационной деятельности бизнес-структур//Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. №2, с. 55-63.
2. Тарасьев А.А., Кривенко И.А., Печеркина М.С., Кашина Т.О. Моделирование инвестиционной привлекательности научной сферы в регионе//Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 1, с. 303-314.
3. Тишков С.В. Совершенствование региональной политики в сфере развития инновационных процессов в Республике Карелия//Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2013. №1-2, с. 106-119.
4. Gershman M., Roud V., Thurner W. (2019). Open innovation in Russian state-owned enterprises//Journal Industry and Innovation. Vol. 26, issue 2, pp. 199-217.
5. Crawley E., Hegarty J., Edstrom K., Garcia Sanchez J. C. (2020). Universities as Engines of Economic Development. Springer International Publishing. 312 p.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ РОССИЙСКИХ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ

Самарина Вера Петровна

*ФГБУН «Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр
Российской академии наук», Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина,
Апатиты, Россия
samarina_vp@mail.ru*

Аннотация. Автором представлен сравнительный анализ представленных в стратегиях социально-экономического развития экологических целей и задач регионов, территории которых полностью расположены в Арктической зоне Российской Федерации. Показано, что основными общими приоритетами арктических регионов можно считать экологическую безопасность и охрану окружающей среды. Ключевые экологические задачи, в конечном итоге, направлены на создание экологически безопасной, максимально комфортной, в условиях рационального природопользования, среды жизнедеятельности населения арктических территорий.

Ключевые слова: арктические регионы, экологическая политика, экологические цели, экологические задачи, стратегия социально-экономического развития.

COMPARATIVE ANALYSIS OF ENVIRONMENTAL GOALS AND TASKS OF THE RUSSIAN ARCTIC REGIONS

Samarina, Vera

*Luzin Institute for Economic Studies – Subdivision of the Federal Research Centre «Kola
Science Centre of the Russian Academy of Sciences», Apatity, Russia
ksc@ksc.ru*

Abstract. The author presents a comparative analysis of the regional environmental goals and objectives presented in the strategies of socio-economic development, which territories are completely located in the Russian Federation's Arctic zone. It has been shown that ecological safety and environmental protection can be considered as main general priorities of the Arctic regions. Key environmental objectives are ultimately aimed at creating environmentally safe, maximally comfortable, in the conditions of rational use of natural resources, living environment of the Arctic territories' population.

Key words: Arctic regions, environmental policy, environmental goals, environmental objectives, strategy of socio-economic development.

Природная среда Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) отличается повышенной уязвимостью. Способность природной среды к самовосстановлению слабее, чем в более низких широтах. Расширение и углубление процессов эксплуатации природных ресурсов Арктики приводит к нарушению экологического равновесия, отсутствию рационального природопользования, обострению природно-антропогенных противоречий, появлению экологических проблем [1; 4; 12; 13].

Подчеркнем, что объекты природопользования и источники загрязнения, за исключением морских судов, самолетов, других объектов транспорта, стационарные и погранично локализованы. Они находятся на территории определенного

арктического региона, который имеет четкие административные границы. В то же время экологические процессы не замыкаются в границах территории российской Арктики [14; 16]. Загрязнения атмосферы, полярных льдов и морей распространяется на значительные расстояния. Таяние льдов, ускоряющееся под воздействием жизнедеятельности людей в Арктике, может глобально изменить климат планеты. Отсюда вытекает важность согласования экологической политики всех арктических регионов России.

Представленные соображения актуализируют данное исследование, цель которого заключается в сравнительном анализе экологических целей и задач российских арктических регионов. К исследованию были привлечены материалы стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, полностью расположенных в Арктической зоне Российской Федерации (табл.).

Таблица

Экологические цели и задачи российских арктических регионов (составлено автором на основании региональных стратегий социально-экономического развития)

Р е г и о н	Экологическое стратегическое направление	Экологические стратегические цели	Экологические ключевые задачи
	Ненецкий автономный округ	Формирование благоприятной и безопасной среды проживания жителей посредством улучшения экологической обстановки на территории региона	- ликвидация накопленного экологического ущерба и рекультивация территорий, на которых размещены отходы производства и потребления; - повышение уровня экологической культуры населения, создание системы общественного контроля; - применение всеми объектами, оказывающими значительное негативное воздействие на окружающую среду, системы экологического регулирования, основанной на использовании наилучших доступных технологий. - рациональное использование водных объектов и обеспечение защищенности от наводнений и иного негативного воздействия вод; - сохранение биологического разнообразия, включая сохранение и воспроизводство лесов; - формирование системы комплексного мониторинга за состоянием окружающей среды.

Р е г и о н	Экологическое стратегическое направление	Экологические стратегические цели	Экологические ключевые задачи
Ямало-ненецкий автономный округ	Рациональное природопользование и обеспечение экологической безопасности	Природопользование как высокоэкологичная хозяйственная деятельность, направленная на рациональное использование природных ресурсов и устойчивое развитие экономики, на внимательное отношение к любым изменениям окружающей среды, учитывающая интересы населения и бизнеса	- сокращение и ликвидация последствий антропогенного воздействия на окружающую среду; - сохранение и восстановление природной среды.
Мушманская область	Обеспечение комфортной и безопасной среды проживания населения региона	Повышение уровня экологической безопасности и сохранение природной среды	- увеличение площади особо охраняемых природных территорий; - повышение класса качества водохозяйственных участков; - мониторинг загрязнения атмосферного воздуха; - создание условий для сохранения биологического разнообразия, сохранение охотничьих ресурсов и среды их обитания; - развитие системы экологического образования и формирование экологической культуры; - установление, оценка и ликвидация накопленного экологического ущерба; - оптимизация системы обращения с отходами; - обеспечение охраны от пожаров, защиты от вредителей и болезней леса, воспроизводства лесов; - экологическая реабилитация, предупреждение загрязнения и засорения водных объектов.

Р е г и о н	Экологическое стратегическое направление	Экологические стратегические цели	Экологические ключевые задачи
Чукотский автономный округ	Рост доходов и уровня жизни населения при поступательном движении к сбалансированности и устойчивости и региональному бюджету	Специализация на добыче и переработке различных природных ресурсов; гарантия населению уровень доходов и качество жизни, соответствующий успешным северным территориям Канады и США; динамичный и устойчивый рост экономики и доходов бюджета.	- создание новых предприятий в добывающей промышленности и производстве социально значимых товаров; - снятие инфраструктурных ограничений, прежде всего в сфере транспорта, энергетики и информационно-телекоммуникационных технологий, для комплексного социально-экономического развития Чукотского автономного округа. - повышение качества предоставления услуг социальной сферы.

Стратегической экологической целью Ненецкого автономного округа, закреплённой в региональной Стратегии социально-экономического развития, является «формирование благоприятной и безопасной среды проживания жителей»[9]. Для достижения этой цели планируется внедрить системы рационального природопользования и экологического регулирования производственной деятельности, в первую очередь для предприятий нефтяной отрасли, оказывающих наиболее сильное и пролонгированное негативное воздействие на природную среду.

«Высокоэкологичная хозяйственная деятельность, направленная на рациональное использование природных ресурсов и устойчивое развитие экономики» – стратегическая цель развития Ямало-Ненецкого автономного округа [11]. В этом контексте экологическая стратегическая цель, суть которой заключается в организации природопользования как высокоэкологичной хозяйственной деятельности, учитывающей интересы населения и бизнеса, представляется весьма логичной. Важным фактором экологической политики региона является то, что природопользование осуществляют крупные нефтегазовые компании, которые строго придерживаются корпоративной экологической политики, разработанной на основе международных стандартов[5; 7; 15].

Региональная Стратегия социально-экономического развития Мурманской области в качестве экологической цели предусматривает «повышение уровня экологической безопасности и сохранение природной среды» [8]. Для достижения этой цели предусмотрено решение разноплановых экологических задач: от конкретных и прикладных (например, увеличение площади особо охраняемых природных территорий; повышение класса качества водохозяйственных участков) до комплексных и системных (например, развитие системы экологического образования и формирование экологической культуры)[2; 3; 6].

Экологическая цель в качестве особой цели социально-экологического развития Чукотского автономного округа не обозначена. Тем не менее, она по смыслу заложена

в стратегическом направлении: «рост доходов и уровня жизни населения при поступательном движении к сбалансированности и устойчивости регионального бюджета» [10]. Среди факторов регионального развития обозначено обязательное сохранение среды обитания, культуры коренных народов Севера, что невозможно без мероприятий экологической политики.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что экологические цели преследуют все арктические регионы. Экологическим стратегическим направлением здесь чаще всего видится «рациональное природопользование и обеспечение экологической безопасности». В этом проявляется согласованность экологической политики всех арктических регионов России. Основными общими приоритетами в Арктике можно считать решение проблем рационального природопользования, охрану окружающей среды, ликвидацию имеющегося и предотвращение нового загрязнения природных сред. В региональных стратегиях социально-экономического развития подчеркивается устойчивая тенденция к обострению экологических проблем вследствие повышенной уязвимости экосистем Арктики, обусловленной низким потенциалом самоочищения и малыми скоростями биохимических реакций в условиях низких температур. Проблемой стала не только необходимость очистки и рекультивации почв, лесов, водоемов от загрязнений, накопившихся за долгие годы освоения богатств Арктики, но и предотвращение новых загрязнений. Ключевые экологические задачи, в конечном итоге, направлены на создание экологически безопасной, максимально комфортной в условиях рационального природопользования среды жизнедеятельности населения арктических территорий.

Исследование включает результаты, полученные за счет госзадания ФГБУН ФИЦ КНЦ РАН № АААА-А18-118051590118-0 (анализ региональных стратегий социально-экономического развития) и гранта РНФ № 19-18-00025 (выявление особенностей природной среды арктических территорий).

Литература

1. Волков А.Д., Тишков С.В., Каргинова-Губинова В.В., Щербак А.П. Экологические проблемы арктического региона: состояние и динамика в восприятии населения (результаты социологического опроса на территории карельской Арктики) // Регион: Экономика и Социология. – 2021. – № 3 (111). – С. 203-239.
2. Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Сухарев М.В., Белая Р.В. Депрессивные территории России: институциональные модели развития и методологические подходы исследования // Интернет-журнал Науковедение. – 2016. – Т. 8. – № 1 (32). – С. 63.
3. Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Сухарев М.В. Регион как социально-экономическая система. – Петрозаводск, 2010. – 306 с.
4. Скуфьина Т. П. Альтернативы развития российского Севера // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 4. – С. 2–10.
5. Скуфьина Т.П. Нормативно-правовое регулирование развития российского Севера и Арктики // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 9-2. – С. 424-428.
6. Социально-экономическое развитие северо-арктических территорий России / под науч. ред. Т.П. Скуфьиной, Е.Е. Емельяновой. – Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2019. – 119 с.
7. Стратегические приоритеты экономики региона / Под ред. Татаркина А. И. – Екатеринбург: Изд-во Института экономики РАН, 2008. – 956 с.
8. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года. URL: https://minec.gov-murman.ru/activities/strat_plan/sub02/ (дата обращения: 29.07.2021).

9. Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года. URL: <https://dfei.adm-nao.ru/strategicheskoe-planirovanie/proekt-strategii-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-neneckogo-avtonomn/> (дата обращения: 29.07.2021).
10. Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/6f420547cf9ff60f79133cec6d6ef495/191219_CHAO.pdf (дата обращения: 29.07.2021).
11. Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года. URL: <https://www.yanao.ru/activity/2232/> (дата обращения: 29.07.2021).
12. Субботина Е.В., Самарина В.П. Формирование нового взгляда на проблемы рационального природопользования и охраны окружающей среды // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 1-1. – С. 238-241.
13. Тишков С.В., Щербак А.П., Пахомова А.А., Козловский В.В., Волков А.Д., Недосека Е.В. Современное состояние и прогнозирование развития арктической зоны России: эколого-экономический аспект // *Бизнес. Образование. Право*. – 2020. – № 1 (50). – С. 65-69.
14. Шамахов В.А., Межевич Н.М. Эколого-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации: к вопросу об эволюции системы внешних и внутренних вызовов // *Управленческое консультирование*. – 2020. – № 8 (140). – С. 10-17.
15. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками / под науч. ред. В.А. Крюкова, Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. – Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2020. – 245 с.
16. Samarina V.P., Skufina T.P., Samarin A.V. Russia's north regions as frontier territories: demographic indicators and management features // *European Research Studies Journal*. – 2018. – Vol. 21. – No. 3. – P. 705-716.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Сапрыка Виктор Александрович

НИУ «БелГУ», Белгород, Россия

sapryka@bsu.edu

Кулакова Н. И.

НИУ «БелГУ», Белгород, Россия

kulakova@bsu.edu.ru

Солоха В. В.

НИУ «БелГУ», Белгород, Россия

1266436@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются роль и значение общественной дипломатии в развитии приграничных регионов, исследование предполагает интерпретацию общественной дипломатии приграничных регионов как процесса общения, взаимного познания народов, населяющих приграничье, взаимовлияния и взаимообогащения культур. Важно отметить, что для приграничных регионов необходимо сохранение и развитие традиционных кооперационных связей как экономических субъектов, так и общественного сектора, что требует разработки и реализации проектов общественной дипломатии. Проекты общественной дипломатии позволяют в сложных геополитических и социально-культурных условиях реализовать весь потенциал приграничного сотрудничества на постсоветском пространстве. В статье отмечается, что концептуальной задачей общественной дипломатии в приграничных регионах является создание благоприятного климата для региональных и муниципальных внешнеполитических инициатив.

Ключевые слова: общественная дипломатия, принципы общественной дипломатии, социокультурные угрозы, приграничный регион.

DEVELOPMENT OF PUBLIC DIPLOMACY OF BORDER REGIONS

Sapryka, Viktor

NRU "BelGU", Belgorod, Russia

sapryka@bsu.edu

Kulakova N.I.

NRU "BelGU", Belgorod, Russia

kulakova@bsu.edu.ru

Solokha V.V.

NRU "BelGU", Belgorod, Russia

1266436@bsu.edu.ru

Abstract. This article focus on the role and importance of public diplomacy in the development of border regions, the study assumes the interpretation of public diplomacy of border regions as a process of communication, mutual knowledge of the peoples inhabiting border areas, mutual influence and mutual enrichment of cultures. It is important to note that for border regions it is necessary to preserve and develop traditional cooperative ties of both economic entities and the public sector, which requires the development and implementation of public diplomacy projects. Public diplomacy projects make it possible, in difficult geopolitical and socio-cultural conditions, to realize the full potential of cross-

border cooperation in the post-Soviet space. The article notes that the conceptual task of public diplomacy in the border regions is to create a favorable climate for regional and municipal foreign policy initiatives.

Keywords: public diplomacy, principles of public diplomacy, sociocultural threats, border region.

Общественная дипломатия начинает играть все более важную роль в развитии приграничных регионов. Обеспечение национальных интересов современной России требует использования различных механизмов и инструментов мягкой силы, к которым относится и общественная дипломатия. Под общественной дипломатией в современном мире принято понимать совместные действия государства и гражданского общества на международной арене в ходе двустороннего или многостороннего взаимодействия с различными зарубежными государствами [3].

Современный мир становится все более противоречивым и процессы глобализации сопровождаются изменением границ, которые меняют привычные приграничные социумы. Очень часто при ухудшении двусторонних отношений государств, только инструменты мягкой силы и общественной дипломатии позволяют донести до населения и общественного сектора необходимость сохранения добрососедства и приграничного сотрудничества. Важнейшим элементом общественной дипломатии для сотрудничества и взаимодействия с приграничными регионами является то, что отношение одного государства с другим государством не играет важную роль, для этого не обязательно подписание договоров и соглашений. Благодаря общественной дипломатии легко получать и распространять ту или иную положительную информацию.

В частности, распад Советского Союза поставил перед новыми государствами задачи, которые можно решить только используя инструменты мягкой силы и общественной дипломатии. Для постсоветского пространства характерна высокая динамика трансформации межгосударственных взаимоотношений, что ведет к изменению форм приграничного взаимодействия и требует реализации эффективных проектов общественной дипломатии для улучшения отношений и налаживанию сотрудничества между народами. Общественная дипломатия может повышать общественную поддержку интеграционного вектора и увеличивать частоту контактов между регионами и странами или, наоборот, переориентировать интересы населения на другие геополитические центры притяжения. Особое значение приобретает общественная дипломатия на приграничных территориях, где необходимо сохранять климат доверия, устойчивые межнациональные отношения и использовать соседство для сбалансированного социокультурного развития приграничных территорий» [6].

Для приграничных регионов необходимо сохранение и развитие традиционных кооперационных связей, как экономических субъектов, так и общественного сектора, что требует разработки и реализации проектов общественной дипломатии. Именно эти проекты позволяют в сложных геополитических и социально-культурных условиях реализовать весь потенциал приграничного сотрудничества на постсоветском пространстве. С одной стороны, для приграничных регионов Российской Федерации «новая граница» становится реальным барьером, с другой обладает новыми интеграционными возможностями для населения и некоммерческих организаций. Не случайно, одним из приоритетов для Фонда президентских грантов, который предоставляет гранты для гражданского общества, является развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников. От того, насколько успешно общественный сектор сможет использовать предоставленные гранты во многом будет зависеть не только развитие общественной дипломатии концептуальная задача общественной дипломатии в приграничных регионах — это создание благоприятного

климата для региональных и муниципальных внешнеполитических инициатив, но и стабильность в российском приграничье. Таким образом, использование инструментов общественной дипломатии на региональном и муниципальном уровнях в «новом приграничье» России - новая и актуальная задача для социологии управления, которая отвечает, в том числе, на вопросы обеспечения управления информационной безопасности общества, государства и личности.

В этой связи, существует реальная необходимость для уточнения самого понятия «общественная дипломатия» с точки зрения социологической науки, а также формирования социально-технологической культуры для обеспечения процессов разработки и реализации проектов общественной дипломатии в приграничных регионах [4].

Разработка и реализация проектов общественной дипломатии в приграничных регионах осуществляется с помощью методов управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества, а успешная их реализация определяется заложенной в них методологией. При реализации проекта общественной дипломатии в приграничных регионах необходимо учитывать пространственный аспект развития территории, пограничный характер пространства и связанные с этим стратегии России, а также социокультурные особенности приграничья. Для осуществления проектов и программ общественной дипломатии в приграничных регионах следует соблюдать следующие принципы:

- принцип партнерства при реализации проекта общественной дипломатии, которые включает детальные консультации и общие решения;
- принцип общей выгоды для участников, т.е. общие проекты подразумевают общее руководство, совместные решения, а также равный статус партнеров;
- принцип комплементарности, который поддерживает реализацию стратегического партнерства (Рис.1.).

Рисунок 1. Принципы при реализации проектов и программ общественной дипломатии в приграничных регионах

В настоящее время в приграничных регионах имеется достаточный проектный потенциал для реализации инициатив населения в области общественной дипломатии. Важным направлением является подключение региональных акторов к разработке и реализации проектов. Общественный сектор приграничных регионов может рассматриваться как отдельный субъект общественной дипломатии, снижающий угрозы трансформации социокультурного ландшафта приграничных регионов на постсоветском пространстве. Таким образом, для развития общественной дипломатии приграничных регионов необходимо:

- обеспечить внедрение социально-технологического подхода в практику разработки и реализации проектов общественной дипломатии приграничья;
- содействовать применению технологий краудсорсинга в процессе разработки, инициации и реализации проектов общественной дипломатии;
- при финансировании проектов общественной дипломатии приграничных регионов использовать технологии краудфандинга для привлечения средств на реализацию мероприятий;
- содействовать цифровизации процессов общественной дипломатии путем внедрения современных информационно-коммуникационных технологий в практику разработки и реализации проектов;
- обеспечить сетевизацию процессов общественной дипломатии в приграничных регионах путем формирования устойчивых сетевых коммуникаций между всеми факторами и участниками;
- организовать регулярное проведение социологической диагностики с целью выявления наиболее эффективных социальных технологий разработки и реализации проектов общественной дипломатии;
- оказывать содействие информационной поддержке проектов общественной дипломатии на приграничном пространстве путем распространения и тиражирования на международном информационно-коммуникационном пространстве.

Общественная дипломатия выполняет важную функцию для сохранения традиционного социокультурного ландшафта приграничных регионов и требует поиска новых механизмов, инструментов и технологий для привлечения населения и общественного сектора к проектам и программам. Подключение региональных факторов к общественной дипломатии даст возможность повысить доступность международных интеграционных проектов и их эффективность. Проекты и программы общественной дипломатии позволят администрациям приграничных регионов и населению решать возникающие проблемы, связанные с новыми границами и барьерами.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук МД-578.2020.6 «Социокультурные угрозы трансформации цивилизационных фронтиров в постсоветском хронотопе».

Литература

1. Борхсениус А.В. Евразийская интеграция: информационный аспект. URL: http://www.sovnauka.com/articles/2015-2/eurasian_integration_informational_aspect/.
2. Мозолева Н.В. Перспективы интеграции информационных систем стран-участников ЕАСЭ в контексте цифровой повестки. // Академический вестник ростовского филиала Российской таможенной академии. 2019. № 4(37). С.73.

3. Парубочая Е. Ф., Пискунов Н. В. Общественная дипломатия как инструмент реализации российской «мягкой силы» // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. №6. С. 197-207.
4. Сапрыка В. А. Вавилов А.Н., Пастюк А. В. Общественная дипломатия приграничных регионов России // Международные процессы. 2017. № 2. С. 119-132.
5. Ступаков Н.В. Цифровая интеграция стран ЕАЭС и СНГ: политико-правовые основы развития интегрированной информационной системы евразийского сотрудничества. // Журнал «Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право». 2019. №1. С.1.
6. Шлапек Е. А. Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1. С. 152-162.
7. Якушенко К.В. Информационная интеграция в Евразийском экономическом союзе: преимущества и методики оценки развития. // Белорусский экономический журнал. 2020. №3(92). С. 106.

References

1. Borkhsenius A.V. Eurasian integration: information aspect. URL: http://www.sovnauka.com/articles/2015-2/eurasian_integration_informational_aspect/
2. Mozoleva N.V. Prospects for the integration of information systems of the EACE member countries in the context of the digital agenda. // Academic Bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy. 2019. No. 4(37). p.73.\
3. Parubochaya E. F., Piskunov N. V. Public diplomacy as a tool for the implementation of the Russian "soft power" // Bulletin of the Volga State University. Series 4, History. Regional studies. International relations. 2018. №6. С. 197-207.
4. Sapryka V. A. Vavilov A.N., Kostyuk A.V. Public diplomacy of the border regions of Russia // International processes. 2017. No. 2. pp. 119-132.
5. Stupakov N.V. Digital integration of the EAEU and CIS countries: political and legal foundations for the development of an integrated information system of Eurasian cooperation. // Journal "International Cooperation of Eurasian states: politics, economics, Law". 2019. No. 1. p.1.
6. Shlapenko E. A. Institute of Public Diplomacy and its place in the cross-border socio-cultural space // Oikumena. Regional studies. 2017. No. 1. pp. 152-162.
7. Yakushenko K.V. Information integration in the Eurasian Economic Union: advantages and methods of development assessment. // Belarusian Economic Journal. 2020. No. 3(92). p. 106.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Сачук Татьяна Викторовна

Карельский филиал РАНХиГС, Петрозаводск, Россия

sachuk_ptz@mail.ru

Аннотация. В статье представлены основные тенденции социально-экономического развития Карелии, которые стали значимыми для приграничного, периферийного региона в условиях пандемии. Дана характеристика основных факторов, сдерживающих развитие муниципальных образований Карелии, и обоснована необходимость дифференцированного подхода при реализации мер государственной поддержки развития конкретных территорий с учетом их специфики. Предложены действия органов местного самоуправления и местного сообщества по максимально полному использованию возможностей социально-экономического развития населенных пунктов и муниципальных образований Карелии, в том числе благодаря развитию межмуниципального сотрудничества и активному привлечению дополнительных финансовых ресурсов на территорию.

Ключевые слова: приграничная территория, периферийная территория, межмуниципальное сотрудничество, образ территории.

NEW CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF BORDER TERRITORIES

Sachuk, Tatyana

RPANEPa, Petrozavodsk, Russia

sachuk_ptz@mail.ru

Abstract. The article presents the main trends in the socio-economic development of Karelia, which have become significant for the border, peripheral region in the context of a pandemic. The author gives a characteristic of the main factors restraining the development of municipalities in Karelia, and describes the need for a differentiated approach in the implementation of measures of state support for the development of specific territories, taking into account their specifics. The author suggests some actions of local self-government bodies and local communities to maximize the use of opportunities for socio-economic development of settlements and municipalities of Karelia, including through the development of inter-municipal cooperation and the active attraction of additional financial resources to the territory.

Key words: border area, peripheral area, inter-municipal cooperation, image of the territory.

В данной статье мы будем понимать под территорией часть поверхности земной суши, имеющая определенные географические координаты с присущими ей природными, а также созданными в процессе и в результате человеческой деятельности свойствами и ресурсами. Каждая конкретная территория – это место пространственного базирования, проживания и ведения деятельности человека. Следовательно, история места – это история определенных социальных отношений, которые задаются национальными традициями, спецификой религии, особыми чертами характера и темперамента ее жителей, типом жизнедеятельности и другими «нематериальными» факторами, присущими данному местному сообществу [5, с.10].

Понимая процесс расселения и переселения людей по территории, отметим, что существующие сегодня административные границы поселений часто не совпадают с границами локализации сформировавшихся сообществ. В значительной степени это касается приграничных и периферийных территорий страны.

Принятие в 2017 году закона «Об основах приграничного сотрудничества» [3] позволило шире трактовать категорию «приграничные территории», поскольку закон изначально определяет приграничный субъект Российской Федерации и, следовательно, все муниципальные образования, расположенные на территории приграничных субъектов, являются приграничными. Это значительно расширило круг участников приграничных отношений и приграничного сотрудничества, увеличило возможности развития муниципальных образований Карелии.

Ключевым внешним фактором, который оказал значительное влияние на развитие приграничной периферийной Карелии, стала пандемия коронавируса, что нашло выражение в ряде социально-экономических процессов:

1. В условиях пандемии сократился масштаб приграничных отношений и приграничного сотрудничества. Это проявляется не только в ограничении движения физических лиц через границу с Финляндией, но и в значительном снижении доходов населения (реализация товаров, оказание услуг, поток гостей) и юридических лиц (сокращение экспортно-импортных операций). Снизились, в том числе и «теневые» доходы домохозяйств от перепродажи товаров по обе стороны границы, которые официальная статистика даже не оценивает. Несмотря на возможность дистанционного сотрудничества пришлось значительно скорректировать планы и программы всех хозяйствующих субъектов и даже организаций некоммерческого сектора.

2. Карелия стала привлекательной территорией для притока физических лиц из крупных мегаполисов России, особенно Санкт-Петербурга для временного проживания. Гости привлекали относительная удаленность при хорошей транспортной доступности, малая плотность населения, проживание не в условиях города, привычная языковая, культурная среда, наличие материальных объектов культурного наследия, а кто-то «вспомнил» о красивой Карелии. Приток большого числа гостей ярко выявил проблемы, например, низкое качество коммунальных услуг (питьевая вода), низкое качества сервиса в сфере гостеприимства и сопутствующих услуг, низкое качество благоустройства территории, не всегда ухоженный вид территории, различное качество услуг сотовой связи и Интернета по территории Карелии. При этом многие гости отмечали завышенные цены проживания, отсутствие согласованных действий между участниками рынка туристических услуг, «переоцененные» вниманием объекты показа. С другой стороны, мы впервые столкнулись с психологической неготовностью местного населения к приему гостей. Отметим, что страх в условиях пандемии, на наш взгляд, позволил очень ярко проявиться более глубокой психологической проблеме всех малых сообществ – неготовности принять «иных», которые представляют собой угрозу для сложившихся экономических и социальных отношений местного сообщества.

3. Вынужденное изменение форматов коммуникации и взаимодействия между населением, организациями и органами государственной власти актуализировал технологическую, организационную, материальную, финансовую неготовность значительного числа людей и организаций к использованию дистанционных форматов взаимодействия. Разброс проявления этих ограничений дистанционного взаимодействия был широким: от ограничения использования существующих (зарубежных) Интернет-платформ, таких как ZOOM, государственными служащими, до системных проблем, без решения которых невозможно, создать базовые условия проживания и ведения деятельности на территории региона, а именно:

- отсутствие широкополосного доступа сети Интернет (более 500 населенных пунктов) и сотовой связи (около 300 населенных пунктов) стало основным фактором снижения качества жизни населения;

- наличие разного уровня качества и скорости связи по территории региона в целом и отдельных муниципальных образований в частности;

- значительное цифровое неравенство по возрасту, по месту проживания, по доходам, так многие семьи, имеющие более одного школьника не могли позволить себе купить дополнительные технические устройства (смартфоны, ноутбуки, компьютеры);

- отсутствие мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, которые целенаправленно обновляют оборудование и осуществляют сопутствующие расходы для организации работы в дистанционном режиме.

Для комплексного решения выявленных проблем, на наш взгляд, необходимо осуществлять деятельность по ряду направлений, а именно:

Во-первых, определить приоритетом деятельности органов исполнительной власти повышение доступности услуг связи и информационно-коммуникационной сети «Интернет», особенно на территории отдаленных муниципальных образований и муниципальных образований Арктической зоны.

Во-вторых, продолжать работу по подключению к сети Интернет социально-значимых объектов региона. (Известно, что за 2 года в рамках регионального проекта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» к сети Интернет подключили 566 социально-значимых объектов, но нет информации, а сколько объектов еще не подключены).

В-третьих, обеспечить наличие устойчивой сотовой связи вдоль федеральных дорог, в том числе «новых» участков федеральных дорог, и определить первоочередные региональные дороги, вдоль которых также обеспечить устойчивую сотовую связь (наверное, критерием выбора, могла бы стать загруженность и пассажиропоток).

В-четвертых, из пяти направлений регионального проекта первоочередным считать направление «Информационная инфраструктура», что позволит решить многие инфраструктурные ограничения.

Опыт последних полутора лет позволяет выделить рядограничений функционирования и социально-экономического развития населенных пунктов и муниципальных образований Карелии. Рассмотрим основные из них.

Преимущества транспортно-географического положения, что отмечается одним из двух конкурентных преимуществ Республики Карелия в Индивидуальной программе социально-экономического развития Республики Карелия до 2024 года [1], нивелируются низким уровнем развития транспортной инфраструктуры и магистральных объектов по всем видам транспорта.

Можно отметить пространственную неоднородность хозяйственного комплекса региона, значительные различия в уровне социально-экономического развития муниципальных образований и населенных пунктов региона, неравномерное размещение производительных сил и расселение населения на территории. Подчеркнем, что темп пространственного сжатия снизился, но до сих пор внятной региональной политики по управлению данным процессом нет.

Недостаточная инфраструктурная обеспеченность муниципальных образований и населенных пунктов при высокой степени износа коммунальной, транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, что сдерживает частные инвестиции и значительно снижает привлекательность населенных пунктов для постоянного и временного проживания.

Отсутствует дифференцированный подход государственных органов исполнительной власти региона к реализации мер государственной поддержки муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей. Предпринятые в Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2030 года попытки пространственной оценки и формирование зон хозяйствования [4], не нашли дальнейшего развития в экономической и социальной политике регионального правительства.

Снятие указанных ограничений, на наш взгляд, должно базироваться на принципах государственной политики регионального развития Российской Федерации, а именно: учитывая специфику территории, осуществлять дифференцированные меры государственной поддержки муниципальных образований [2]. Важно разрабатывать и реализовывать государственные (региональные) программы с учетом особенностей места, и понимать Карелию как важную в геополитическом отношении территорию, не имеющую в обозримом будущем перспектив динамичного экономического развития, для которой первоочередной задачей должно быть сдерживание оттока населения путем создания благоприятных социальных условий.

Дифференцированное развитие муниципальных образований и населенных пунктов Карелии может быть обеспечено с учетом особенного (приграничное, периферийное, транзитное) положения Карелии, что позволяет осуществлять разное развитие населенных пунктов и муниципальных образований Карелии за счет новых форм проявления экономического, культурного, социального и символического капиталов конкретной территории.

На наш взгляд, следует обратить внимание на успешные примеры развития населенных пунктов и муниципальных образований, которые, осознавая свою специфику, концентрировали усилия и формировали свой образ. Например, особые характеристики населенного пункта могут быть положены в основу специфики территориального продукта, как это сделано в Коломне, где все началось с развитием товарного бренда «коломенская пастила». В дальнейшем был создан Коломенский центр развития познавательного туризма «Город-музей», в основе которого - творческий кластер - «Коломенский пасад», что предполагает продвижение еще двадцати местных брендов: «Коломенский кремль», «Коломенский трамвай», «Коломенская репа», «Коломенский сад», «Коломенский патефон», «Коломенский горшок», «Пристань Коломна» и др.

Другой подход может быть реализован при наличии особых характеристик совокупности населенных пунктов и муниципальных образований. Это может быть положено в основу формирования новых «пространственных систем» за счет развития межтерриториального взаимодействия и кооперации «себе подобными». Примером может стать развитие региона Йоэнсу, когда 8 коммун совместно проводят политику привлечения внимания к своему региону в целом и к отдельным коммунам и населенным пунктам этой части Финляндии.

Иногда сотрудничество территорий складывается на основе представления муниципального образования, населенного пункта как «звена в цепи», что делает возможным реализацию совместных культурных, спортивных, образовательных мероприятий и бизнес проектов («Серебряное ожерелье России», «Осударева дорога»). Подчеркнем, что развитие межмуниципального сотрудничества базируется на новом видении территории, как единого пространства. Не противопоставление, а согласованное развитие более крупной территориальной системы, в рамках которой может быть обеспечено согласование действий развития сфер культуры, образования, туризма и др. (изучение, сохранение и развитие культуры поморов, карелов, финнов, саамов, развитие системы профессионального образования и образовательного

туризма). Новое понимание интересов местных сообществ, социокультурных, экологических общественных инициатив, которые «поднимаются» над муниципальными и региональными административными границами и позволяет реализовать общие экологические, культурные, природоохранные проекты.

Наконец, особые характеристики населенного пункта могут быть положены в основу специфики территориального продукта. Именно новый взгляд на д. Никола-Ленивец позволил инициаторам арт-проекта за 30 лет создать природно-творческий кластер, объединяющий ныне четыре деревни, где сосредоточены шесть крупных объектов. Формируется особая социальная среда территории, где складывается возможность жить среди себе подобных людей, разделяющих определенные ценности, обладающих особым взглядом на мир.

Для Республики Карелии оправдано проводить политику поддержки частных инициатив по формированию и развитию туристских дестинаций. Именно в рамках туристских дестинаций происходит не только развитие отрасли гостеприимства и сопутствующих отраслей, но вся дестинация начинает восприниматься комплексно как привлекательная для посещения территория (часто «поднимаясь» над административными границами отдельных населенных пунктов и сельских поселений). Такое же комплексное развитие территорий возникает при создании инфраструктуры экологического туризма на особо охраняемых территориях федерального уровня, включая национальные парки. Примером такого сочетания интересов ООПТ, в частности Государственного природного заказника федерального подчинения «Кижский» и местного сообщества, стало развитие, так называемой «буферной зоны» музея-заповедника «Кижский» на материковой части Заонежья.

Во многих исторических населенных пунктах региона оправдано восстанавливать и стимулировать развитие местных промыслов, ремесел и в целом стимулировать развитие творческих индустрий, в основе которых лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, и что имеет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест.

Оправдано развитие межмуниципального сотрудничества, в том числе агломерационное сотрудничество в рамках Петрозаводской агломерации или согласованное развитие в области туризма Ландехпохского и Сортавальского муниципальных районов Карелии, что позволяет скоординировать действия и обеспечивает большую результативность усилий по продвижению привлекательности территории как места посещения, ведения деятельности и постоянного проживания. Возможно, для этого потребуются актуализация существующих и становление новых формализованных и неформализованных институтов межтерриториального сотрудничества на региональном и муниципальном уровнях (муниципальные образования и населенные пункты побратимы, землячества, объединяющие уроженцев конкретной территории, создание Агентств развития территории и т.д.).

Следует стимулировать сотрудничество и совместные проекты региональных и муниципальных учреждений сферы культуры и образования. Например, открытые производственные, творческие студии, мастер-классы, гастрономические мастерские, «кочующие» события и праздники. Реализация совместных (единых по времени проведения) межрегиональных, межмуниципальных, межведомственных проектов, включение таких проектов в бюджетные задания позволит повысить результативность и эффективность действия за счет эффекта масштаба и синергетического эффекта.

Пандемия «подарила» Карелии еще одну возможность, например, центральные районы Карелии (преимущественно вокруг Петрозаводска), в которых имеется хорошего качества и с высокой скоростью Интернет продвигать новый образ - Карелия – территория базирования удаленных сотрудников.

Для реализации этих и иных предложений следует более активно использовать имеющиеся сегодня возможности по привлечению финансовых ресурсов в населенные пункты и муниципальные образования региона, а именно:

- привлечение бюджетных субсидий в рамках государственных (федеральных) программ, в том числе на условиях софинансирования, на реализацию программ поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;
- участие в федеральных целевых программах (ФЦП поддержки сельских территорий, НПП «Комфортная городская среда» и др.);
- реализация на территории муниципальных образований инфраструктурных проектов, например, электрификация и газификация территории, развитие транспортной, коммунальной инфраструктуры, как в рамках федеральных (региональных) проектов, так и в рамках реализации Индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Карелия до 2024 года [1];
- участие муниципальных учреждений и организаций в реализации проектов и программ, осуществляемых НКО территории, а также более активное привлечение грантовых средств организациями сферы культуры и образования региона, иногда на условиях софинансирования и партнерства;
- участие в федеральных, региональных и муниципальных программах поддержки социально ориентированных НКО (гранты, средства бюджетов);
- участие в региональных программах поддержки местных инициатив и территориального общественного самоуправления.

Отметим, что активная деятельность по привлечению финансовых ресурсов внутри страны позволит накопить опыт и сделать хороший задел на будущее, в том числе при реализации программ приграничного сотрудничества в будущем (после окончания пандемии).

Таким образом, опыт последних полутора лет позволил выявить и обострить некоторые из существующих проблем региона, а также скорректировать их значимость и приоритетность для дальнейшего развития Карелии в целом и отдельных муниципальных образований и населенных пунктов. С другой стороны, как любой кризис, пандемия позволила посмотреть на ресурсы Карелии по-новому и найти новые возможности в особом положении Карелии как приграничного, периферийного, транзитного региона северо-запада России. Превращение потенциалов Карелии в реальные факторы развития позволит решать вопросы сохранения и повышения качества жизни в регионе.

Литература

1. Индивидуальная программа социально-экономического развития Республики Карелия на 2020-2024 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2020 № 973-р годы. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP&dst=100022&n=511600&req=doc#51FEulSNIMnjNJ4V>
2. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года Указ Президента от 16 января 2017 г. № 13 <http://base.garant.ru/71587690/>
3. «Об основах приграничного сотрудничества» Федеральный закон от 26 июля 2017г.) № 179-ФЗ <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71630188/>
4. Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2030 года http://www.consultant.ru/law/podborki/strategiya_socialno-jekonomicheskogo_razvitiya_respubliki_kareliya_do_2030_goda/
5. Сачук Т.В. Территориальный маркетинг: теория и практика / Т.В. Сачук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации [Карельский филиал]. - М: ИНФРА-М, 2017. - - 583 с.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОССИИ И БЕЛАРУСИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ
ДВУХ СТРАН (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
2019 - 2020 ГГ.)**

Снежкова Ирина Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
snezhkova@mail.ru*

Шалыгина Наталья Валентиновна

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
etgender@mail.ru*

Аннотация: В 2019-2020 гг. в ряде университетов Москвы и Минска было проведено социологическое и этнопсихологическое исследование посвящённое изучению образов России и Беларуси в сознании студенческой молодежи обеих стран. В статье изложены результаты исследования, акцентирующие внимание на том, какие этнические, политические и экономические характеристики двух стран являются приоритетными среди студенческой молодежи. Исследовались также особенности этнической идентичности молодежи двух стран. Результаты исследования показали, что несмотря на сложную этнополитическую обстановку в мире, молодежь России и Белоруссии демонстрирует позитивное отношение к собственному и народу соседу.

Ключевые слова: образ страны, этнические стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы, чувство патриотизма, этническая идентичность, студенческая молодежь.

**AN IDEA OF RUSSIA AND BELARUS FROM THE POINT OF VIEW OF
STUDENTS OF THE TWO COUNTRIES (BASED ON THE MATERIALS OF
SOCIOLOGICAL RESEARCH 2019 - 2020**

Snezhkova, Irina

*Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklouho-Maclay of the RAS, Moscow, Russia
snezhkova@mail.ru*

Shalygina, Natalya

*Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklouho-Maclay of the RAS, Moscow, Russia
etgender@mail.ru*

Abstract. In 2019-2020, a sociological and ethnopsychological study of the image of Russia and Belarus from the point of view of students from the two countries was conducted in a number of universities in Moscow and Minsk. In terms of information and sanctions pressure on Russia and Belarus, it was important to study how Russian and Belarusian youth react to the current conditions? How does it percept the image of Russia and Belarus? What are the ethnic characteristics the youth of the both countries ascribe to each other? In some cases, young people feel a sense of pride and patriotism for their country. The features of the ethnic identity of the youth of the two countries were also studied. The results of the study showed that despite the difficult ethno-political situation in the world, the youth of Russia and Belarus demonstrate positive attitude to their own nation and to the neighbor people.

Key words: the image of Russia and Belarus, ethnic stereotypes of Russians and Belarusians, pride and patriotism, ethnic identity of Russians and Belarusians.

Исследование проводилось на протяжении 2019-2020 гг. в г. Москве (400 человек) и в г. Минске (400 человек). В Москве опрашивались студенты Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (МГТУ им. Н.Э. Баумана); Московского инженерно-физического института (МИФИ), Института журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ); Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); Института социальной инженерии Российского гуманитарного университета им. А.Н. Косыгина (ИСИ РГУ), Московской Финансово-Юридической академии (МФЮА), Московский технический институт связи и информатики (МТУСИ), Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г.Разумовского (ПКУ). В Минске в опросе приняли участие студенты Белорусского государственного университета (БГУ).

Главная цель исследования заключалась в сопоставлении взглядов представителей российской и белорусской молодежи по ряду современных межгосударственных отношений и перспектив союзного государства. Для достижения цели решались такие исследовательские задачи, как определение содержания авто и гетеростереотипов в сознании российской и белорусской молодежи, представления студенчества о власти и патриотизме, а также источники зарождения и развития чувства гордости за свою страну в молодежной среде России и Белоруссии.

Основным методом исследования был социологический опрос. Помимо него применялся модифицированный тест М.Куна и Т. Макпартленда «Кто я»? Этническая толерантность/интолерантность исследовалась с помощью изучения направленности положительной/отрицательной этнических авто и гетеростереотипов по методике Д. Катца и К.Брели, при характеристике образа стран использовался ассоциативный метод.

Этническая идентичность в представлениях российской и белорусской молодежи

Этническая идентичность - это ядро этнического самосознания. При спокойных межнациональных отношениях или в моноэтнической среде этническая идентичность в сознании людей чаще всего не актуализирована, однако в случае переломных исторических моментов или межэтнических конфликтов она может приобретать большую значимость. Известно, что наиболее оптимальна та этническая идентичность, которая позитивна по отношению к себе и другим этническим группам. Отклонения от нормы могут происходить по типу гиперэтничности (этнонационализм) и этнической индифферентности (этнонигилизм) [Солдатова, с.106-107].

Результаты опроса молодежи двух стран показали, что объективные общечеловеческие характеристики, связанные с социальным статусом, семейными ролями, полом, возрастом, родом занятий и т.п., для молодежи обеих стран являются доминирующими, по сравнению с национальными проблемами. Национальная принадлежность как ценностный приоритет у российских респондентов отмечена в 18%, у белорусской – в 22 %, но в иерархии ценностей и тех, и других занимает последние места.

В целом, принадлежность к собственному народу у молодежи обеих стран вызывает преимущественно положительные чувства

Национальная идентичность часто связана с языком. В России абсолютное большинство молодежи (включая лиц различной этнической принадлежности) разговаривает на русском языке. В Белоруссии большинство молодежи также использует русский язык в различных сферах жизни, однако треть респондентов предпочитает разговаривать на белорусском языке (в основном дома, особенно в сельской местности).

Таблица 1

Чувства, связанные с этнической принадлежностью (%)

Чувства, вызываемые принадлежностью к своему народу	Российская молодежь	Белорусская молодежь
Положительные (гордость, спокойную уверенность)	84	83
Никаких чувств	12	7
Обида, униженность	4	2
Другое	10	8

Автостереотипы и гетеростереотипы в этническом сознании российской и белорусской молодежи

Резкое преобладание положительных автостереотипов «мы» или отрицательных гетеростереотипов «они» говорит о конфликтности или соперничестве между этносами. Однако, если в соотношении двух категорий стереотипов доминирует оценочный компонент, - т.е. преобладает фактор повышенного внимания к стереотипам, связанным с гетеротипами («они»), то это служит показателем нарушения позитивной идентичности членов группы и размытого чувства «мы». Устойчивость этнической идентичности - это совпадение автостереотипов и гетеростереотипов [Стефаненко, с. 246].

Исследование этнических стереотипов русских и белорусских студентов о себе и о представителях другого народа показало наличие спокойных межнациональных отношений. Автостереотипы русских и белорусов отличаются позитивностью, гетеростереотипы также носят преимущественно положительный характер с небольшой долей критичности, как и положено при характеристике другого. Наиболее повторяющиеся стереотипы русских и белорусов имели следующий вид.

В табл. №2 представлены конкретные стереотипы, отражающие доминирующие представления российской и белорусской молодежи, как о самих себе, так и друг о друге:

Таблица 2

Авто и гетеростереотипы российских и белорусских студентов

Автостереотипы россиян о себе	Автостереотипы белорусов о себе	Гетеростереотипы россиян о белорусах	Гетеростереотипы белорусов о россиянах
Сильные Смелые Добрые Работающие Честные Щедрые Строгие Суровые	Спокойные Мирные Дружелюбные Добрые Гостеприимные Скрытные Терпеливые Простые	Добрые Честные Гостеприимные Открытые Терпеливые Хозяйственные Чистоплотные Патриотичные	Активные Смелые Гордые Честные Добрые Искренние Имперские Агрессивные

Для более углубленного понимания образа страны, сформированного в сознании молодежи с помощью стереотипов обоих типов, в исследовании был использован

метод свободных ассоциаций [Муха, с. 81]. Респонденты должны были вписать в бланк анкеты ассоциации, связанные с природно-географическими, историческими, культурными, политическими и экономическими характеристиками России и Белоруссии.

Российские студенты о России

Природные характеристики: березы, тайга, Байкал, Сибирь, медведь.

Культурные характеристики: Кремль, Золотое кольцо, народные промыслы (гжель, хохлома), известные писатели, художники.

Исторические характеристики: победа над Наполеоном, победа в Великой отечественной войне, Российская империя, СССР, Российская федерация, полеты в космос.

Политические характеристики: флаг, гимн, Романовы, Путин, независимая политика государства.

Экономические характеристики: нефть, газ, космическая отрасль, сельское хозяйство, нестабильность экономики.

Российские студенты о Белоруссии

Природные характеристики: Беловежская Пуща, реки, поля, зубры, картошка.

Культурные характеристики: «Славянский базар», Якуб Колос, «Песняры», Би 2.

Исторические характеристики: Белоруссия в составе Российской империи, СССР, Независимая республика. Великая отечественная война.

Политические характеристики: Лукашенко, батька, авторитаризм, Союзное государство.

Экономические характеристики: развитое сельское хозяйство, колхозы, фермы, Белаз, МАЗ.

Белорусские студенты о Белоруссии

Природные характеристики: Беловежская пуща, леса, озера, реки, аисты, зубры.

Культурные характеристики: замки, ремесла, Якуб Колос, Франциск Скорина, художники

Исторические характеристики: Киевская Русь, белорусы в составе Литовского княжества и Речи Посполитой, Российская империя, СССР, Независимое государство

Политические характеристики: батька, Лукашенко, порядок.

Экономические характеристики: вспаханные поля, фермы, Белаз, МАЗ

Белорусские студенты о России

Природные характеристики: березы, медведи, природное разнообразие.

Культурные характеристики: Пушкин, Лермонтов, Кремль.

Исторические характеристики: Российская империя, СССР, Российская Федерация, Союзное государство

Политические характеристики: сильное вооружение, Путин, империя.

Экономические характеристики: нефть, газ, экономика, нестабильность.

Отношение белорусской и российской молодежи к построению союзного государства Россия-Беларусь

В настоящее время Россия и Белоруссия декларируют идею построения союзного государства, и нахождения в едином таможенном союзе. Вопрос анкеты, прямо акцентирующий внимание респондентов на этой теме, позволил выяснить следующее распределение приоритетов:

Представление русской и белорусской молодежи о наиболее целесообразной для России и Белоруссии форме государственности (% к числу опрошенных)

Государственное устройство	Русские о России	Белорусы о Белоруссии
Независимое государство	87	95
Союзное государство	38	27
Таможенный союз	87	78

Примечание: итог не составляет 100%. т.к. респондент мог выбрать несколько ответов на данный вопрос

С точки зрения геополитических позиций, молодежь двух стран предпочитает находиться в составе собственного независимого государства. Однако ответы на открытый вопрос анкеты о конкретных формах взаимодействия между двумя независимыми государствами показали, что выстраивать экономические отношения между собой оба государства, с точки зрения наших респондентов, должны, находясь в составе Союзного государства и стран Таможенного союза в целом. При этом отношения с Европейским союзом, как полагают и белорусские, и российские студенты, должны оставаться положительными. Отношения с США большинство российских и белорусских респондентов расценивают как недружественные по вине американцев, однако наши страны должны стремиться к миру.

Представления российской и белорусской молодежи о патриотизме

В настоящее время патриотические установки носят достаточно выраженный характер в обеих странах. На вопрос «Что такое патриотизм?» и русские, и белорусские студенты отвечали, что это прежде всего «любовь к своей стране», «гордость за нее», «вера в государство». Однако расширенный вариант ответа на этот вопрос показал, что представление о патриотизме у российских и белорусских студентов имеет различное наполнение.

Так, чувство патриотизма для русских складывается из успехов страны на международной арене, в области экономики, спорта и культуры. При этом российские студенты особо отмечают, что их патриотизм однозначно опирается на такой фундамент, как независимая политика страны на международной арене и укрепление суверенитета России в современном мире. Практически все российские студенты гордятся победой СССР в Великой отечественной войне и однозначно соотносят этот исторический факт с гордостью за Россию.

Белорусские студенты отвечают, что гордость за страну они ощущают «в связи с ее мирной и взвешенной политикой, в связи с согласием народа и его руководства, с наличием порядка в стране».

На вопрос, «увеличилось ли чувство патриотизма в стране?» и российские и белорусские студенты отвечают положительно, что, как мы полагаем, может быть не в последнюю очередь связано с мобилизационным моментом, возникшем на фоне усиления международных санкций как в отношении России, так и (в определенной степени) в отношении Белоруссии.

Выводы

Результаты исследования показали, что чувство этнической идентичности у российских и белорусских студентов отличается стабильностью. Авто и гетеростереотипы в целом свидетельствуют о позитивном восприятии молодежью двух стран образа друг друга. В геополитическом отношении каждая из стран хотела бы сохранять независимость, но к нахождению в едином экономическом таможенном

союзе относится положительно. Чувство патриотизма у русских и белорусов выражено ярко, но не переходит в стадию национализма. В целом можно сказать, что молодежь России и Белоруссии позитивно воспринимает друг друга и видит совместное будущее во взаимодействии двух стран.

Литература

1. Муха В.Н. Образ страны и образ народа: россияне о Беларуси и белорусах // теория и практика общественного развития 2013. №9, С.81
3. Солдатова Г.У Психология межэтнической напряженности. М. Смысл.1998, С106-107
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология.М., Ин-т психологии РАН. 1999, С. 246.

ВЫЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СТРУКТУРНО-ОТРАСЛЕВЫХ ВЫЗОВОВ В АСПЕКТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ТРАНСГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Соколов Александр Андреевич

*Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт степи УрО РАН, Оренбург, Россия
sokolovaa@rambler.ru*

Руднева О.С.

Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт степи УрО РАН, Оренбург, Россия

Аннотация. В работе проведено исследование трансформации отраслевой структуры хозяйства приграничных регионов России и Казахстана по основным видам экономической деятельности, включающие в себя различные компоненты отраслей производственного и непроизводственного сектора.

Ключевые слова: трансграничный регион, Россия, Казахстан, структурно-отраслевые сдвиги.

IDENTIFYING CURRENT STRUCTURAL AND SECTORAL CHALLENGES TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE RUSSIA-KAZAKHSTAN CROSS-BORDER REGION

Sokolov, Alexander

*Orenburg Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Institute of steppe of the Ural Branch of the RAS, Orenburg, Russia
sokolovaa@rambler.ru*

Rudneva, Oxana

Orenburg Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Institute of steppe of the Ural Branch of the RAS, Orenburg, Russia

Abstract. A study has been carried out on the transformation of the sectoral structure of the economy of the border regions of Russia and Kazakhstan into the main types of economic activity, including various components of the production and non-production sectors.

Keywords: cross-border region, Russia, Kazakhstan, structural-sectoral shifts.

Отраслевая структура экономики приграничных регионов России и Казахстана сложна и многомерна. Она включает в себя различные сочетания областей производственной и непроизводственной сферы, которые определяют специализацию и кооперацию приграничных регионов. Вследствие территориально-отраслевого разделения труда появляются разнообразные региональные особенности. Важнейшими факторами, влияющими на появление региональной специфики, являются: экономико-географическое положение, природные ресурсы, социальные, демографические и национальные особенности. В результате этого отрасли возникают в местах с наиболее подходящими условиями для их функционирования, а особенности территориально-отраслевого разделения труда создают специализацию в экономике отдельно взятых

регионов. Тем не менее, региональное структурно-отраслевое разделение труда со временем видоизменяются под влиянием разнообразных экономических стимулов и факторов, вследствие чего происходят территориальные структурно-отраслевые сдвиги [1; 3; 7].

В исследовании проведен анализ современных структурно-отраслевых сдвигов в 12 регионах России и 7 областях Казахстана. Данная территория преимущественно располагается на пространстве степной зоны Евразии, общая площадь трансграничного региона составляет 2606 тыс. км², и он вытянут с запада на восток на 3,5 тыс. км, а с севера на юг – более чем на 1,5 тыс. км. Широтное расположение региона определяет существенную протяженность межгосударственной границы, которая является самым протяженным непрерывным сухопутным рубежом в мире, ее длина составляет 7499 км [4; 6; 9]. Внутриконтинентальное расположение региона на границе Европы и Азии, между основными центрами мировой торговли определяет развитие его транспортных коридоров и инфраструктуры по направлениям как запад-восток, так и север-юг. В результате данная территория благодаря своему географическому положению, социально-экономическим особенностям, а также природным условиям и ресурсам обладает широким спектром для развития различных отраслей экономики [8, 11].

Региональный структурно-отраслевой сдвиг - взаимообусловленное, обратно-пропорциональное изменение отраслей, являющихся как основными в отраслевой структуре, определяющими специализацию и экономическое развитие территории, так и комплексирующими, взаимодополняющими, которое приводит к углублению или ослаблению региональной специализации. Из различных видов структурно-отраслевых сдвигов необходимо выделить следующие: 1 – по типам отраслей: общие и производственные; 2 – по типам специализации региона: моно-специализированные и поли-специализированные; 3 – по широте отраслей: внутриотраслевой и межотраслевой. Для понимания отклонений в структуре отраслей необходимо использовать значение объема структурно-отраслевого сдвига, под которым подразумевается определенная средняя величина. При этом выбор средней величины в качестве образца обусловлен тем, что в среднем значение отражается общее и специфичное, которое свойственно для структурных-отраслевых сдвигов исследуемых регионов [1].

Основными видами экономической деятельности, представленными в приграничных регионах России и Казахстана, являются: обрабатывающее производство, сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, а также непродовольственные отрасли (в том числе торговля и транспортные услуги). Однако каждый регион имеет свою территориальную специфику, при этом в целом трансграничный регион также имеет существенные отличия от общей структуры экономики России и Казахстана (табл. 1).

Таблица 1

Динамика отраслевой структуры в России, Казахстане и трансграничном регионе за 2005 и 2017 гг., в процентах

	2005			2017		
	С. х.	Пром-сть	Сфера услуг	С. х.	Пром-сть	Сфера услуг
Россия	5,5	40,8	53,7	4,6	39,7	55,7
Казахстан	7	41,5	51,5	4,5	32,3	63,2
Приграничье России	11,7	40,5	47,8	8,7	40,6	50,7
Приграничье Казахстана	12,2	44,8	43	8,7	40,1	51,2

Проведенный анализ отраслевой структуры по трансграничному региону, показал практически двухкратное превышение доли сельского хозяйства в сравнении с показателями России и Казахстана. Так как территория трансграничного региона имеет более благоприятные природно-климатические условия для ведения сельского хозяйства, это обуславливает существенно больший вклад данной отрасли в общую структуру экономики. При этом доля промышленности и сферы услуг немного отличается в сравнении с показателями по России и Казахстану, однако существенно значимых различий нет. Если сравнивать непосредственно отраслевую структуру приграничных регионов России и Казахстана, то здесь практически не наблюдается никаких отличий.

Анализируя динамику структурно-отраслевого сдвига, как в трансграничном регионе, так и по странам в целом, можно наблюдать схожие изменения. Сокращается доля производственных отраслей и растет доля непроизводственного сектора [10]. Однако доля промышленного производства в трансграничной зоне сокращается медленнее чем по странам в целом. Так доля промышленности в приграничных регионах России осталась практически без изменений [2; 5], а вот в приграничных регионах Казахстана она сократилась на 4,7%. За этот период снижение доли промышленности по России составило 1,1%, а по Казахстану 9,2%. Доля отраслей сельскохозяйственного сектора также снижается, но в трансграничном регионе это происходит более значительно, на 3% в российской части и на 3,5% в казахстанских регионах.

В тоже время в непроизводственном секторе наблюдается значительный рост, данная отрасль активно трансформируется. Рост доли сферы услуг в российском приграничье составил 2,9%, а в регионах казахстанского приграничья - 8,2% [10].

При изучении структурно-отраслевого сдвига на региональном уровне, наблюдаются схожие тенденции (рис. 1). Если в 2005 г. непроизводственный сектор был преобладающей отраслью для 9 из 19 регионов российско-казахстанского приграничья, то в 2017 г. их количество увеличился до 13. При этом рост удельного веса за это период наблюдался в 14 регионах. Наибольший прирост пришелся на такие регионы как: Республика Алтай – 23,2%, Актыбинская область – 16,3% и Омская область – 12,7%. Наибольший спад удельного веса наблюдался в Тюменской - 27,2% и Астраханской областях - 8,7%, но он обусловлен не столько сокращением непроизводственной сферы, сколько ростом объемов в других отраслях.

Количество регионов, в которых доминировало промышленное производство уменьшилось с 10 до 6, при этом сокращение удельного веса произошло в 11 регионах. Наибольший спад промышленной отрасли наблюдался в Республике Алтай - 28,5%, в Актыбинской - 16,6% и Омской областях - 11,7%. В то время как максимальный рост удельного веса промышленности наблюдался в Тюменской и Астраханской областях, он достигал 28,1% и 11%. Такой существенный структурно-отраслевой сдвиг в промышленном производстве этих регионов обусловлен ростом нефтехимического сектора, а также производством резиновых и пластмассовых изделий.

Сектор сельскохозяйственного производства не является преобладающей отраслью ни в одном из регионов российско-казахстанского приграничья, однако ее доля существенно превышает среднее значение по другим регионам как России, так и Казахстана. Сокращение удельного веса сельского хозяйства в период с 2005 по 2017 гг. наблюдалось в 15 из 19 регионах степной зоны. Наибольший спад был отмечен в Северо-Казахстанской -10,9% и Костанайской - 10,6% областях, а наибольший рост наблюдался в Республике Алтай – 5,3%.

Анализируя регионы степной зоны в зависимости от их специализации, большинство из них относится к поли-специализированным с высокой степенью диверсификации экономики и лишь два региона имеют ярко выраженную специализацию и их можно отнести к моно-специализированным. В частности, в Оренбургской области на долю добычи полезных ископаемых приходится около 40% ВРП, это ставит перед регионом серьезные социально-экономические и экологические вызовы в аспекте дальнейшего устойчивого развития территории. Еще одним регионом с низкой степенью диверсификации экономики является Северо-Казахстанская область, здесь на долю сельского-хозяйства приходится около 25,3% ВРП, это более чем в 5 раз превосходит данный показатель по Казахстану и практически в 3 раз для приграничных регионов Казахстана.

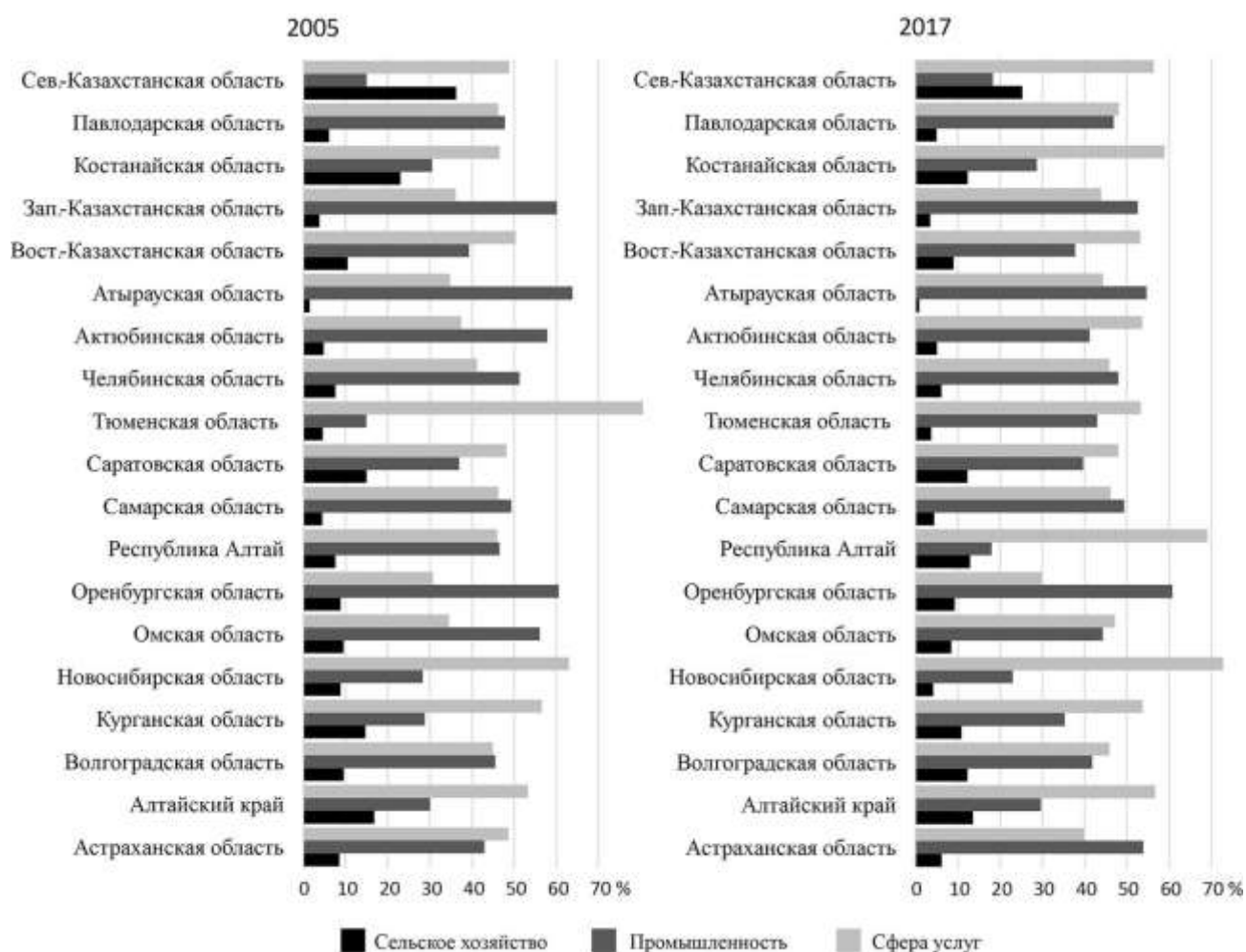

Рисунок 1. Динамика удельного веса основных видов деятельности в регионах российско-казахстанского трансграничья за 2005 и 2017 гг. [4; 13]

Важнейшим результатом структурно-отраслевого сдвига являться углубление специализации. Этот процесс непрерывный и он показывает изменения объемов как доминирующих, так и прочих отраслей экономики. В приграничных регионах большая часть структурно-отраслевого сдвига приходится на доминирующие отрасли непроизводственного сектора, однако на многих территориях на не доминирующие отрасли приходится основной вклад в эти изменения.

В 12-и приграничных регионах в период с 2005 по 2017 гг. максимальный прирост пришелся на непроизводственный сектор по таким видам экономической

деятельности как: торговля, транспорт, операции с недвижимостью и государственное управление. В 5-и регионах наибольшим по приросту сектором экономики была промышленность с преобладанием добычи полезных ископаемых, обрабатывающего производства, энергетики и строительства. Важный вклад в развитие экономики 2-х приграничных регионов внесло сельское хозяйство с преобладанием растениеводства.

В последние десятилетия в Российско-казахстанском трансграничном регионе происходит структурно-отраслевая перестройка экономики. Трансформация затрагивает широкий диапазон отраслей экономики: от сельского хозяйства до энергетики, металлургии, торговли, транспорта и др. Приграничные регионы проходят этап догоняющего развития, уверенно растет доля непроизводственного сектора, в настоящее время она составляет 50,9%, однако это меньше среднего показателей по миру – 63%. При этом доля промышленности – 40,4% и сельского хозяйства – 8,7% хоть и сокращается, но по-прежнему остается высокой и превосходит сопоставимые показатели по миру (промышленность – 30%, сельское хозяйство – 6,4%). Данные структурные дисбалансы являются современными вызовами и требуют существенных усилий по их оптимизации [12]. В тоже время наличие значительной асимметрии в структурно-отраслевых сдвигах непосредственно между Российской и Казахстанской сторонами трансграничья не выявлено.

Из приведенного анализа современных структурно-отраслевых сдвигов в степной зоне можно выделить ряд региональных особенностей:

- Значительный рост доли непроизводственного сектора (торговля, транспорт) за счет сокращения традиционных видов деятельности (обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство): Республика Алтай, Актюбинская, Омская и Костанайская области;
- Кардинальная трансформация структуры экономики (смена доминирующих отраслей - существенное сокращение доли сферы услуг при пропорциональном росте промышленности) – Тюменская и Астраханская области;
- Высокая степень деградации старых отраслей экономики при незначительном росте новых видов деятельности (в основном в сфере услуг): Республика Алтай, Северо-Казахстанская область;
- Незначительные изменения общей структуры при сохранении доминирующей роли традиционных отраслей экономики: Саратовская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская области;
- Отсутствие значимых структурно-отраслевых сдвигов (практически полное сохранение пропорций между основными видами экономической деятельности): Самарская и Оренбургская области.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках темы государственного задания АААА-А21-121011190016-1.

Литература

1. Антонюк В.С., Вансович Э.Р. Региональные отраслевые структурные сдвиги в моноспециализированных регионах // Экономические науки. 2010. №73. С. 195-200.
2. Багров Н.М., Плотников В.А. Состояние и развитие Российской промышленности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. №6(102). С. 170-177.
3. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. Тихоокеанский институт географии ДВО РАН. - М.: Наука, 2007. 239 с.
4. Голунов С.В. Приграничное сотрудничество России и Казахстана: проблемы и пути развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. №6. С. 84-91.

5. Заводы России. URL: <https://xn--80aegj1b5e.xn--p1ai/> (дата обращения: 11.01.2021).
6. Зотова М.В., Колосов В.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б., Карпенко М.С. Территориальные градиенты социально-экономического развития Российского пограничья // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. №5. С. 7-21. doi: 10.1134/S2587556618050163.
7. Лучников А.С., Меркушев С.А., Спешилова С.С. География сферы обслуживания в отечественной социально-экономической географии и роль трудов Н.В. Ивановой в развитии дисциплины (к 90- летию ученого и педагога) // Географический вестник. 2020. №1(52). С. 107-119. doi: 10.17072/2079-7877-2020-1-107-119.
8. Соколов. А.А., Чибилёв А.А., Руднева О.С., Барбазюк Е.В., Дубровская С.А., Кин Н.О., Климентьев А.И., Левыкин С.В., Павлейчик В.М., Падалко Ю.А., Петрищев В.П., Поляков Д.Г., Рябуха А.Г., Сивохиц Ж.Т., Чибилёв А.А. (мл.). Географический атлас Оренбургской области. Оренбург, Институт степи УрО РАН; РГО, 2020. 160 с.
9. Соколов А.А. Сравнительно-экономический анализ стран Таможенного союза ЕврАзЭС // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. №1(45). С. 227-230.
10. Ткаченко А.А., Фомкина А.А. География сферы обслуживания и география сектора услуг: пройденный путь, состояние, перспективы // Региональные исследования. 2016. №3(53). С. 5-13.
11. Чибилёв А.А. Природное наследие степей Евразии. Оренбург, 2014. 100 с.
12. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (дата обращения: 25.01.2021).

ВЛИЯНИЕ СТАТУСА ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ НА ПОПОЛНЯЕМОСТЬ МЕСТНОГО БЮДЖЕТА

Трофимова Ярослава Владимировна

Центр стратегических и междисциплинарных исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия
tro1@mail.ru

Аннотация. В статье предложено расширенное толкование понятия «приграничные территории», обозначены особенности Республики Башкортостан как «приграничной территории». Автором сформулированы предложения по изменению механизма расчета НДФЛ для участников внутренней трудовой миграции.

Ключевые слова: приграничная территория, маятниковая миграция, бюджет, налог на доходы физических лиц, Республика Башкортостан, Республика Казахстан, общественные услуги.

INFLUENCE OF BORDER AREA STATUS FOR REALIZATION OF THE LOCAL BUDGET

Trofimova, Yaroslava

Center for Strategic and Interdisciplinary Research UFIC RAS, Ufa, Russia
tro1@mail.ru

Abstract. The article proposes an expanded interpretation of the concept of «border territories», identifies the features of the Republic of Bashkortostan as a «border territory». The author developed proposals to change the mechanism for calculating personal income tax participants in internal labor migration.

Keywords: border area, commuting, budget, personal income tax, Republic of Bashkortostan, Republic of Kazakhstan, public services.

Понятие «приграничные территории»

«Приграничные территории» - территории, которые прилегают к Государственной границе РФ. Именно такое определение заложено в ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» [9]: приграничные субъекты РФ - субъекты РФ, территории которых прилегают к Государственной границе РФ. Территории приграничного сотрудничества РФ - территории приграничных субъектов РФ и муниципальных образований приграничных субъектов РФ, а также определенные международными договорами РФ иные территории РФ. Для приграничных территорий особенно актуальны задачи сотрудничества (контактная граница) и национальной безопасности (барьерная граница). Расширенное толкование «приграничных территорий» позволяет относить к ним территории, непосредственно прилегающие к Государственной границе, а также находящиеся в относительной близости от нее.

Республика Башкортостан (РБ) находится в непосредственной близости от Государственной границы с Республикой Казахстан (РК). На юго-востоке, юге и юго-западе от РБ расположена Оренбургская область, территория которой в самом узком месте между РБ и РК составляет 50 км, поэтому Башкортостан в широком смысле слова можно считать приграничным регионом. РБ граничит на севере с Пермской и

Свердловской областями, на востоке - с Челябинской областью, на западе - с Республикой Татарстан, на северо-западе - с Удмуртской Республикой. Специфика сотрудничества с приграничными территориями, включая РК для Башкортостана – это близость к крупнейшим промышленным центрам соседних регионов: г. Магнитогорск Челябинской области, г. Альметьевск, г. Лениногорск Республики Татарстан и т.д., которая приводит к росту трудовой миграции из РБ.

Трудовая миграция

Трудовая миграция – широкое понятие, включающее внутреннюю и внешнюю, межрегиональную, маятниковую, временную и долгосрочную миграцию и т.д. [6]. В 2020 г. в РФ выезжало на работу за пределы своего региона проживания в другие субъекты РФ 2,8 млн. человек или 3,9% от численности занятого населения. Максимальная временная трудовая эмиграция отмечалась в 10 субъектах РФ, включая РБ (рис.1).

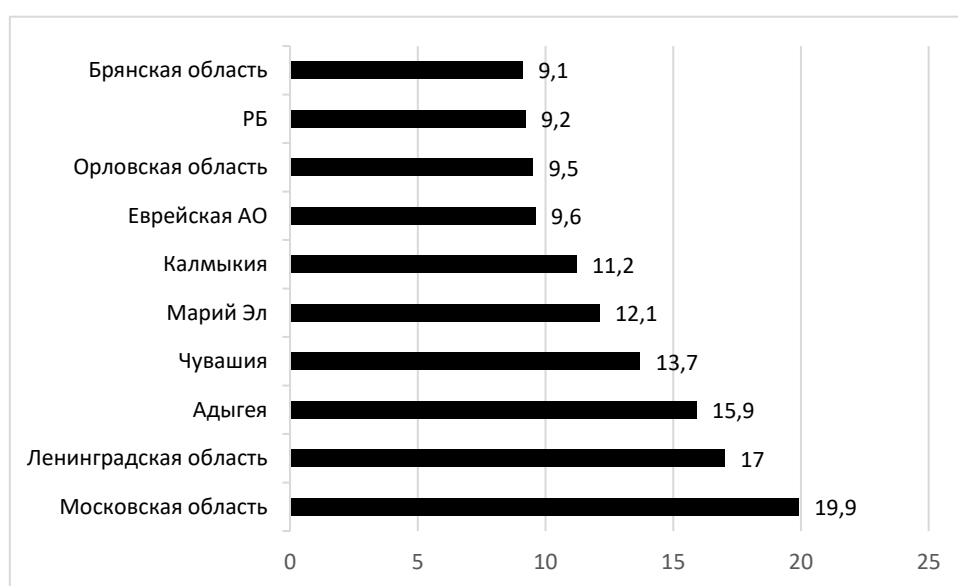

Рисунок 1. Доля занятого населения в % от работающего населения за пределами своего региона за 2020 г.¹

Какова взаимосвязь между трудовой миграцией и налоговыми поступлениями в местные бюджеты?

Доходы территорий - субъектов РФ включают собственные доходы (налоговые и неналоговые доходы, безвозмездные перечисления и др.), субвенции из федерального бюджета, заемные средства. В бюджеты субъектов РФ подлежат зачислению, в частности, налоговые доходы от федеральных налогов и сборов, включая налог на доходы физических лиц (НДФЛ) – по нормативу 85 %, в местные бюджеты – 15%. Согласно НК РФ (статьи 207, 224) налогоплательщик НДФЛ - физическое лицо - резидент, получающий доход из источников на территории РФ, уплачивает налог по ставке 13%, если сумма налоговых баз за налоговый период менее 5 млн руб., и по ставке 15%, если - более 5 млн руб.; физическое лицо - нерезидент - по ставке 30%. По

¹ по: Пресс-выпуск от 02.04.2021 № 07-1-13/12 «Трудовая миграция жителей Республики Башкортостан в 2020 году». Территориальный орган федеральной службы госстатистики по РБ https://bashstat.gks.ru/press_bshkrt/document/118897

договору о Евразийском экономическом союзе (статья 73) [2] эти же нормы относятся к трудовым мигрантам из стран ЕАЭС, включая Казахстан.

В структуре налоговых доходов бюджета РБ, наряду с налогом на прибыль, НДСЛ - один из основных источников. Налоговые поступления по НДСЛ в налоговых и неналоговых доходах консолидированного бюджета РБ выросли с 30,2% в 2017 г. до 37,6% в 2020 г. Это свидетельствует о росте зависимости доходов регионального и местных бюджетов от ситуации на рынке труда региона и соседних территорий. При уплате НДСЛ у источника дохода налоговые поступления оседают в бюджете того региона, где занят работник, а не в месте получения им общественных благ. В результате местный бюджет страдает от недополучения средств и дополнительной нагрузки за счет предоставления бюджетных услуг «маятниковым» работникам¹. Маятниковые работники готовы пользоваться общественными благами той территории, где они проживают, но не готовы платить за это [8, с.38]. Расчет показал, что при среднем уровне доходов по регионам-реципиентам (Тюменская область, Республика Татарстан, Челябинская область и др.) выпадение налоговых доходов по НДСЛ в консолидированном бюджете РБ за 2020 г. составило около 14 млрд. руб. или 23% от суммы НДСЛ, поступившей в бюджет РБ.

Учитывая зарубежный опыт, а также дисбаланс на рынке труда можно сделать вывод, что межрегиональная миграция в РБ как социально-экономическое явление сохранится и в будущем с учетом поддержания ориентации на нефтехимическую сферу [3]. Усиление сотрудничества с приграничными территориями - Республикой Казахстан приведет к росту временной миграции. Об этом свидетельствует ситуация на рынке труда Казахстана: избыток низкоквалифицированной рабочей силы и нехватка квалифицированных специалистов с высшим и средним специальным образованием в нефтехимической промышленности, сфере информационных технологий и т.д. [1, 5].

Проблема необходимости перераспределения налоговых поступлений от НДСЛ между регионами может быть решена следующим образом:

1 вариант: заменить уплату НДСЛ у источника дохода уплатой по месту нахождения (регистрации) налогоплательщика путем подачи ежемесячной цифровой декларации в налоговый орган.

2 вариант: запустить механизм горизонтальных трансфертов. Поступившие налоговые доходы по НДСЛ в бюджет региона – реципиента (региона, принимающего мигрантов) предлагается перераспределять между регионом – донором и реципиентами. Перераспределение налоговых поступлений по НДСЛ осуществлять с учетом среднего размера домохозяйств в 3,8 человека следующим образом: 1/4 налоговых поступлений по НДСЛ оставлять в бюджете региона – реципиента или 1/3 с учетом расходов по перемещению и проживанию маятникового работника и 3/4 или 2/3 налоговых поступлений по НДСЛ перенаправлять по месту проживания семьи (и маятникового работника) в бюджет региона – донора.

Таким образом, взимая НДСЛ по месту фактического проживания работающего лица либо перераспределяя налоговые доходы по НДСЛ, регион и муниципалитет получают возможность за счет роста налоговых доходов от маятниковых работников, предоставлять бюджетные услуги населению данной территории в большем объеме и лучшего качества. Для повышения мобильности необходимо, прежде всего, развитие транспортной инфраструктуры между регионами [7], требующее государственного финансирования. Статус приграничной территории в условиях маятниковой миграции негативно влияет на пополняемость местного бюджета. Поддерживая маятниковую

¹ В данной статье: маятниковые мигранты – те, кто ежедневно и (или) регулярно ездит на работу, удаленную от места фактического проживания, включая вахтовиков.

миграцию государство способствует интеграции регионов, более рациональному использованию трудовых ресурсов, сокращению отставания от европейских стран и азиатских соседей [4]. Межрегиональная миграция становится важным механизмом корректировки региональных дисбалансов.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

Литература

1. В Казахстане чувствуется кадровый дефицит квалифицированных специалистов URL:https://forbes.kz/process/expertise/v_kazahstane_chuvstvuetsya_kadrovyy_defitsit_kvalifitsirovannyih_spetsialistov/(дата обращения 20.08.2021).
2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/(дата обращения 25.08.2021).
3. Зулькарнай И.У. Структурная перестройка экономики или сохранение нефтехимической специализации экономики Республики Башкортостан? // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 6 (156). С. 11-14.
4. Зулькарнай И.У. Этапы трансфера научных результатов в экономику страны и взаимосвязь институциональных, экономических и организационных условий, определяющих его эффективность // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 2 (158). С. 20-24.
5. Как изменилась зарплата в Центральной Азии по отношению к доллару? URL:<https://cabar.asia/ru/kak-izmenilas-zarplata-v-tsentralnoj-azii-po-otnosheniyu-k-dollaru>(дата обращения 21.08.2021).
6. Статистика международной миграции. Практическое руководство для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Европейская экономическая комиссия ООН. Фонд ООН в области народонаселения URL:https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/RUS_International_Migration_Statistics_Practical_Guide.pdf (дата обращения 21.08.2021).
7. Трофимова Я.В. Дорожные платежи в системе российских налогов и сборов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. №6 (134). С. 94 - 101.
8. Трофимова Я.В. Инновации как фактор экологизации экономики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. №5 (133). С. 33 -39.
9. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. N 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» URL:<https://rg.ru/2017/07/31/sotrudnichestvo-dok.html>(дата обращения 29.08.2021).
10. OECD (2019), Казахстан: мониторинг процесса повышения квалификации кадров посредством внедрения профессиональных стандартов, OECD Publishing, Paris. <https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/central-asia/Kazakhstan-Monitoring-Skills-Development-through-Occupational-Standards-2019-RUS.pdf>(дата обращения 28.08.2021).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА: ПОРА ПОЗНАКОМИТЬСЯ ПОБЛИЖЕ

Хмелева Галина Анатольевна

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», Самара,
Россия
galina.a.khmeleva@yandex.ru*

Курникова Марина Викторовна

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», Самара,
Россия
mvkurnikova@gmail.com*

Влезкова Виктория Игоревна

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», Самара,
Россия
vlezkova@yandex.ru*

Аннотация. Несмотря на ЕАЭС и интенсивную работу по согласованию законодательства, таможенному регулированию, предварительные результаты опросов показывают, что для развития приграничного сотрудничества еще многое предстоит сделать именно на низовом уровне, то есть на уровне местного населения, бизнеса, граждан по информированию.

Ключевые слова: приграничный регион, Россия, Казахстан, приграничное сотрудничество, экономическая интеграция.

CURRENT STATE OF BORDER COOPERATION RUSSIA AND KAZAKHSTAN: TIME TO GET CLOSER

Khmeleva, Galina

*Samara State University of Economics, Samara, Russia
galina.a.khmeleva@yandex.ru*

Kurnikova, Marina

*Samara State University of Economics, Samara, Russia
mvkurnikova@gmail.com*

Vlezkova, Viktoria

*Samara State University of Economics, Samara, Russia
vlezkova@yandex.ru*

Abstract. Despite the EAEU and intensive work on harmonizing legislation, customs regulation, preliminary results of surveys show that much remains to be done to develop cross-border cooperation precisely at the grassroots level, that is, at the level of the local population, business, citizens for information.

Key words: border region, Russia, Kazakhstan, border cooperation, economic integration.

Одним из важнейших вопросов интеграционной повестки России является развитие приграничного сотрудничества, поскольку именно такие регионы в

наибольшей степени характеризуются общностью интересов и, как правило, имеют совместное историческое развитие [5, с. 319]. Сотрудничество России и Казахстана имеет долгую историю «хороших» и не очень событий. С распадом СССР наши страны вступили в новую эпоху отношений, которые развиваются с различным успехом. Казахстан входит в число основных торговых партнеров России, занимая 11 место. Для Казахстана Россия является главным торговым партнером с долей товарооборота более 20%. Динамика товарооборота в последние годы носит устойчивый характер. Ковидный 2020 год оказал негативное влияние, товарооборот снизился на 4,9% и составил 19 млрд. долл. экспорт снизился на 2%, составил 14 млрд. долл.¹ Вслед за Россией, для Самарской области Казахстан является в основном экспортным направлением.

Взаимные связи приграничных регионов России и Казахстана опираются на реализацию Договора о Евразийском экономическом союзе, который принят в 2014 году. ЕАЭС создан на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Казахстана и Белоруссии как международная организация региональной экономической интеграции с обеспечением свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Сегодня наряду с этими странами в ЕАЭС входят Армения и Киргизия.

Не только политики, но и ученые отмечают создание эффективных механизмов, позволяющих эффективно реализовывать совместные проекты развития в самых разных отраслях экономики [1, с. 109; 3, с.38]. Среди наиболее значимых проектов следует отметить производство вакцины «Спутник V» от COVID-19², реализуется семь проектов солнечной энергетики российской компании ГК «Хевел»³. В 2021 году на заводе «СарыаркаАвтоПром» запущено совместное производство автомобилей LADA⁴. Правительство РК и группа компаний СБЕР заключили соглашение о создании платформы цифрового правительства⁵.

Несмотря на активную работу по гармонизации законодательства стран, входящих в ЕАЭС, реализацию совместных проектов, вопрос о развитии интеграции не является однозначным. В частности, в последние годы авторы отмечают такие вызовы для российско-казахстанского сотрудничества, как изменение демографического состава и политика «казахизации», что приводит к эрозии общего информационного и социокультурного пространства приграничных регионов [4, с. 25]. Государства-члены ЕАЭС пока проигрывают другим странам мира в качестве образовательных услуг, интенсивности научно-технического сотрудничества, что снижает интеграционный потенциал [2, с. 769].

Для выяснения текущего состояния и перспектив развития приграничного сотрудничества мы провели опрос среди населения разного возраста, представителей предприятий и органов власти Казахстана и приграничных регионов России с целью

¹ Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 05.10.2021)

² В Казахстане началось производство российской вакцины "Спутник V". URL: <https://tass.ru/obschestvo/10307827> (дата обращения: 05.10.2021)

³ Официальный сайт ГК «Хэвел». Солнечная электростанция «Нура» (Республика Казахстан). URL: <https://samara.hevelsolar.com/projects/solnechnaya-elektrostantsiya-nura-respublika-kazakhstan/> (дата обращения: 05.10.2021)

⁴ Официальный сайт ОАО «Автоваз». Автоваз продолжает развивать присутствие в Республике Казахстан. URL: <https://www.lada.ru/press-releases/119403> (дата обращения: 05.10.2021)

⁵ Сбербанк будет сотрудничать с Казахстаном в проектах по цифровой трансформации республики. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12292499> (дата обращения: 05.10.2021)

выяснить их восприятие приграничного сотрудничества, о динамике и факторах, препятствующих дальнейшему развитию.

Несмотря на то, что опрос планируется продолжить, уже можно представить предварительные результаты на сентябрь 2021 года. В опросе приняли участие 128 человек из приграничных регионов России (Алтайский край, Республика Алтай, Астраханская, Волгоградская, Курганская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Тюменская, Челябинская области) и Казахстана.

На вопрос о том, насколько опрашиваемые знакомы с Договором о Евразийском экономическом союзе 67,5% ответили, что слышали, но не знакомились с его содержанием. Те, кто уже осуществляют сотрудничество с Казахстаном, отметили хорошее и отличное знание основополагающего документа, закрепляющего основы реализации взаимного сотрудничества.

На вопрос о своем отношении к Договору о Евразийском сотрудничестве наиболее популярными ответами стали: «Этот договор позволяет установить единые таможенные пошлины» (60,2%) и «Этот договор позволяет с успехом реализовать проекты развития в различных областях» (46,1%). 22% опрошенных имеют в Казахстане родственников и друзей. Четверть из опрошенных затруднились с определением своего отношения к Договору.

67,7% считают, что для его региона проживания очень важно развивать сотрудничество с Казахстаном. Большинство опрошенных с казахской стороны также заинтересованы в сотрудничестве с регионами Российской Федерации.

Неоднозначная картина сложилась среди ответов на вопрос о развитии сотрудничества между своим регионом и Казахстаном за последние 10 лет и отношением респондентов к этому сотрудничеству за тот же период. Большинство опрашиваемых не видят прогресса или затруднились его оценить (59,4%). Вместе с тем, 18,8% отмечают однозначный прогресс, 5,5% однозначно отмечают охлаждение процесса сотрудничества.

75% опрошенных уже имели опыт международного сотрудничества и 87,4% в целом удовлетворены полученным опытом. Наиболее популярными сферами выступили международная торговля (60,8%), совместное оказание услуг (23%), международное сотрудничество в области образования (17,6%). При этом мерами поддержки воспользовались 24,7%. 52,3% имеют опыт трансграничного сотрудничества с Казахстаном: 60% в сфере международной торговли, 19,6% в сфере совместного оказания услуг, 17,9% принимали участие в приграничном сотрудничестве в области образования и 10,7% производили совместно продукцию. В целом участники торгово-экономического сотрудничества были удовлетворены полученным опытом.

Большинство из опрошенных (71,1%) рассматривают Казахстан в качестве потенциального партнера, причем 20,3% уже точно знают, с кем будут сотрудничать.

Анализ результатов показал, что недостаток знаний друг о друге является серьезным препятствующим фактором для сотрудничества (рис. 1)

В своих анкетах 50% респондентов указали на то, что недостаток информации препятствует началу сотрудничества с Казахстаном на момент опроса. Среди тех, кто уже имеет опыт международного сотрудничества 42% указали на недостаток информации.

При анализе ответов респондентов относительно факторов, препятствующих развитию приграничного сотрудничества, мы оставили в выборке только тех, кто уже имел опыт сотрудничества с другими странами, включая Казахстан.

Среди таких ответов наибольший удельный вес заняла группа факторов, связанных с недостатком знаний в области таможенного регулирования ВЭД (10%), нормативно-правового регулирования ВЭД России и Казахстана (11%), в области

поддержки субъектов МСП (5%). Отдельной части опрошенных субъектов ВЭД (17%) не хватило заинтересованности органов государственной власти и местного самоуправления в развитии внешнего сотрудничества (рис. 2).

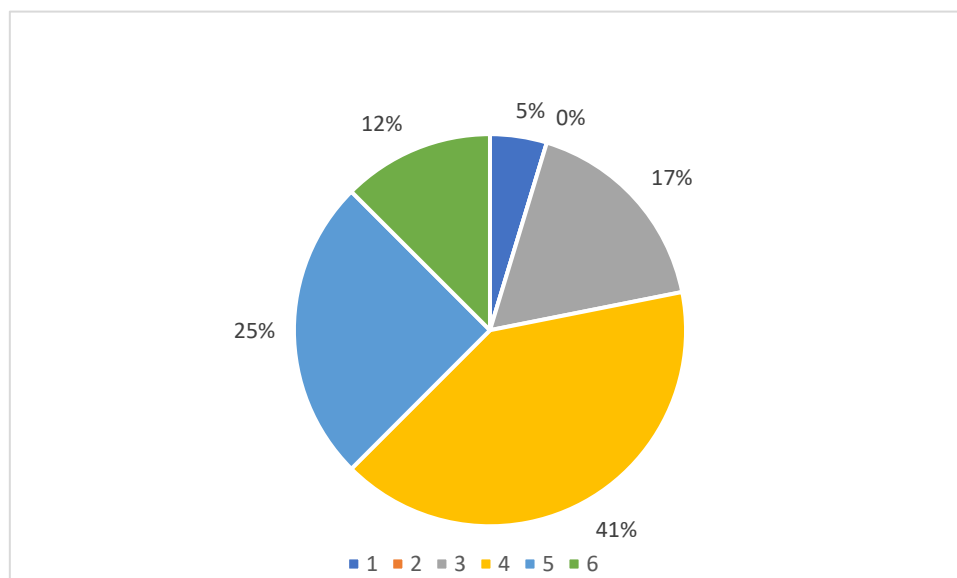

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько фактор "информация о партнерах" является препятствием для начала сотрудничества с Казахстаном?» (от 1 – «не знаю, с кем буду сотрудничать» до 6 – «уже точно буду сотрудничать»)

Рисунок 2. Распределение ответов о значимых нормативно-правовых факторах, препятствующих развитию экономического взаимодействия и торговли Самарской области и Казахстана, %

Ответы на вопрос об экономических факторах, препятствующих развитию экономического взаимодействия и торговли Самарской области и Казахстана, подтверждают гипотезу о недостатке информации для участников ВЭД (рис. 3).

Так, 22% респондентов отметили низкий уровень информированности об уровне предложения на рынках, 15% хотели бы больше знать об особенностях спроса на рынках, 10% о конкурентных ресурсах (преимуществах) территории.

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос об экономических факторах, препятствующих развитию экономического взаимодействия и торговли Самарской области и Казахстана, %

Среди социальных факторов (рис. 4), препятствующих развитию экономического взаимодействия и торговли Самарской области и Казахстана, респонденты в большей степени обратили внимание на низкий уровень информированности об особенностях поведения потенциальных клиентов (19%), разное понимание договорных отношений (12%) и наличие особенностей корпоративной культуры (9%).

Рисунок 4. Распределение ответов о социальных факторах, препятствующих развитию экономического взаимодействия и торговли Самарской области и Казахстана, %

Результаты опроса показали, что соседствующие Самарская область и Казахстан, к сожалению, недостаточно знают друг о друге. Несмотря на создание ЕАЭС, на низовом уровне реальных сдвигов в двустороннем сотрудничестве пока достичь не удастся. Более того, в последнее время наметилась, пока еще слабая, но тенденция охлаждения двустороннего торгово-экономического сотрудничества, подкрепленная ковидными ограничениями физического перемещения людей. Поскольку в рамках ЕАЭС создано единое экономическое пространство и существует возможность реализации проектов развития, необходимо запустить проект по обучению (повышению квалификации) потенциальных экспортеров. Реализовать подобные проекты могут ведущие вузы приграничных с Казахстаном и с Россией регионов, а участниками станут потенциальные экспортеры по обе стороны границы. Указанные меры, на наш взгляд, будут способствовать решению немаловажной проблемы - конвертации приграничного положения регионов в их конкурентное преимущество [6, с. 458].

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК № 21-510-23002.

Литература

1. Бурнасов А.С., Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В. Российско-казахстанский вектор приграничного экономического сотрудничества в рамках интеграционных процессов евразийского экономического союза // Уральское востоковедение. – 2018. – №7. – С. 108-113.
2. Варганова М.Л. Мониторинг экономических показателей интеграционных процессов стран Евразийского экономического союза // Экономические отношения. – 2019. – Том 9. – № 2. – С. 759-770. – doi: 10.18334/eo.9.2.40727.
3. Иванов В.Н., Жундубаев М.К. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – №7 (292). – С. 38-51.
4. Карпенко М.С. Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества // Известия РАН. Серия географическая, 2019, № 1, с. 24–36.
5. Ткаченко М.Ф., Журова А.В. Факторы и потенциал приграничного сотрудничества регионов государств-членов ЕАЭС // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2017. – №3. – С. 319-332. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-319-332
6. Хмелева Г.А., Федоренко Р.В. Основные тенденции и факторы формирования конкурентных преимуществ приграничных регионов // Экономические отношения. 2021. Т. 11. № 2. С. 439-458.

ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ СТРОИТЕЛЬСТВА ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ДОРОГИ ЧЕРЕЗ РЕСПУБЛИКУ БАШКОРТОСТАН

Хужахметова Гульнара Нургалеевна

*Институт социально-экономических исследований - обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа,*

Россия

suve@mail.ru

Аннотация: Находясь в центре Евразии, Башкортостан обладает значительным транзитным потенциалом, предоставляя наземную транспортную связь как между странами Европы и Азии так и развитую сеть путей сообщения внутри страны. Важное значение уделяется строящимся новым участкам трансконтинентальной дороги, которая будет проложена и через территорию Башкортостана. Часть трассы М-12 протяженностью 65 км будет проходить через северо-западные районы Башкортостана: Илишевский, Дюртюлинский и Чекмагушевский районы республики, которые входят в Уфимскую агломерацию. Новая дорога будет проложена в обход населенных пунктов Исаметово, Верхнеяркеево, Лаяшты, Ишкарово и Асяново. На наш взгляд возможно количественное измерение транзакционных издержек, которые закладываются в смету стоимости строительства трансконтинентальной дороги. Используя разработанную методику оценки общих издержек и социо-эколого-экономическую эффективность организации, которая рассматривается по формуле: $C_t = f(y, N, I, a, b, t)$. Это позволит все издержки, включая транзакционные рассчитать по формуле: $TC = FC + VC + C_t$, для максимального учета всех экономических издержек на строительство трансконтинентальной магистрали.

Ключевые слова: транзакционные издержки, трансконтинентальная дорога, логистическая инфраструктура.

TRANSACTION COSTS OF CONSTRUCTION OF A TRANSCONTINENTAL ROAD THROUGH THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Khuzhakhmetova, Gulnara

ISEI UFITS RAS, 450054, Ufa, Russia

isei@anrb.ru

Abstract. Being in the center of Eurasia, Bashkortostan has a significant transit potential, providing land transport links both between the countries of Europe and Asia and a developed network of communication routes within the country. Great importance is attached to the new sections of the transcontinental road under construction, which will also be laid through the territory of Bashkortostan. Part of the M-12 highway with a length of 65 km will pass through the north-western regions of Bashkortostan: Ilishevsky, Dyurtyulinsky and Chekmagushevsky districts of the republic, which are part of the Ufa agglomeration. The new road will be built bypassing the settlements of Isametovo, Verkhneyarkeyevo, Layashty, Ishkarovo and Asyanovo. In our opinion, it is possible to quantitatively measure transaction costs, which are

included in the estimate for the construction of a transcontinental road. Using the developed methodology for assessing the total costs and socio-ecological and economic efficiency of the organization, which is considered according to the formula: $C_t = f(y, N, I, a, b, t)$. This will allow all costs, including transaction costs, to be calculated using the formula: $TC = FC + VC + C_t$, for maximum consideration of all economic costs for the construction of a transcontinental highway.

Key words: transaction costs, transcontinental road, logistics infrastructure.

Находясь в центре Евразии, Башкортостан обладает значительным транзитным потенциалом, предоставляя наземную транспортную связь как между странами Европы и Азии так и развитую сеть путей сообщения внутри страны. Институциональная дорожная система сложилась еще в древности, по мнению башкирского философа З.Г.Аминева: «башкирские дороги являлись частью трансконтинентальных дорог, растянувшихся по громадным просторам Евразии». [1]. Одна из таких дорог входила в караванную систему Великого Шелкового пути. На современном этапе социально-экономического развития общества вновь возникла необходимость в воссоздании такого транспортного коридора между Европой и Китаем через территорию России. Для реализации этого проекта был заключен договор о сотрудничестве в 2015 г. между главами РФ и КНР. Заинтересованность международных перевозчиков в развитии этого экономического пояса заключается в сокращении сроков транспортировки грузов по сравнению с морским транзитом, более низкой себестоимостью доставляемых грузов и охватом современной транспортной системой наиболее развитых агломераций России: Московской, Самарско-Тольяттинской, Нижегородской, Казанской, Уфимской, Екатеринбургской, Большой Новосибирской.

Важное значение уделяется строящимся новым участкам трансконтинентальной дороги, которая будет проложена и через территорию Башкортостана. В июле 2021 года стало известно об опережающем строительстве скоростной автомобильной дороги М-12 Москва – Нижний Новгород – Казань в рамках реализации федерального проекта «Строительство автомобильных дорог международного транспортного маршрута Европа – Западный Китай» национального проекта «Транспортная часть комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года». Данный проект именуют как «самый масштабный инфраструктурный проект нашей страны». В марте 2021 г. на реализацию которого было выделено финансирование «в размере 42873146,7 тыс. рублей, имея в виду обеспечение технической готовности указанной автомобильной дороги в объеме 20 %»¹. И уже в августе месяце было принято решение о продлении дороги до Екатеринбурга и Новосибирска. Российская часть дороги будет проложена до китайского г. Урумчи.

Часть трассы М-12 протяженностью 65 км будет проходить через северо-западные районы Башкортостана: Илишевский, Дюртюлинский и Чекмагушевский районы республики, которые входят в Уфимскую агломерацию. Данные участки дорог создаются как высокоскоростные магистрали поэтому их проектируют в обход населенных пунктов Исаметово, Верхнеяркеево, Лаяшты, Ишкарово и Асяново. Затем от города Дюртюли до поселка Ачит (Свердловская область) ГК Автодор построит абсолютно новую 274-километровую дорогу. Этот участок планируют сделать платной. Подготовлена конкурсная документация на проектирование магистрали и инфраструктуры. Часть трассы пройдет через лесной массив, минуя земли населенных

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2021 г. № 2077-р URL: https://bkdrf.ru/uploads/news/10_08_21.pdf (дата обращения 14. 09. 2021 г.)

пунктов Дорога будет шириной в 4 полосы. На ней построят 6 транспортных развязок. Расчетная скорость — 120 км/ч.¹

Важным моментом являются сроки строительства этого участка дороги сентябрь 2022 – апрель 2024 гг., то есть за 18 месяцев планируется закончить эту часть трассы². Необходимость строительства новой магистрали обусловлена тем, что она должна отвечать требованиям времени и освоения пространства. Современная транспортно-логистическая структура должна значительно сократить время на преодоление расстояний и доставку грузов. Поэтому это не только высокоскоростная магистраль, но и комплекс необходимых терминалов – систем транспортно-экспедиционного обслуживания территории для организации и управления системой грузо- и товародвижения, а также объекты придорожного сервиса. Для достижений этих целей необходимо развивать транспортно-коммуникационную инфраструктуру: экспедиционное обслуживание, логистические услуги, распределительные системы, информационное обслуживание. По мнению казахстанских ученых О. Сабден и Ж. Раимбекова: «без развития логистической инфраструктуры и в первую очередь без строительства вдоль следования транспортного коридора логистических парков и модернизации пограничных пропускных пунктов новый коридор не сможет стать достойным конкурентом существующим морским магистралям» [2, с. 11]. Реализация проекта позволит значительно увеличить объем грузоперевозок и синергетический эффект в развитии территории. Важным фактором станет вклад в развитие экономики региона: создание новых рабочих мест, развитие малого и среднего бизнеса, сервисной индустрии, туризма и других секторов экономики.

Для проведения работ по строительству этого участка трассы из федерального бюджета было выделено Республике Башкортостан 1760210,6 тыс.руб по статье расходов «III. Иные межбюджетные трансферты, предоставляемые в целях достижения целевых показателей региональных программ, предусматривающих мероприятия, реализуемые с применением механизмов государственно-частного партнерства». Республика, помимо прямых затрат на проведение геодезических изысканий, кадастровых работ, работ по демонтажу и переносу трубопровода и электросети, несет значительные транзакционные издержки по сбору информации, преодолению оппортунистического поведения конкурентов, построению контрактных отношений и др.

Известно, что виды издержек могут быть как постоянными (FC) - расходы, которые остаются неизменными каково бы ни было количество произведенной продукции; переменные издержки (VC) – напрямую зависят от объемов производства и меняются вместе с ним; общие издержки (TC) - представляют собой сумму постоянных и переменных издержек при каждом конкретном уровне производства.

На наш взгляд возможно количественное измерение транзакционных издержек, которое необходимо заложить в смету стоимости строительства трансконтинентальной магистрали. Воспользовавшись разработанной методикой оценки издержек и социо-эколого-экономической эффективности организаций, которые выражаются в формуле: $Ct = f(y, N, I, a, b, t)$. Где Ct – транзакционные затраты; y – коэффициент приведения; N – количество экономически активных агентов осуществляющих институциональные

¹ Ярославцева А. Передача дорог в федеральную собственность URL: <https://zen.yandex.ru/media/dorinfo.ru/peredacha-dorog-v-federalnuiu-sobstvennost-5ebd0a2d5724961d92522eb1/> (дата обращения 14. 09. 2021 г.)

² В Башкирии обсудили проект строительства трассы М-12 Москва-Екатеринбург. URL: <https://www.bashinform.ru/news/1634892-v-bashkirii-obsudili-proekt-stroitelstva-trassy-m-12-moskva-ekaterinburg/> (дата обращения 14. 09. 2021 г.)

взаимоотношения; I – количество институтов, оказывающих воздействие на организацию; a , b – коэффициенты, учитывающие влияние экономически активных агентов и институциональных соглашений на организацию; t – период времени, в течение которого действуют институциональные взаимоотношения [3.]. В итоге все издержки, включая транзакционные предлагаем рассчитывать по формуле: $TC = FC + VC + Ct$.

Это позволило бы максимально учесть не только прямые экономические издержки на строительство магистрали, но и немалые транзакционные издержки на поиск и обработку информации, ведение переговоров и заключения контрактов, измерения, спецификации и защиты прав потребителей, оппортунистического поведения и др. Например, в российском информационном поле долгое время обсуждалась другая траектория международного транспортного коридора, которая должна была пройти через территорию Казахстана: «В Республике Башкортостан 282-километровый участок МТК начнется от поселка Бавлы пройдет до города Кумертау: здесь уже разрабатываются проекты (в частности, моста через реку Ик). Стоимость проекта оценивается в 156 млрд руб. В Оренбургской области 172-километровый отрезок трассы пройдет в обход Оренбурга, Саракташа и до границ с Казахстаном. Его сейчас проектируют, размер необходимых инвестиций оценивается в 84 млрд руб»¹. Однако этот проект был отклонен по ряду причин. Одним из которых являлись высокие риски управления контрактными отношениями по строительству транспортного коридора через Казахстан.

Таким образом, Республика Башкортостан понесла значительные транзакционные издержки на сбор и анализ информации, проектирование строительства трансконтинентальной магистрали и инфраструктуры, подготовку контрактов и договоров, расчет сметы.

Благодарности

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00504-21-00 на 2021 г.

Литература

1. Аминев, З. Г. Дороги Южного Урала и их роль в этногенезе башкир / З. Г. Аминев // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках разработки 7-томного издания “История башкирского народа”, Уфа-Сибай, 27–29 мая 2009 года. – Уфа-Сибай: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, 2009. – С. 25-27.

2. Сабден О., Раимбеков Ж. Логистика – важный компонент экономики // Экономика: стратегия и практика. 2009. № 2-3 (11). С. 6-14.

3. Корчагин В.А., Ушаков Д.И., Сысоев А.С. Транзакционные затраты транспортных организаций в соответствии с институциональной экономической теорией // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 3-1. – С. 164-167; URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40025> (дата обращения: 24.06.2021).

¹ . Великий шелковый путь. Дорога, которая соединит Китай и Запад URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2801505>. (дата обращения 14.09.2021)

РОКАДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ: ЛОКАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Чайка Елена Андреевна
МАрхИ, Москва, Россия
archichaika@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия сопредельных территорий в условиях внутренних и внешних приграничных зон. Рассматриваются такие вопросы как наращивание взаимодействия вдоль рокадных территорий, в качестве драйверов развития экономики, туристической привлекательности, а также логистической связности региона.

Ключевые слова: приграничные зоны, рокадные территории, система расселения, логистическая связность.

ROCKAD INTERACTION OF THE ARCTIC REGIONS: LOCAL AND GLOBAL ASPECTS

Chaika, Elena
MAI, Moscow, Russia
achichaika@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problems of interaction of adjacent territories in the conditions of internal and external border zones. Such issues as increasing interaction along the rockade territories, as drivers of economic development, tourist attractiveness, as well as logistical connectivity of the region are considered.

Key words: border zones, rockade territories, settlement system, logistics connectivity.

Арктика и Крайний Север всегда всегда играли особую геостратегическую роль, а сегодня, в контексте международных процессов, приобретают особый статус - становятся центром притяжения национальных интересов и международного внимания, «в настоящее время Арктическая зона объективно становится важнейшим фактором устойчивого развития Российской Федерации в XXI веке» [1]. Значимость вопроса обостряется именно сейчас, в контексте интенсификации процессов освоения региона. Однако стоит обратить внимание, что все глобальное и локальные проекты должны учитывать при координации будущих проектов существующие проблемы и специфику территорий, в том числе: прогрессирующую убыль населения и недостаточность специализированных кадров, недостаточный уровень социальной инфраструктуры, низкую плотность транспортных сетей и местами отсутствующая логистическая связность, экологические проблемы региона и др. Часть вопросов должна решаться при взаимодействии с градостроительной наукой, которая может предложить модели развития территорий, действуя «как надотраслевая структура в созидательной деятельности государства, имеющей целью совершенствование пространственной организации страны, включая решения вопросов размещения производительных сил и расселения...» [2].

Стратегическую значимость приграничных территории сложно переоценить: барьерная, фильтрующая, контактная, экономическая, культурно интеграционная—

лишь малый перечень функций границ и приграничных территорий. И речь идет, в данном случае, не только о внешних государственных, но в случае больших территорий и внутренних межрегиональных границах. Для России, имеющей самую протяженную в мире государственную границу (более 60.9 тыс. км) и колоссальные по протяженности внутренние, пограничные или рокадные территории имеют для России особое значения. «Большое количество соседних государств России, каждое из которых имеет свои неповторимые этнокультурные и политическим традиции в сочетании с неповторимостью внутренних приграничных территорий, делает невозможным разработку единой универсальной геостратегии развития приграничных регионов и трансграничного взаимодействия. Трансграничное взаимодействие на каждом конкретном участке государственной границы специфично и уникально»[3] При большой площади и культурном богатстве, актуально и для территорий внутри страны, в частности территорий Севера и Арктики. Северные территории имеют огромное значение и колоссальный потенциал с одной стороны как территории, прилегающие к Северному морскому пути, возрождающегося, как важнейшая торгово – транспортная магистраль межконтинентального значения, ресурсной базы, богатств арктического шельфа, а с другой стороны - территории, обладающие это уникальный природный комплекс мирового значения (только территории Карелии и Мурманска это 5 государственных природных заповедников, 4 национальных парка, больше 40 природных заказников, парки и ботанические сады), а также это земли древней культуры и коренных малочисленных народов Севера, деревянного северного зодчества, христианских монастырей, памятников первобытной эпохи (Канозерские, Беломорские, Онежские петроглифы). С ростом промышленной и экономической активности в регионе необходимо предусмотреть меры сохранения природного и культурно-социального комплексов региона, препятствовать оттоку населения, повысить интерес (в том числе и туристический), как на локальном, так и региональном уровне. Не допустить деградации и трансформации этих уникальных территорий в безлюдную транзитную зону между Северным морским путем, шельфом, западными соседями и центральными регионами России.

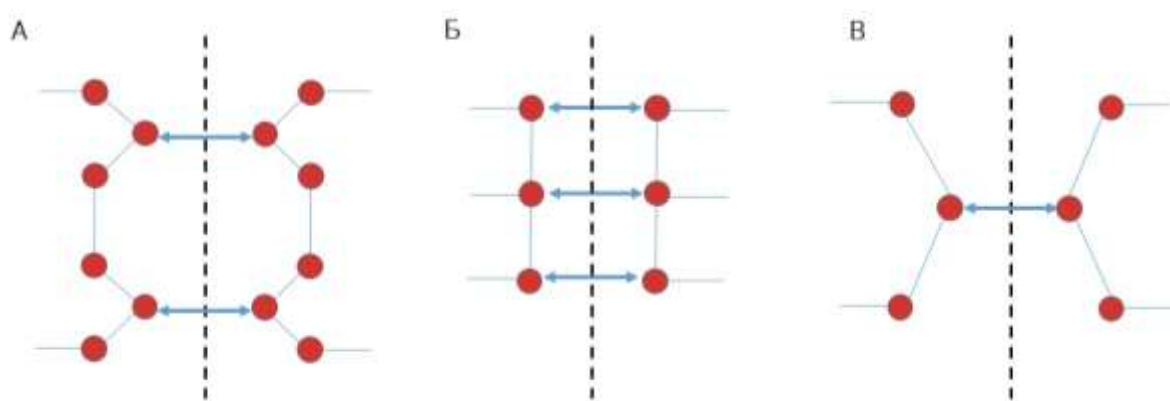

Рисунок 1. Варианты рокадного взаимодействия

В этих целях на базе приграничных территорий может быть сформирована особая система опорных центров: этнических, культурно-исторических, туристических и логистических (принципиальные модели организации рис.1). Применение подобной системы на внутренних административных границах, позволит сформировать регулярный каркас связей и локальных опорных пунктов мультипликативного назначения, включающих компактные логистические базы; пункты приема локальной

продукции, оснащенные холодильными установками и в последствии организациями по первичной переработке; туристические базы, обустроенные площадки для кемпинга, мини гостиницы и/или гостевые дома и сопутствующую инфраструктуру и другие функции, которые могут быть представлены в отдельных опорных пунктах и сочетаться в рамках одной опорной базы. Примером формирования подобных систем (преимущественно туристической направленности) может послужить опыт Финляндией, где обеспечивает существенный процент экономики страны обеспечивается сферой экологического и природного туризма (за счет наличия малых опорных пунктов и регулярных связей) при том, что в Финляндии практически полностью отсутствует культурно-исторический туризм и паломничество – ресурсы, которые есть в России.

Такой рокадный каркас позволить повысить доступность территорий, стать драйвером развития малого и/среднего бизнеса, предложить альтернативную занятость населению (тем самым способствую сохранению численность населения), привлечь внутренних и внешних туристов к историко-культурным, религиозным и природным аттракторам. Приграничные территории могут быть авангардом международного и межрегионального социально- культурного сотрудничества, территорией сохранения традиций и истории и реализации экономического потенциала.

Литература

1. Божко Л.Л., Концептуальные подходы к определению приграничных территорий, Региональная экономика: теория и практика, Москва, Изд. Финансы и кредит, 4 (139), 2010 – с.47-54.
2. Кострикин Н.Д., Жизнеспособные города», Журнал Экология и Жизнь, №12, 2011
3. Новенькова Т.В., Границы как объект архитектуры и градостроительного искусства, Архитектон: известия вузов, №16, Екатеринбург, Изд. УралГАХ, 2006
4. Новиков А.Н., Новикова М.С. Региональные особенности приграничного положения, Ученые записки казанского государственного университета, Казань, 2008 – с.229-240.
5. Хомич Л.В. Ненцы, Санкт – Петербург, «Дрофа», 2003 – 125с.
6. Хомич Л.В. Саамы, Санкт – Петербург, «Просвещение», 1999 – 126с.

БАРЬЕРНОСТЬ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Черномаз Павел Алексеевич

*Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
факультет международных экономических отношений и туристического бизнеса,
Харьков, Украина
chernomaz@karazin.ua*

Аннотация. Рассмотрены причины усиления барьерной функции российско-украинской границы и возможности ее снижения с помощью экономических, общественных и организационных мер. Предложено использовать общественную дипломатию и концепцию «умной» границы для улучшения ситуации на российско-украинском пограничье.

Ключевые слова: российско-украинское пограничье, трансграничное сотрудничество, барьерная функция границы, общественная дипломатия, умная граница.

BARRIERS OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN BORDER: OPPORTUNITIES TO OVERCOME

Chernomaz, Pavel

*V. N. Karazin Kharkiv National University Faculty of International Economic Relations and
Travel Business, Kharkiv, Ukraine
chernomaz@karazin.ua*

Abstract. The reasons for strengthening the barrier function of the Russian-Ukrainian border and the possibility of its reduction with the help of economic, social and organizational measures are considered. It is proposed to use public diplomacy and the concept of "smart" border to improve the situation on the Russian-Ukrainian border.

Keywords: Russian-Ukrainian borderland, cross-border cooperation, border barrier function, public diplomacy, smart border.

Неотъемлемым атрибутом государства как субъекта международного права являются границы. При этом они выполняют ряд важных функций, главные из которых – барьерная, фильтрующая и контактная – могут в разной степени соотноситься между собой в зависимости от установившейся пограничной ситуации [4, с. 305].

Барьерная функция позволяет задерживать на границе объекты, которые государство считает негативными, а их проникновение на свою территорию – крайне нежелательным. Однако барьерная функция границы, если она используется государством слишком жестко (вплоть до строительства стен и других укрепленных сооружений), порождает негативные эффекты, являясь тормозом трансграничного сотрудничества. Общеизвестен символ «холодной войны» – Берлинская стена. Для предотвращения проникновения террористов стены были возведены на границах Израиля с Египтом и Палестинской автономией, а также Индии с Пакистаном. В 2006 году президент США Джордж Буш подписал закон, на основании которого возведена защитная стена на границе с Мексикой для борьбы с незаконной иммиграцией.

В сложившейся ситуации (как политической, так и, в последнее время, связанной с мерами по предотвращению распространения болезни COVID-19) можно констатировать значительное усиление барьерности российско-украинской границы как для экономических субъектов (барьеры в торговле), так и для граждан двух стран (барьеры при пересечении границы людьми).

Известная в лимнологии (науке о границах) [1] типология границ по степени их проницаемости американского политолога Оскара Мартинеса [6], дополненная Б. Ван дер Вельдом и Р. Мартином, предполагает следующие виды взаимодействия (в зависимости от различия в масштабах, глубине и частоте контактов между двумя сторонами на границе): 1) отчуждение (закрытость, отчужденность, деградация приграничных регионов); 2) сосуществование (дозированность, ограниченность взаимоотношений); 3) взаимозависимость (регулирование асимметрии экономических условий); 4) интеграция (открытость, отсутствие ограничений для движения товаров и людей) [3, с. 25-26]. Согласно этой классификации, российско-украинская граница находится на стадии сосуществования и продолжает двигаться к отчуждению.

Для того, чтобы не произошло дальнейшей деградации приграничных регионов, это движение должно быть остановлено и приняты незамедлительные меры с целью снижения барьерности границы. Данные меры должны лежать как минимум в трех плоскостях – экономической, общественной и организационной.

Экономические меры по преодолению барьерности российско-украинской границы предполагают снятие Россией и Украиной взаимных санкций и эмбарго в торговле, а в идеале – возвращение к режиму зоны свободной торговли, действовавшему в рамках СНГ. Поскольку все введенные санкции были так или иначе порождены подписанием Украиной Договора об ассоциации с Европейским Союзом и реализацией его положений, то следует возобновить трехсторонние переговоры «Россия – Украина – ЕС» для согласования дальнейших действий, необходимых для отмены санкций. Только дипломатические консультации в трехстороннем формате могут ослабить конфликтность сложившейся ситуации и дать возможность специалистам в экономической сфере согласовать меры по выходу из кризиса отношений. Однако такие переговоры станут возможными лишь тогда, когда смогут договориться политические элиты России, Украины и ЕС.

Экономическое сотрудничество приграничных территорий Украины и России подкрепляется не только сложившимися бизнес-связями, но и родственными отношениями и дружескими контактами людей, живущих по обе стороны границы. Все это дает основу для развития «общественной дипломатии» с целью сглаживания конфликтов между граничащими государствами. Под «общественной дипломатией» будем понимать деятельность общественных институтов и отдельных лиц по осуществлению целей и задач внешней политики государств, в том числе для предотвращения или урегулирования конфликтов, поисков согласия и взаимоприемлемых решений, расширения и углубления межгосударственного сотрудничества [5].

Инструментами общественной дипломатии могут быть специально организованные международные форумы, «круглые столы», встречи экспертов и т.п. мероприятия, в которых принимают участие заинтересованные неправительственные организации (НПО) и отдельные лица (ученые, бизнесмены, лидеры общественного мнения). Это инструменты «мягкой силы», то есть их воздействие происходит, прежде всего, путем формирования общественного мнения.

При всей сложности межгосударственных взаимоотношений, а также конфликтности, диктуемой политическими элитами, общественные институты могут

выступить генераторами новых подходов во взаимоотношениях, основанных на взаимном уважении и поиске взаимоприемлемых решений выхода из конфликта.

Что касается процессов российско-украинского трансграничного сотрудничества, то путем общественной дипломатии следует сформировать в общественном мнении и донести до сведения правящих элит следующие важные императивы:

- межгосударственные конфликты рано или поздно приходят к своему разрешению, что потребует усилий и средств на восстановление разрушенных связей;
- межгосударственные конфликты наиболее остро ощущаются теми регионами, которые находятся в приграничье конфликтующих государств, а, значит, эти регионы в наибольшей степени нуждаются в поддержке тех трансграничных связей, которые взаимовыгодны, носят легальный характер и не связаны с криминальными проявлениями;
- политические противоречия на межгосударственном уровне ведут к сворачиванию трансграничного взаимодействия, разрыву гуманитарных связей и экономического сотрудничества приграничных регионов, и если не наладить политический диалог для разрешения конфликта, то это существенно усугубит кризис в приграничных регионах.

Однако следует признать, что действенность институтов общественной дипломатии во многом будет зависеть от того, насколько государственные власти прислушиваются к общественности, то есть насколько в конфликтующих странах развиты структуры гражданского общества, способные повлиять на решения правящих элит. Без политической воли тлеющий конфликт будет продолжаться.

Организационные меры по преодолению барьерности российско-украинской границы связаны с усовершенствованием механизма ее пересечения, что предполагает изменение режима работы и взаимодействия пограничных и таможенных служб двух государств.

Пограничные барьеры создают прямые или косвенные препятствия для трансграничных контактов, то есть затрудняют контактную функцию границы. С другой стороны, полная отмена пограничного и таможенного контроля в наибольшей степени способствует развитию трансграничных связей, однако, как правило, влечет за собой их криминализацию. Возникает вопрос: возможна ли «золотая середина», соответствующая оптимальной реализации фильтрующей функции, – минимум эффективных барьеров на границе, которые бы отсекали наиболее неблагоприятные эффекты трансграничного потока людей и товаров из одного государства в другое, таких как трансграничная преступность, нелегальная миграция, контрабанда и т.п., и в то же время пропускали ту часть потока, которая пользуется доверием государства и необходима для его развития?

Одним из ответов на данный вопрос стала впервые примененная на американско-канадской границе концепция «умной» границы. Чтобы оптимизировать фильтрующую функцию границы при одновременном усилении безопасности, США и Канада 12 декабря 2001 г. в Оттаве договорились о совместном контроле трансграничных потоков, подписав Декларацию об «умной» границе (Smart Border Declaration). При этом под «умной» понималась граница, которая способствует свободному пассажиро- и товаропотоку, развивая одни из наиболее обширных торговых отношений в мире. Одновременно был утвержден четкий план совместных действий по обустройству безопасной и «умной» границы (Action Plan For Creating a Secure and Smart Border).

В декларации провозглашались следующие приоритеты: создание режима наибольшего благоприятствования для пользующихся доверием путешественников и

коммерческих организаций, перенесение контроля над товарами таких организаций из пограничной зоны в пункты погрузки, модернизация пунктов пропуска для борьбы с заторами на границе. При этом США потребовали от Канады предпринять ряд необходимых мер: ужесточить миграционную политику, образовать Агентство пограничных служб (по американскому образцу в него вошли и пограничники, и таможенники), выделить на укрепление границы сумму, эквивалентную 5 млрд. долл. США [2]. Кроме того, одним из пунктов декларации были предусмотрены координация и обмен информацией, направленные на воплощение в жизнь целей, поставленных в плане. Важным механизмом «умной» границы стала электронная программа свободной и безопасной торговли FAST (Free And Secure Trade), разработанная для ускорения безопасных коммерческих поездок через границы США, Мексики и Канады, предусматривавшая сертификацию импортеров и перевозчиков, а также регистрацию водителей, которые после прохождения регистрации могли пересекать границу в упрощенном режиме по выделенным полосам движения. Аналогично для лиц, совершающих поездки между США и Канадой, была внедрена программа NEXUS и введены удостоверения постоянных жителей. При этом разработан общий перечень биометрических показателей для таких документов, как удостоверение постоянного жителя, NEXUS и других документов пассажиров, чтобы обеспечить большую степень безопасности. Программа NEXUS, как и FAST, распространялась на 11 наиболее важных пропускных пунктов американско-канадской границы.

Чтобы уменьшить барьерность границы, Россия и Украина должны снять существующую конфликтную ситуацию в политической сфере и проявить заинтересованность в двустороннем сотрудничестве, связанном с повышением мобильности населения на российско-украинском пограничье. Только после этого можно заняться обустройством «умной» границы, однако при выполнении ряда условий. На наш взгляд, главными условиями формирования такой границы являются: 1) внедрение эффективных механизмов быстрого пересечения границы легальными трансграничными потоками; 2) устранение коррупции среди пограничных служб. Первое условие должно включать совместное проведение в пунктах пропуска унифицированных пограничных и таможенных процедур соответствующими службами России и Украины. Это значительно ускорит прохождение границы. Кроме того, необходимо создание и ведение общей информационной базы о людях, транспортных средствах и грузах, пересекающих границу. Таким образом, информация в базу будет вноситься один раз и станет доступной обеим сторонам. При создании такой базы следует использовать новейшие технологии, в частности автоматизированное внесение данных путем сканирования электронных карт с необходимой информацией. При этом можно использовать американско-канадский опыт реализации программ быстрого прохождения границы пользующимися доверием путешественниками и перевозчиками грузов (NEXUS и FAST) [7]. Ускорению прохождения грузов через границу должно способствовать создание единых в России и Украине подходов к оценке соответствия продукции нормативным документам. В идеале необходимы работающие договоренности о взаимном признании деклараций и сертификатов соответствия на продукцию. Что касается устранения коррупции при прохождении границы, необходимо ужесточение ответственности сотрудников пограничных и таможенных служб, усиление контроля за их деятельностью, а также обеспечение прозрачности пограничных и таможенных формальностей (вплоть до тотальной видеофиксации).

Таким образом, концепция «умной» границы, если она будет реализована на российско-украинском пограничье, даст возможность ускорить прохождение формальных пограничных процедур, избегать дублирования в пограничном и таможенном контроле и, как следствие, экономить время и средства, а также устранять

ненужные барьеры на пути трансграничных потоков людей, товаров и транспорта. Однако такая концепция будет эффективной только тогда, когда обе стороны равно заинтересованы в развитии трансграничных связей. В таком случае они готовы идти на компромиссы в процессе формирования пограничной политики, гармонизации стандартов и принципов пересечения границы.

В целом для улучшения ситуации на российско-украинском пограничье, в том числе снижения ее барьерности, необходимо налаживание трехсторонних дипломатических переговоров между Россией, Украиной и ЕС для разрешения политического конфликта.

Литература

1. Введение в исследования границ / под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. – Владивосток: Дальнаука, 2016. – 426 с.
2. Голунов С. Пограничная безопасность: зарубежный опыт. Модели взаимоотношений сопредельных государств // Космополис. – 2008. – № 2. – С. 115-129.
3. Гуменюк Л.Г. Географические особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов России: Дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24; ФГАОУВО Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2017. – 168 с.
4. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.
5. Черномаз П.А. Возможности общественной дипломатии в трансграничном сотрудничестве // Общественная дипломатия как инструмент приграничного взаимодействия Евразийского союза. – Белгород: «КОНСТАНТА», 2016. – С. 44-47.
6. Martinez O.J. Border People: Life and Society in the U.S. – Mexico Borderlands. – Tucson: The University of Arizona Press, 1994. – P. 5–10.
7. Trusted Traveler Programs [Электронный ресурс] // U.S. Customs and Border Protection. – Режим доступа: <https://www.cbp.gov/travel>.

РАЗВИТИЕ ПОРТОВОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В 2009–2020 ГОДАХ***Шендрик Александр Владимирович****Санкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле,
Санкт-Петербург, Россия
shen@mail.ru****Лачининский Станислав Сергеевич****Санкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле,
Санкт-Петербург, Россия
lachininsky@gmail.com*

Аннотация. В работе исследуется развитие портового хозяйства России в период 2009-2020 гг. Рассмотрены основные показатели деятельности морских портов в Балтийском, Азово-Черноморском, Каспийском, Тихоокеанском и Арктическом бассейнах. Анализируется динамика развития портовых мощностей, динамика и структура обработки грузов по основным видам и направлениям, динамика количества пассажиров в морских портах регионов РФ. Обсуждается влияние COVID-19 на деятельность портового хозяйства России.

Ключевые слова: портовое хозяйство, морские порты, морской транспорт, грузооборот.

DEVELOPMENT OF PORT FACILITIES IN RUSSIA IN 2009-2020***Shendrik, Alexander****Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
shen@mail.ru****Lachininsky, Stanislav****Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
lachininsky@gmail.com*

Abstract. The paper examines the development of port facilities in Russia in 2009-2020. Authors review key economic indicators of seaports performance in the Baltic, Azov, Black and Caspian Sea, Pacific and Arctic oceans. Port facilities construction and modernization, dynamics and structure of cargo handling by main types and directions, dynamics of the number of passengers in seaports of Russian regions are analyzed. COVID-19 impact on seaport economy is discussed.

Key words: port facilities, seaports, sea transport, cargo turnover.

Последнее десятилетие для портового хозяйства России можно охарактеризовать как период интенсивного роста и трансформации: как в отношении состояния портовых мощностей, объемов переработки грузов и пассажирооборота, так и в отношении структуры обрабатываемых грузов и географии отрасли. Следует особо отметить, что указанную положительную динамику отрасли уже нельзя отнести на счет восстановительного роста на фоне низкой базы конца 1990-х – начала 2000-х. Произошедшие с 2009 по 2020 годы масштабные перемены имеют качественное и структурное измерение.

В указанный период в большинстве приморских регионов России активно создавались новые мощности грузовых портовых комплексов. Количество морских

грузовых причалов в стране возросло на 105 шт., их суммарная протяженность – на 25,8 км, а общий объем грузовых портовых мощностей вырос почти в 2 раза, прибавив 533 млн.т. (рис.1.1).

Лидерами по созданию новых грузовых мощностей в бассейне Балтийского моря стали: Санкт-Петербург (+29 млн.т. с 2009 по 2020), в Ленинградской области – порт Усть-Луга (+48 млн.т.). В бассейне Азовского и Черного морей – порты Краснодарского края: Новороссийск (+56 млн.т.), а также особенно активно развивавшиеся в новых экономических условиях порты Таманского полуострова – Тамань (+31 млн.т.) и порт Кавказ (+24 млн.т.).

В Арктике – прошедший модернизацию, главный порт по обслуживанию Северного морского пути – Мурманск (+26 млн.т.), а также созданный в 2012 году для транспортировки сжиженного природного газа порт Сабетта в Ямало-Ненецком АО (+28 млн.т.).

На Тихом океане – порты Приморского края: Восточный (+34 млн.т.), Владивосток (+14 млн.т.); Хабаровского края: Ванино (+24 млн.т.); а также порты Сахалинской области: открытый в 2008 году в рамках проекта Сахалин-2 для транспортировки нефти и СПГ – порт Пригородное (+22 млн.т. новых мощностей в период 2009-2020), и модернизированный в 2017 году угольный порт Шахтерск (+13 млн.т.).

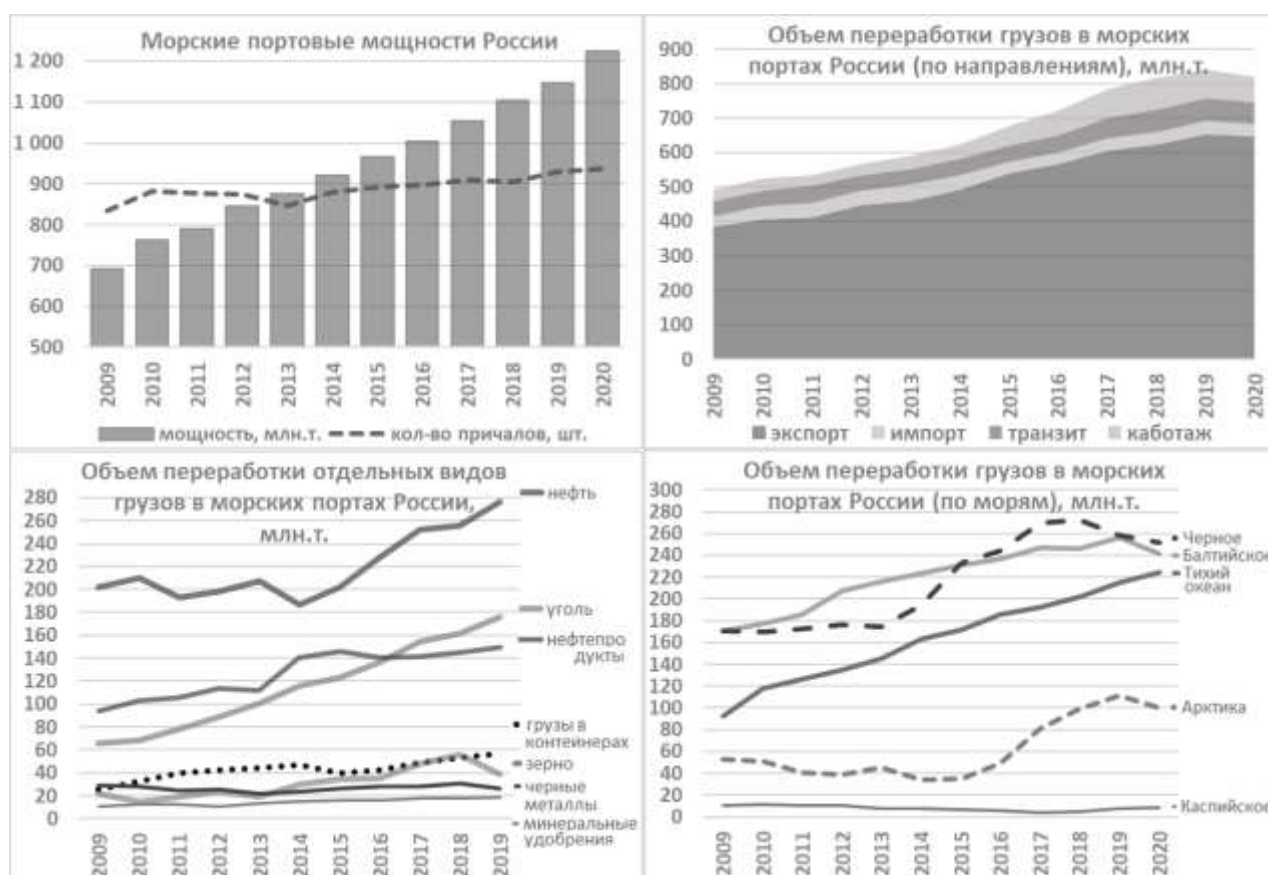

Рисунок 1. Основные показатели развития грузовых портов России в 2009-2020 гг.
**составлено автором по данным Росморречфлота и Росстата*

Модернизация и создание новых портовых мощностей в целом соответствуют темпам развития экономики страны, с определенным запасом удовлетворяя, в первую очередь, растущим потребностям экспортоориентированных отраслей. В настоящее

время уровень загруженности в большинстве портовых комплексов составляет в среднем около 70-80%.

Объем переработки грузов в морских портах России с 2009 по 2020 год вырос в 1,7 раза и составил более 820 млн.т. Основной объем прироста был обеспечен, прежде всего, за счет экспортных грузов. Кроме того, в процентном отношении серьезно возросли объемы исходящего транзита и каботаж (более чем в 2 раза) (рис. 1.2).

Структура обрабатываемых грузов тоже претерпела существенные изменения. Наибольший прирост объемов пришелся на уголь (2,7 раза, +111 млн.т.), нефть (1,4 раза, +74 млн.т.) и нефтепродукты (1,6 раза, +56 млн.т.). Особое внимание на себя обращают перемены, произошедшие в сфере контейнерных перевозок (рост в 2,2 раза, +34 млн.т.). Кроме того, в 1,8 раза возросли объемы грузов минеральных удобрений и зерна, потеснив в структуре поставки черных металлов. (рис.1.3)

Кроме роста совокупного объема и изменения состава грузов с 2009 по 2020 год произошли также значимые сдвиги в территориальной структуре портового хозяйства страны, в определенном смысле позволяющие говорить о новой географии отрасли. Полутора-двукратный рост объемов обработки грузов наблюдался в российских портах всех бассейнов, кроме Каспийского моря. (рис.1.4)

На первое место по объемам обработки грузов вышел Азово-Черноморский регион. Абсолютным лидером здесь является Краснодарский край, порты которого показали наиболее активный рост, начиная с 2014 года (прежде всего Новороссийск, Тамань, порт Кавказ). (рис.2.1). Лишь немного отстают порты Балтийского моря, где основной рост грузооборота пришелся на Ленинградскую область с портом Усть-Луга, ставшим к началу 2020 года крупнейшим портом во всем Балтийском регионе. (рис.2.2)

Впечатляющий прирост объемов в 2,5 раза впервые вывел Тихоокеанский бассейн на сопоставимый уровень с Балтикой и Черным морем. Главную роль в этом сыграли порты Приморского края (в первую очередь Восточный, Находка и Владивосток), Хабаровского края (Ванино, Порт Де-Кастри) и Сахалинской области (порт Пригородный, порт Шахтерск). (рис.2.3)

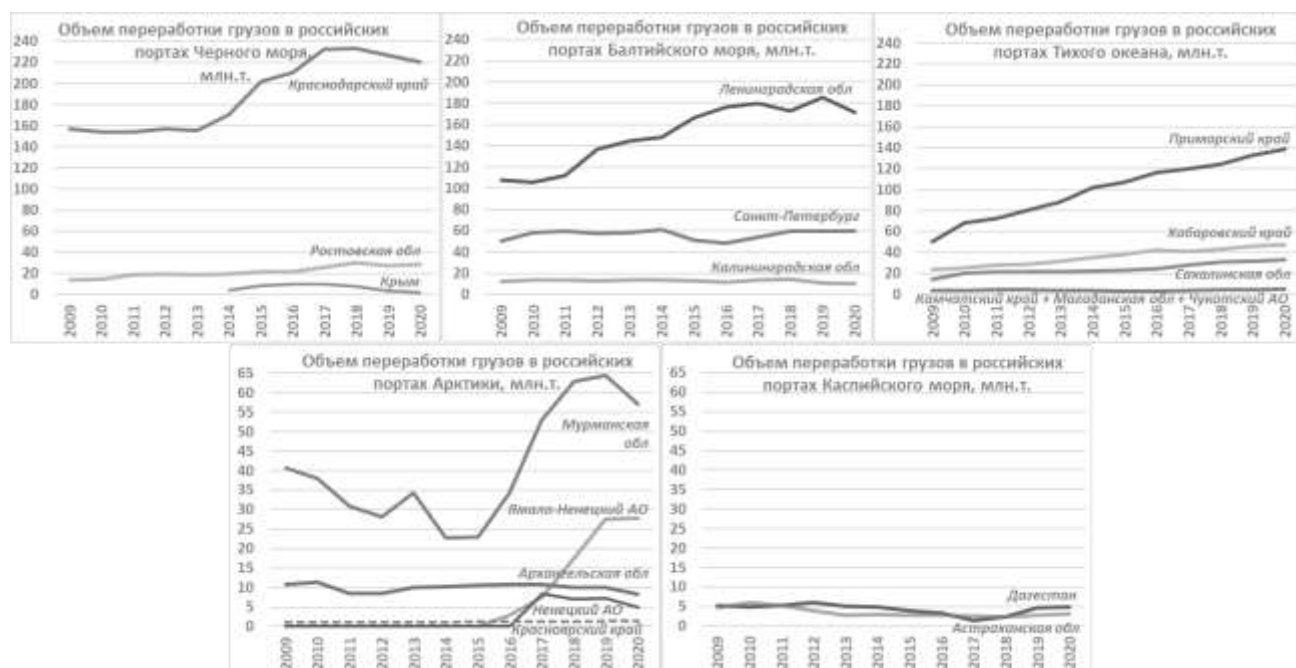

Рисунок 2. Региональная динамика обработки грузов в морских портах России в 2009-2020 гг.

**составлено автором по данным Росморречфлота*

И, наконец, почти двукратный рост обработки грузов наблюдается в портах Арктики в связи с проектами по доставке сжиженного природного газа и развитием Северного морского пути (СМП). Основной объем грузов здесь проходит через опорную базу СМП – Мурманский морской торговый порт, а также порт Сабетта в Ямало-Ненецком АО. (рис.2.4)

Лишь российские порты Каспийского моря остаются пока в стороне от масштабных перемен, происходящих в портовом хозяйстве страны. (рис.2.5)

Исследуя показатели деятельности пассажирских портов России в 2009-2020 гг., следует особо выделить период многократного повышения пассажиропотока и крайне интенсивной нагрузки на пассажирские комплексы с 2014 по 2018 годы, связанный с необходимостью транспортного обеспечения Республики Крым с момента вхождения в состав РФ и до окончания строительства Крымского моста (рис.3.1).

Рисунок 3. Количество пассажиров в морских портах РФ и отдельных регионов в 2009-2020гг

**составлено автором по данным Росморречфлота*

Оценивая влияние пандемии COVID-19 на деятельность морских портов РФ необходимо отметить, что в большей степени она отразилась на международных пассажирских морских перевозках, в связи с чем основные потери понес, прежде всего, пассажирский порт Санкт-Петербурга. (рис.3.2)

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта №19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции».

Литература

1. Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот), morflot.gov.ru
2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат), rosstat.gov.ru

ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИРОВАНИЯ, КООРДИНАЦИИ И ПОВЫШЕНИЯ ВЗАИМНОГО ДОВЕРИЯ В ПРИГРАНИЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Шлямин Валерий Александрович

*Институт северо-европейских исследований, Петрозаводский государственный
университет, Петрозаводск, Россия
vshlyamin@yandex.ru*

Гладких Екатерина Геннадьевна

*Институт экономики и права, Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия
martyukova_e@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена всё более актуальной теме развития приграничного экономического сотрудничества (ПЭС) России в формировании пояса добрососедства по периметру государственной границы нашей страны на примере российско-финляндского ПЭС. Новые внешнеполитические, экономические и экологические вызовы, последствия пандемии коронавируса потребовали критического переосмысления подходов к стратегированию и координации ПЭС в масштабах страны, федерального округа и субъекта Федерации.

Ключевые слова: российско-финляндские экономические отношения, приграничное экономическое сотрудничество, межправительственная комиссия, культура, доверие.

PROBLEMS OF STRATEGIZING, COORDINATION, AND INCREASING MUTUAL TRUST IN THE CROSS-BORDER ECONOMIC COOPERATION OF RUSSIA AND FINLAND

Shlyamin, Valery

*Institute of Northern European Studies, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
vshlyamin@yandex.ru*

Gladkikh, Ekaterina

*Department of Economic Theory and Management, Institute of Law and Economics,
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
martyukova_e@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the increasingly relevant topic of the development of cross-border economic cooperation (CBEC) of Russia in the formation of a belt of good-neighborliness along the perimeter of the state border of our country using the example of Russian-Finnish CBEC. New foreign policy, economic and environmental challenges, the consequences of the coronavirus pandemic demanded a critical rethinking of approaches to strategizing and coordinating CBEC across the country, the federal district and the subject of the Federation.

Key words: Russian-Finnish border economic relations, cross-border economic cooperation, Intergovernmental Commission, culture, trust.

Финляндия вот уже многие годы входит в группу 15 стран – крупнейших торгово-экономических партнёров Российской Федерации в мире по показателю товарооборота и в десятку – по торговле услугами. При этом наши страны, отличаясь

по масштабам национальных экономик, их структуре, специализации в мировой экономике, сумели воспользоваться возможностями добрососедства в двусторонней торговле, органично дополняя друг друга. Для России Финляндия особенно ценна как технологический партнёр. В отличие от большинства других высокоразвитых стран Запада, Финляндия обладает опытом технологической и производственной кооперации с Россией, в том числе и на приграничных территориях.

Следует принять во внимание социальный эффект от развития приграничных экономических связей. По нашим расчётам, с учётом сложившейся структуры двусторонней внешней торговли, показателей производительности труда на основных предприятиях-экспортёрах по обе стороны границы, в далеко не самом благополучном 2020 году в СЗФО, благодаря экспорту в Финляндию, было образовано и сохранено не менее 20 тысяч рабочих мест. В свою очередь экспорт Финляндии в СЗФО в 2019 году позволил стране-соседу сохранить около 9 тысяч рабочих мест.

Финляндия наряду с Китаем является крупным партнёром России в европейском и евроазиатском транзите товаров с объёмом порядка 4 млрд. дол. США в год. В данном секторе особая роль отводится транспортно-логистической и таможенной инфраструктуре приграничных российских территорий.

К приграничным территориям обычно относят муниципалитеты и государственные образования, в частности субъекты федерации, прилегающие к государственной границе страны. Мы исходим из того, что для РФ к приграничным территориям необходимо также относить федеральный округ, так как для повышения эффективности ПЭС в общероссийских интересах целесообразно осуществлять стратегирование и координацию социально-экономического развития и ПЭС в масштабе макрорегиона – федерального округа, преодолев разобщённость субъектов Федерации, нередко, неоправданную их конкуренцию на внешних рынках. Как нам представляется, назрела необходимость в создании в федеральных округах территориальных органов Правительства России с целью координации социально-экономического развития в макрорегионах, что позволит наряду с прочим заметно повысить эффективность ПЭС.

За последние 7 лет, как никогда за период после II Мировой войны, обострение внешнеполитической обстановки в мире подвергает серьёзному испытанию сложившиеся добрососедские экономические отношения России и Финляндии. В Финляндии вновь возродились мифы о России-агрессоре. Из-за утраты доверия политических элит стран-соседей в приграничье не состоялись сотни больших и малых контрактов.

Как нам представляется, прогрессивный опыт производственной кооперации стран-соседей вполне может быть использован в XXI веке. Опыт и технологии Финляндии, перенесённые в Россию, будут востребованы в процессе импортозамещения.

В свою очередь передовые российские технологии в атомной энергетике, в медико-биологическом секторе востребованы в Финляндии. Крупнейшим совместным проектом в ближайшие 5 лет будет строительство АЭС в Ханхикиви, стоимость которой, по экспертным оценкам, составит около 7 млрд. евро. В этом проекте с высокой степенью вероятности примут участие предприятия Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Карелия.

По данным Банка России, по состоянию на 01.04.2021 г. объём финских прямых накопленных инвестиций в Россию составил 6209 млн. долл. США, а объём накопленных российских инвестиций в Финляндию составил 3276 млн. долл. США. В сфере международной инвестиционной деятельности достоверно определить происхождение инвестиций из той или иной страны, пользуясь только статистическими

данными национальных банков, практически невозможно. Это объясняется стремлением инвесторов (в том числе финских и российских) размещать капиталы в оффшорных юрисдикциях с целью максимально снизить налоговые издержки. Реальный объём финских инвестиций в Россию за последние 20 лет, по экспертным финским оценкам, составляет не менее 14 млрд. дол. США. Не менее трети объёма этих инвестиций, по нашим оценкам, приходится на СЗФО.

Новые внешнеполитические вызовы, столкновение экономических интересов в Арктике и на Севере Европы крупных держав, трудно прогнозируемые последствия пандемии и быстрого изменения климата – всё это требует от России и от Финляндии интенсивного осмысления, поиска стратегических решений в уточнении национальных интересов и действенных мер по сохранению добрососедства.

В Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации, утверждённой Распоряжением Правительства Российской Федерации № 2577-р от 7 октября 2020 года, наряду с прочим заложен важнейший принцип учёта особенностей приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств. При этом, на наш взгляд, важно не только учитывать эти особенности, но и иметь долгосрочную стратегию России по отношению к каждой стране-соседу, а также учитывать стратегические ориентиры и интересы соседних государств. К сожалению, стратегическое планирование в макрорегионах пока организовано не лучшим образом. Так, до сих пор не принята Стратегия социально-экономического развития СЗФО до 2030 года.

В Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года приграничные субъекты СЗФО отнесены к геостратегическим территориям, на которых предусматривается ускоренное социально-экономическое развитие. При этом не совсем понятно, за счёт каких ресурсов предполагается добиться этого ускорения.

Координация приграничного сотрудничества возложена на созданную в 2012 г. Межправительственную комиссию. Однако уже вскоре после создания новой МПК участникам ПЭС с двух сторон стало понятно, что, к сожалению, этот институт не в состоянии оказывать сколько-нибудь ощутимого влияния на деловой климат приграничных связей. Практически все значимые вопросы ПЭС решала и продолжает решать российско-финляндская МПК по экономическому сотрудничеству (так называемая «Большая комиссия»).

В сложившихся сложных внешнеполитических условиях восстановление доверия и взаимопонимания в политических и деловых кругах России и Финляндии имеет исключительное значение для обеих стран.

Доверие как экономическая категория является частью понятия «социальный капитал». В свою очередь, социальный капитал, будучи мерой распространённости норм честности, доверия и кооперации, является частью культуры. Культура же для целей экономического анализа – это ценности, разделяемые в конкретном обществе. Эти ценности передаются из поколения в поколение и крайне медленно меняются во времени [3].

За последние два-три десятилетия в экономической литературе появилось множество исследований, посвящённых роли культуры и доверия в экономике. Социокультурная экономика сегодня – самостоятельное направление институциональной экономической теории со своей повесткой [3]. Доказано, что культура и доверие оказывают существенное влияние на экономические результаты [см. например, 8, 9, 10, 11, 12, 13].

Различия в ценностных установках в обществах России и Финляндии сегодня можно не только интуитивно почувствовать при взаимодействии с финскими партнерами, но и измерить и зафиксировать разницу в цифрах с помощью

специализированных методик анализа социокультурных факторов. Таких методик сегодня более десяти: методика шести измерений культуры Г. Хофстеде, опросы Всемирного исследования ценностей Р. Инглхарта, ценностный опросник Ш. Шварца и другие. Помимо отличий в социокультурных профилях России и Финляндии [см., например, 5], существует также большое различие в уровне доверия внутри самих обществ двух стран [1].

Однако при всех имеющихся различиях есть основания полагать, что приграничные территории сильно отличаются от средних показателей по стране. В том числе по уровню доверия.

Так, например, авторским коллективом под руководством В.П. Бабинцева была предпринята попытка исследовать идентичности населения приграничных территорий России и Украины. Авторы пришли к выводу о существовании серьезных различий в идентичности населения приграничных регионов по сравнению с остальной территорией государства: «Наднациональные интеграционные процессы становятся источником трансформации локальной идентичности населения приграничных регионов. Вследствие этого в процессе взаимопроникновения идентичностей происходит формирование новых культурно-цивилизационных целостностей по обе стороны административной границы. На территориях приграничья двух и более государств формируется особая идентичность, которая, как показывают результаты исследований, может значительно отличаться от сформированной внутри государства». [4:18]

А в 2016 г. эксперты из ЦСР, МГУ, РЭШ И ИНП предприняли исследование, направленное на изучение социокультурного разнообразия российских регионов, а также факторов инновационного развития и имплементации реформ [6] Результаты исследования показали, что Россия характеризуется относительно низким радиусом доверия в целом по стране. Однако показатели СЗФО (куда входят территории, граничащие с Финляндией: Санкт-Петербург, Ленинградская область, Мурманская область, Республика Карелия) оказались существенно выше [6: 151]. К сожалению, в число подробно обследованных регионов СЗФО попала только Ленинградская область. Исследование показало, что на территории Ленинградской области уровень социального капитала, оцениваемого по уровню доверия, а также распространенности норм гражданской кооперации, в целом выше. Выше в данном регионе и спрос на механизмы подотчетности власти [6: 35, 153].

Авторы вышеупомянутого исследования классифицировали все регионы России по четырем группам в зависимости от степени готовности населения и адаптации к реформам, мобильности. Все четыре субъекта (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Мурманская область, Республика Карелия) были отнесены к первой группе регионов с наибольшей степенью мобильности, готовности и адаптации населения к реформам. [6: 39]

Это дает основания полагать, что инициативы, направленные на повышение доверия в двусторонних отношениях (развитие разнообразных форм публичной дипломатии; поощрение инициативных форм приграничного предпринимательства и предпринимательской коммуникации, укрепление доверия партнёров, в т.ч. путем вовлечения в процесс неправительственных организаций, которым доверяют люди (университеты, НИИ, малый и средний бизнес) – могут дать хороший результат.

Способствовать росту доверия в двусторонних отношениях, на наш взгляд, может и форсированная пандемией COVID-19 цифровизация, а также активное развитие цифровых платформ. Прозрачность, система взаимного рейтингования покупателя и поставщика товаров и услуг снижают стимулы к оппортунистическому поведению, повышают доверие, создавая новые механизмы обеспечения достоверности

обязательств. Данный тип доверия, вероятно, является новым и получил название «шерингового», т.е. распределенного. [7].

Подводя итоги, сделаем следующие выводы:

Имеются достаточные предпосылки для сохранения важной роли приграничного экономического сотрудничества России и Финляндии, по крайней мере, на среднесрочную перспективу.

Повышение экономической эффективности ПЭС для Российской Федерации возможно достигнуть путём разработки среднесрочной стратегии развития ПЭС с Финляндией и другими странами-соседями, стимулирования межрегионального взаимодействия отечественных приграничных территорий и координации ПЭС субъектов Федерации администрацией федерального округа или соответствующим органом Правительства РФ в приграничном макрорегионе.

У России и Финляндии существует значительный потенциал роста взаимного доверия и культурного сближения, которое так необходимо для дальнейшего развития взаимовыгодных добрососедских отношений.

Литература

1. Акулов В.Б., Гладких Е.Г. (2019) Социальный капитал - барьер или ресурс развития приграничного сотрудничества России и Финляндии? *Международная экономика*. №6. С. 58-72.
2. Аузан А.А. (2021) Глобальные институциональные последствия коронакризиса. *Журнал НЭА*. №1 (49). С. 204–208. <http://www.econorus.org/repec/journal/2021-49-204-208r.pdf>
3. Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. (2020) Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка. *Вопросы экономики*. №7. С. 75-91.
4. Бабинцев В.П., Сапрыка В.А., Быхтин О.В., Пастюк О.В. (2017) Интеракция культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов России и Украины. *Вестник славянских культур*. Вып. 43. С. 9-23.
5. Гладких Е.Г. (2021) Социокультурные портреты наций России и Финляндии: сходства и различия. *Актуальные проблемы экономики и права*. Выпуск 1 (6). С. 25-30.
6. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ: доклад ИНИП, ЛИСОМО РЭШ, РвС для ЦСР. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/report-sf-2017-10-12.pdf>
7. Никишина Е.Н. (2020). Доверие и шеринговые платформы // *Вестник Московского университета*. Серия 6: Экономика. №. 4. С. 71–83.
8. Alesina, A., Algan, Y., Cahuc, P., Giuliano, P. (2015). Family values and the regulation of labor. *Journal of the European Economic Association* 13(4), 599-630 (DOI): 10.3386/w15747
9. Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*, Vol. 53, No. 4, pp. 898—944.
10. Algan Y., Cahuc P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review*, Vol. 100, No. 5, pp. 2060—2092.
11. Gorodnichenko Y., Roland G. (2015). Culture, institutions and democratization. NBER Working Paper, No. 21117.
12. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2004). The role of social capital in financial development. *American Economic Review*, Vol. 94, No. 3, pp. 526—556. <https://doi.org/10.1257/0002828041464498>
13. Putnam, R. D. (2000) *Bowling alone*. Simon & Schuster.

Научное издание

**Перспективы социально-экономического развития
приграничных регионов: материалы VII международной
научно-практической конференции**

6-7 октября 2021 г., г. Петрозаводск

Печатается по решению Ученого совета
Института экономики КарНЦ РАН

Издано в авторской редакции

Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
Институт экономики КарНЦ РАН
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50